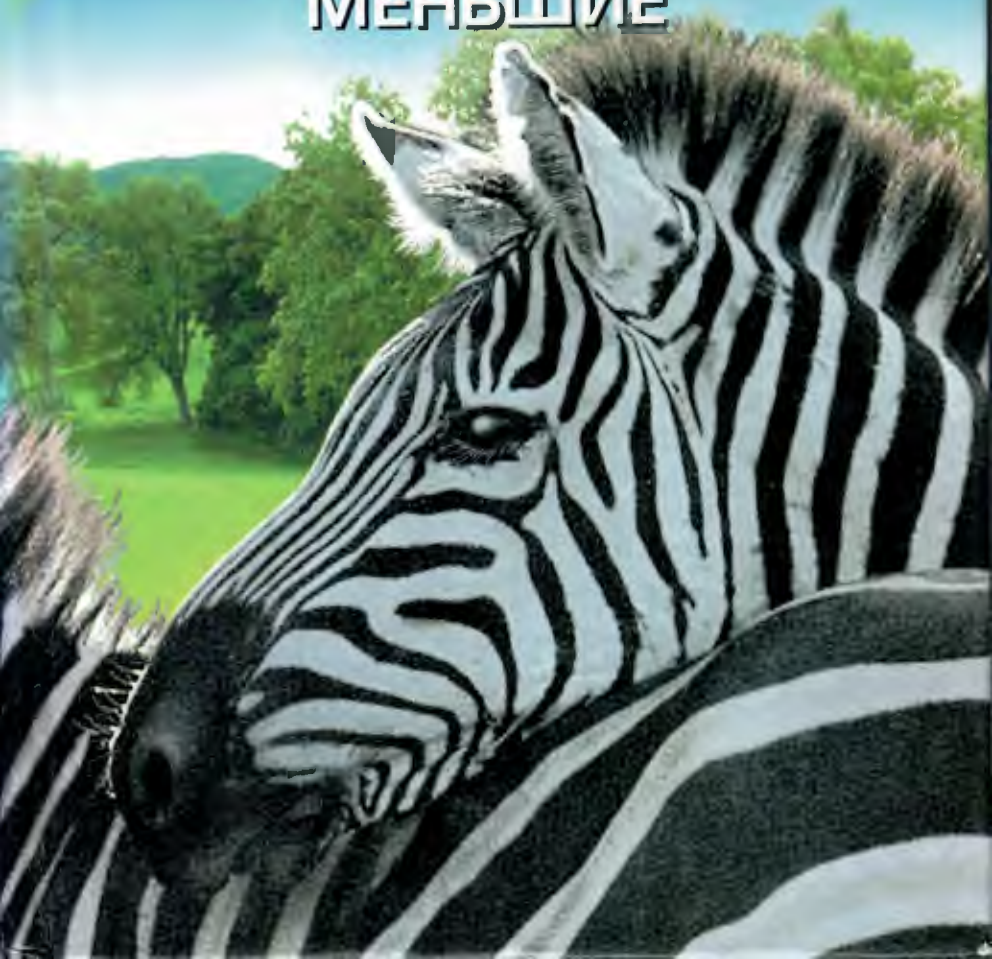

ЗЕЛЕНАЯ
СЕРИЯ

БЕРНГАРД

ГРЖИМЕК

НАШИ БРАТЯ
МЕНЬШИЕ

**БЕРНГАРД
ГРЖИМЕК**

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

18

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

НАШИ БРАТЯ МЕНЬШИЕ

*Перевод с немецкого
Е. А. Геевской*

10 6 1 00/1 1/2

Москва
«Дрофа-Плюс»
2003

28.69

УДК 82-311.8(02)

ББК 84(4Нем)-44я5

Г 75

10

**Иллюстрации
Ермакова А. В.**

ISBN 5-9555-0074-X

© Перевод, Геевская Е. А., 1981

© Иллюстрации, Ермаков А. В., 2003

© ООО «Дрофа-Плюс», 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

С какими только животными мне не приходилось иметь дело в своей жизни! Кого тут только нет! Но наиболее, на мой взгляд, захватывающая история — это как я сорок лет назад в Берлине, в цирке Саррасани, взялся выступить с группой тигров. Чужих, незнакомых мне тигров!

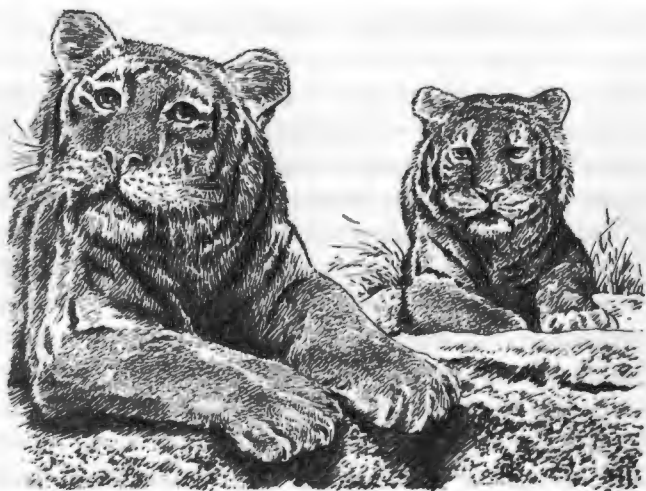
Вот, оказывается, как это все тогда было! А я и позабыл совсем. Эти полосатые огромные кошки, смотревшие сквозь меня своими холодными янтарными глазами... Они, а вместе с ними и многие мои тогдашние заботы и волнения снова ожили и обступили меня. Интересно, взволнует ли и вас, дорогие мои читатели, все, что здесь будет рассказано? Почувствуете ли вы все то, что чувствую я, перелистывая страницы этой книги?

Мне и позже не раз приходилось иметь дело с артистами цирка. Многие из них замечательные люди, и я подружился с ними на долгие годы. В частности, когда я после войны восстанавливал своими силами Франкфуртский зоопарк, они мне деятельно помогали. Как-то однажды я (из простого лихачества) поспорил с группой канатоходцев, что пройду по канату, натянутому под куполом цирка. И выиграл это пари! Потому что это совсем не так уж трудно, как может показаться непосвященному, важно только держать при этом в руках тяжелый шест-балансир. Мой старший сын Рохус однажды повторил этот трюк (тоже на спор). Но все же это не идет ни в ка-

кое сравнение с теми днями, проведенными мною в цирке Саррасани.

В этом новом издании книги многие главы пришлось заменить, потому что за последние десятки лет нам, зоологам, удалось узнать о животных такую массу нового, что многое из того, что нам тогда казалось незыблемыми истинами, просто не соответствует действительности. А многое, что нам вначале казалось новым и удивительным, теперь все воспринимают как обычное и само собой разумеющееся. Таким образом, в этой книге появились главы, которых не было в предыдущих изданиях. Очень надеюсь, что чтение ее доставит вам удовольствие.

БЕРНГАРД ГРЖИМЕК

Глава первая

ПОДОПЫТНОЕ ЖИВОТНОЕ — ТИГР

Помню, мы стояли однажды вечером в темном переполненном вагоне берлинской подземки — профессор Кёллер, тогда еще ординатор зоологического факультета университета, и я. Было это в 1942 году. Он только что прибыл в город, весь день бегал по различным ведомствам, а вечером заехал за мной на работу. Оба мы были достаточно измотаны за день.

Но ничто так не взбадривает, как приятная болтовня с человеком своей специальности, вдобавок настроенным, как говорится, на ту же волну. Сначала мы поговорили об удивительных результатах, полученных им в опытах с голубями и другими птицами, а потом незаметно перешли на мои опыты с волками, лошадьми и собаками. Ведь у каждого в конце концов есть свое любимое занятие, которое согревает ему сердце даже в такие суровые времена, как тогда.

— Ужасно жалко, что нам, исследователям, приходится большей частью довольствоваться всякой мелкотой в ка-

честве подопытных животных,— говорил профессор Кёлер.— А все потому, что для таких объектов, как птицы, белые мыши, насекомые и тому подобное, еще кое-как хватает тех более чем скромных помещений, денежных средств и малочисленного персонала, которые нам в состоянии выделить наша высшая школа. Даже для лошадей уже потребовалось бы построить конюшни и держать конюхов. А о слонах, тапирах, а тем более львах и говорить нечего! В то время как именно опыты с крупными млекопитающими дали бы массу новых сведений по зоопсихологии! Ведь они нам, что там ни говори, значительно более сродни и стоят к нам гораздо ближе по своему развитию, чем дрозофилы, вороны или почтовые голуби!

Мы въезжали как раз под навес вокзала. Мимо нас промелькнули вагоны поезда дальнего следования. Матовые огни паровоза поблескивали в темноте, словно глаза подкрадывающегося хищника.

— При этом я не многого бы добился,— продолжал мой друг Отто Кёлер,— раздобудь я даже пару лошадей для своего института и начни с ними экспериментировать. Это может позволить себе только тот, кому прежде приходилось жить с ними бок о бок и вообще иметь дело с лошадьми. Для этого надо быть или коннозаводчиком, или кучером, или наездником, или служителем зоопарка, или дрессировщиком — словом, надо хорошо разбираться в повадках и особенностях того или иного вида животных. При этом знать их досконально, и не одного представителя вида, а как можно больше, потому что каждый из них индивидуален. А этого можно достичь только при долготном постоянном общении с животными. И лишь после этого надо приступать к таким опытам, как наши. Ведь, согласитесь, среди немецких зоопсихологов только те достигли значительных успехов, которые поступали именно таким образом: жили рядом со своими подопытными животными. Старый Хайнрот, который поселил у себя в ванной чомгу и лысух, а в столовой разводил воробьев, толь-

ко поэтому и написал свой пухлый трехтомник о птицах — настоящий клад для зоопсихологов. А Конрад Лоренц, который нам, собственно говоря, и дал в руки современные методы, позволяющие спокойно и честно оперировать таким заезженным и запутанным понятием, как инстинкт, он ведь тоже начал с чердака дома своего отца в Вене. Именно на этом чердаке он сделал свои первые открытия и разрешил первые из тех проблем, которыми занимается и по сей день. На этом старом чердаке, где он развел колонию галок, будущий ученый проторчал несколько лет, наблюдая все галочьи ссоры, примирения и галочью любовь. Его серая гусыня Мартина спала в семейной спальне Лоренцов и каждый вечер поднималась вслед за ними по лестнице на второй этаж, чтобы важно прошествовать к своему спальному месту. Вскоре весь дом, двор и сад Лоренцов превратились в настоящий «рай для животных». Его институт сравнительной психологии состоял в основном из аквариума.

Нет, нам еще далеко до постановки настоящих этологических опытов со слонами или тиграми, для этого мы еще слишком мало их знаем. Нам следовало бы поближе с ними пообщаться, установить хоть какой-то контакт, а не перекладывать такое общение на плечи цирковых дрессировщиков или служителей зоопарков...

Извините меня, дорогие читатели, что я докучаю вам этой профессиональной беседой, которую мы вели тогда, стоя в вагоне берлинской подземки. Но мне кажется, что человек, притом серьезный ученый, обязан объяснить, каким образом ему пришла в голову странная идея превратиться на некоторое время в циркача, дрессировщика диких животных. И если уж он решился на нечто подобное, то должен точно мотивировать свой поступок, чтобы о нем не подумали, что он «того»... А идея эта пришла мне в голову на следующее утро после нашей беседы, когда я увидел огромную афишу цирка Саррасани с изображением головы тигра. Если уж нет возможности спокойно на-

блюдать за животными во время их ежедневных занятий (добычи пищи, семейных скандалов, рождения детенышей, неурядиц и любви, что в обычных зоопарках сделать невозможно), то наилучший способ познакомиться поближе — это работать с ними в цирке. Ведь объездчик диких мустангов за несколько дней узнает несравненно больше о лошадиной душе и повадках, чем тот, кто в течение двух недель будет слоняться вокруг загона и наблюдать за лошадьми. И кто может глубже вникнуть в характер тигра, почувствовать признаки его хорошего или дурного настроения, чем дрессировщик? Да ему просто необходимо знать это каждую секунду, которую он проводит в клетке (если ему жизнь дорога!).

В прежние времена цирки шапито все время переезжали с места на место, не задерживаясь нигде подолгу. Такие цирки, как цирк Альтхоф или цирк Кроне, сегодня могли появиться в Штутгарте, а завтра в Вайхингене. Однако цирк Саррасани многие месяцы давал представления в Берлине (притом при постоянном аншлаге!). Так что времени было достаточно, чтобы на досуге завести знакомства с его четвероногими обитателями.

Я выжидаю момент, когда этот огромный кочевой город, состоящий из бесчисленных фургонов и гигантских тюков брезента, переезжает из одного района Берлина в другой. Затем пережидаю еще одну неделю, за которую администрация, по моим расчетам, должна уладить такие необходимые дела, как подключение к городской электросети, подвоз кормов и т. д., после чего все это хозяйство снова войдет в налаженную колею. Вот тогда-то я звоню по телефону директрисе цирка, госпоже Труде Саррасани, и договариваюсь с ней о встрече.

История цирков, как правило, богата самыми удивительными человеческими судьбами. Известны случаи, когда владельцы маленьких зверинцев или даже клоуны заканчивали свою жизнь влиятельными чиновниками, под началом которых работало более тысячи подчинен-

ных. Но чтобы молоденькая, хорошенькая девица, поступившая в качестве танцовщицы в один из самых больших и знаменитых тогда цирков, сделалась в один прекрасный день владелицей самого замечательного и огромного театрального здания в Дрездене, хозяйкой сотен диких зверей, руководительницей разъезжающих по всему свету цирков шапито — этих гигантских кочевий, начальницей над целым войском рабочих сцены и балетных трупп, колоннами грузовиков, оркестрами и быстроногими табунами лошадей — это редко кому приходилось видеть. Такая история достойна быть записанной в пестрой книге жизнеописания этого «кочевого племени».

А случилось все вот как. В новомодном ноевом ковчеге — на современном океанском лайнере, забитом до отказа слонами, верблюдами, акробатами и клоунами, молоденькая танцовщица познакомилась с сыном «короля цирка». Добравшись до Южной Америки, Ханс Стош-Саррасани обручился с избранницей своего сердца — Труде, а после окончания гастролей, когда пароход с «цирковым городком» двинулся на северо-восток, юная госпожа директорша осталась с частью труппы в Аргентине и уже самостоятельно руководила ею. Когда же молодой Саррасани несколько лет спустя неожиданно скончался в берлинской гостинице, Труде Саррасани за одну ночь стала руководителем одного из крупнейших цирков Европы.

— Ваша просьба, доктор, меня, по правде говоря, огоорила, — сказала мне эта молодая дама, когда мы уже сидели вместе в ее уютном жилом фургончике, стоящем посреди кочевого царства. — Признаться, наилучшей рекламой для нас было бы, если бы они вас сожрали! Ведь удайся ваша затея, многие зрители могут подумать, что наши тигры — самые что ни на есть безобидные киски, к которым каждый, кому не лень, может зайти в клетку... Правда, ваша работа с волками — свидетельство того, что вы не первый встречный и имеете отношение к дрессировке животных, не правда ли?

Беседа наша была не из коротких, но в конце концов фрау Саррасани дала свое согласие на мой эксперимент, вызвала администратора господина Штрома и велела препроводить меня к дрессировщику хищных зверей Герману Гаупту.

Тот как раз кормил зверей. Мое предложение он выслушал с хитрой усмешечкой. Такая хитрость и недоверие невольно вырабатываются у каждого, кто провел более сорока лет в цирках и варьете самых различных стран.

— Чего вы крутите?! — заявил он, когда мы изложили ему свой план. — Сказали бы прямо, что я должен познакомиться этого человека с животными, чтобы он потом мог отнять у меня мой номер! Почему не сказать об этом прямо и честно и не выдумывать какую-то ахинею? Я-то буду только рад отделаться от этой работы с тиграми — с меня и медведей хватает, волянка предостаточная! А вот в прятки со мной играть нечего — этого я просто терпеть не могу!

Было совсем не просто убедить Германа Гаупта в том, что я и не думаю стать дрессировщиком. Но когда он окончательно поверил в это, то честно и с искренней готовностью стал помогать моему эксперименту. Мы договорились, что большая круглая клетка будет воздвигаться на манеже специально для меня в шесть утра. Почему в такую рань? Да потому, что днем у меня не будет времени для экспериментирования, а по вечерам идут представления. Но для меня это означало вставать в половине пятого утра, а господину Гаупту и десятку рабочих сцены тоже предстояло рано покидать свои вагончики. Но все шло как по маслу: когда я ровно в шесть снимал веревочную петлю с калитки дощатого забора, покрашенного в зеленый цвет, большая железная куполообразная клетка уже стояла в манеже, а проход для тигров, составленный из железных решеток, тянулся до самого входа в их клетки.

Однако до первой пробы пришлось уладить еще множество формальностей, пожалуй, не менее сложных, чем обхождение с тиграми. Так, вскоре после нашего разгово-

ра с фрау Саррасани я получил документ на цветастом бланке, в котором администрация цирка торжественно уведомляла меня в том, что снимает с себя всякую ответственность за возможные последствия моего предприятия. Я должен был расписаться на всех копиях. А когда я впервые собирался переступить порог клетки, откуда ни возьмись возник администратор, господин Штром, не поленившийся в столь ранний час покинуть свою перину. В руке он держал очередную бумагу, на которой я должен был расписаться в том, что отказываюсь от какой бы то ни было компенсации в случае неблагоприятного исхода. Бумагу эту ему продиктовал по телефону юрисконсульт цирка, находящийся в Дрездене. Я должен был письменно подтвердить и торжественно заверить администрацию цирка в том, что ни я, ни мои близкие и родственники никогда не станут претендовать на возмещение ущерба, связанного с моей гибелью или повреждением здоровья, и что я при любом исходе не буду иметь никаких претензий ни к цирку, ни к администрации, ни к одному из служащих Саррасани.

— Извините меня ради бога,— смущенно пробормотал Штром,— что я вынужден единственно для этой цели пригласить вас в свой служебный вагончик; смотрите только не поскользнитесь, пол еще не просох после мытья... Я сам тут недавно чуть не растянулся, поскользнувшись. Но тогда все было залито кровью, потому что господина Гаупта поцарапала одна из его «кошечек» и его, беднягу, у меня в фургоне перевязывали... Просто удивляться приходится, сколько человек может потерять крови!..

Королевских тигров Саррасани мне прежде еще ни разу не приходилось видеть во время их выступлений. Поэтому наша первая проба началась с того, что господин Гаупт продемонстрировал мне, что умеют его подопечные.

Итак, полосатые кошки бесшумно появляются одна за другой на манеже. Какое-то мгновение они беспорядочно снуют по клетке, но затем аккуратно рассаживаются по

своим местам — трое слева и трое справа. Один из тигров легко вскакивает на высокую тумбу, оттуда великолепным прыжком перемахивает на другую, расположенную в нескольких метрах, разворачивается, прыгает назад, на первую, и отправляется на свое место. Тогда тумбы соединяют меж собой узкой планкой. Роскошный самец степенно взбирается наверх, балансируя, словно канатоходец, переходит по узкой планке на другую тумбу, поворачивает и не спеша проделывает обратный путь. Затем планка отбрасывается в сторону, а между тумбами встает дрессирующий, подняв двумя руками над головой изогнутый дугой бич. Огромная девятилетняя тигрица медленно и нехотя приближается на его зов к высокой тумбе; поразмыслив некоторое время, она все же решает взобраться на нее. Все тело ее напрягается: она готовится к прыжку. Прыжку через голову своего хозяина.

— С ней надо быть особенно осторожным,— предупреждает меня Гаупт.— Это особа, которая не может сама за себя поручиться. Был случай, когда она загрызла взрослого тигра-самца прямо в проходе, ведущем из клеток на манеж. Восемь тысяч убытку одним махом, представляете себе? Не выпускайте ее из поля зрения даже тогда, когда занимаетесь другими тиграми и стоите к ней спиной.

Вот в этот момент, когда я увидел здоровенную тигрицу Гитту на расстоянии одного метра от головы Германа Гаупта и подумал, что через пару дней буду сам стоять вот так, лицом к лицу с этим злобным животным, мне сделалось несколько неуютно. Но должен сказать, что это был единственный неприятный момент за время всех «проб». Потому что в действительности человек, вошедший в клетку к тиграм в одиночку, абсолютно беспомощен против этих могучих зверей, независимо от того, что у него в руках — пистолет или железные вилы. Бросок их так молниеносен, а хватка такая железная, что если вы и остались живы, лежа под такой желтой машиной, то воспользоваться своим оружием вам все равно уже не придется. Тигр

просто не даст вам пошевелиться. Так что в подобных ситуациях может выручить только вмешательство ваших помощников, которые, тыча снаружи сквозь прутья клетки железными шестами и поливая водой из брандспойтов, отгонят тигра от его «добычи». Иногда он может отбежать и при появлении в клетке второго человека.

Но Гитта, не коснувшись дрессировщика, послушно и с удивительной легкостью перебросила свое тяжелое, сильное тело через его голову. Потом Гаупту сквозь прутья клетки подали горящий обруч — Гитта прыгнула и сквозь него. Затем она величественно отправилась на свое место. Три других тигра тем временем поднялись на задние лапы и уселись «столбиком», словно собачки, которым приказано «служить». В такой позе они застыли на несколько минут, как каменные изваяния. Первой отправилась «домой» Гитта, притом в гордом одиночестве: она слишком заносчива, чтобы потерпеть кого бы то ни было рядом с собой в узком проходе к клеткам. После этого на манеже был воздвигнут высоченный барьер, через который одно за другим в великолепном прыжке перемахнуло три гибких, упругих тела, и только два тигра, еще не усвоивших эту науку, ушли просто так.

Вот, значит, как выглядит этот номер. И все это я должен буду самостоятельно повторить, если мне посчастливится осуществить свои намерения.

Ну что ж, попробуем. А ну-ка в клетку! Но сначала надо развязать ремень, которым тщательно привязана дверь. Его почему-то страшно долго распутывают, но вот я уже стою посреди манежа на желтых опилках, которые оказываются плотно утоптаннами. Странно: издали они казались мне такими рыхлыми и рассыпчатыми! Ведь в конном манеже они и на самом деле такие. Ну что ж, надо поосторожнее двигаться: ведь споткнуться или, не дай бог, упасть в клетке с хищниками не рекомендуется! Первая жена дрессировщика Гаупта в 1915 году была растерзана львицей только потому, что споткнулась о сучок. Звали

ее Мицци, но известна она была под своим сценическим именем Texas-Girl (девушка из Техаса). Они тогда, вспоминает Гаупт, как раз заканчивали свои гастроли в Палас-театре, в Берлине, а до следующих, в Будапеште, оставалось еще десять дней и поэтому решили немного передохнуть у моря, в Лихтенберге. Там же они и пристроили клетки со своими четырнадцатью львами. Одним погожим воскресным утром, во время уборки клеток, когда всю группу львов согнали в общую большую круглую клетку, Мицци, как обычно, вошла к ним, чтобы присмотреть за порядком. Вскоре до ее мужа донеслись крики о помощи. Прибегав туда, он увидел несчастную распростертой на земле и подмятую львицей. Он с помощью своих людей выгнал из клетки взбесившихся от этой сцены львов, но спасти жену так и не удалось: через несколько дней она скончалась в больнице.

Подобные случаи никак нельзя отнести за счет злобности или коварства этих огромных кошек. Не это их толкает порой на убийство. Известный дрессировщик Шнайдер продолжал подчеркнуто доверчиво относиться к львице по кличке Европа, которая во время съемок фильма «Нерон» разорвала статиста. Во время своих выступлений он показывал публике шрамы и следы пулевых ранений, полученных животным во время этого происшествия. Одну пулю так и не удалось вынуть. На подобные поступки животных толкает врожденный инстинкт, я бы даже сказал, рефлекс-торное поведение. Хищник *должен* стремглав бросаться на все, что от него убегает или падает на землю. Степень благоприобретенной привязанности или прирученности не играет здесь ни малейшей роли, потому что в такие моменты животное «думает» столь же мало, как и мы, когда поднимаем руку, чтобы защитить глаз от брошенного в нас камня...

В тот момент, когда я впервые стоял на манеже, в клетке с тиграми, у меня были более насущные заботы, чем обдумывание подобных вопросов. Мне предстояло по-

ближе познакомиться с участниками этого номера. Господин Гаупт представил мне своих «сотрудников»:

— Вот, запоминайте, слева направо: это Гитта, которая прыгает через обруч. Это Фатма, она «служит» на задних лапах, причем стоит в центре группы, с ней вы должны держаться обходительнее, она не терпит ни шелканья бича, ни грубого слова; Фатма работает наилучшим образом, когда с ней любезно обращаются. А вот за этой — Тибет — нужен глаз да глаз, ей спуску не давайте и ни секунды передышки; и — внимание! — не подходите к ней слишком близко: она пойдет вам навстречу! Дейзи, что рядом с ней, — эта еще похлеще. Она вообще не желает работать. Сидит здесь от начала и до конца просто в качестве статиста. Если эта сатана начнет к вам приближаться, ни в коем случае не отступайте! То, что она слезет с тумбы и сделает два-три шага вам навстречу, пусть вас не пугает — это еще ничего не значит. Протяните вперед палку, она в нее вцепится. А это ее двое детей, наши милые малютки, которых мы вырастили у себя в жилом вагоне. Видите, как они скалятся и громко фырчат — это они нас приветствуют. Зовут их Дейли и Цейлон (это единственный самец в группе). Следите только за тем, чтобы они не переходили на другую сторону, к Гитте. Тогда начнется нечто невообразимое — бешеная погоня по всей клетке, драка с возможным смертельным исходом! Ну-ка, Дейли, ты, маленькое чудовище, куда это ты слезла? Марш на место!

Я стараюсь себе вдолбить: Гитта, Фатма, Тибет, Дейзи, Дейли и Цейлон. Вот так, когда они сидят по порядку, это легко запомнить. Но когда они начнут беспорядочно бегать по клетке — что тогда? Пока что они для меня все на одно «лицо». Вот только у Цейлона, пожалуй, голова побольше, потому что он «мужчина». Да еще у Фатмы усы покороче, чем у ее соседки Тибет. У меня и на человеческие-то лица ужасающе плохая зрительная память, многие даже обижаются, а уж тут... Удастся ли мне отличить эти тигриные лики?

Мы начинаем весь номер сначала — балансирование, сидение на задних лапах и прыжки сквозь обруч, — с той только разницей, что теперь я стою рядом с дрессировщиком. Тигры явно удивлены: что это за новое существо появилось в клетке да еще бичом хлопает? Они оглядываются на него, следят за ним, шипят, чем несколько затрудняют работу дрессировщика, но тем не менее исполняют все то, чему их обучили. И вот они уже элегантно перемахнули через барьер и исчезли в проходе, ведущем к их клеткам.

Манеж опустел. Но время незаметно прошло, и уже без четверти восемь. Неумолимо близился час начала моего рабочего дня, и надо было поспешить в Министерство продовольствия.

На другое утро чуть свет, еще нет и шести, я уже сижу в электричке и еду в цирк на вторую пробу с тиграми Саррасани. Не скрою, что настроение у меня тогда было какое-то необычное, я был несколько возбужден, взволнован, как это случилось со мной лишь много лет назад, перед экзаменами на аттестат зрелости. Это был отнюдь не страх перед тиграми, а скорее опасение, что из этого дела ничего не получится. И не сопротивление тигров может сыграть тут решающую роль — с ними-то я справлюсь, это я чувствовал, — а скорее сопротивление дрессировщика может создать непредвиденные трудности. Ведь стоит только ему заявить: «Я не в состоянии больше управляться с тиграми после того, как господин профессор побывал у них в клетке — он их нервирует!» — и никакая цирковая администрация на свете не возьмет после этого на себя ответственность разрешить мне продолжать работу с тиграми. И главное, было бы вполне объяснимо, если бы Гаупт себя так повел! Осуждать его за это трудно! Он буквально сросся со своими тиграми и, несмотря на все шрамы и ранения, предан им душой и телом. Да он просто любит их! А тот, кто любит, тому не чуждо и чувство рев-

ности. И если человек в свои шестьдесят три года сорок лет проработал в цирке с дикими животными, прожив годы, полные успеха и неудач, оваций и славы, то его гордость и самолюбие, безусловно, будут задеты тем, что какой-то посторонний человек вот так, запросто через пару дней собирается выйти на манеж с *его* тиграми и продемонстрировать все, чему *он* их с таким трудом и терпением научил.

Конец прошлого столетия. Четырнадцатилетний Герман Гаупт слоняется по улицам Лейпцига. Родом он из деревенской семьи, но отец определил его учеником в гостиницу большого города. Однако маленькому Герману там не нравится. Поэтому, когда незнакомый человек на улице обращается к нему со словами: «Ты, наверное, работу ищешь? В зоопарке требуется помощник официанта», — он сейчас же соглашается, и его зачисляют на это место. Поскольку старшего официанта уже зовут Германом, младшего Германа нарекают Фрицем. Это имя приклеивается к нему на долгие годы, и он не против.

В те времена Лейпцигский зоопарк был еще частным предприятием и принадлежал некоему господину Пинкерт. Хозяин вскоре заметил, что «пикколо» (младший официант) гораздо больше интересуется животными, чем подносами. В один прекрасный день он спрашивает его, не хотел бы тот стать помощником одной молодой дамы, которая как раз начала работать со львами его зоопарка. Парнишка с восторгом соглашается, а два дня спустя уже получает свое «боевое крещение» в качестве служителя при клетках с хищными животными. Старший служитель вместе со своим братом устраивают ему такой подвох: во время чистки клеток они хватают его и бросают в клетку с гиеной. Гиена была ручной и достаточно миролюбивой, но тем не менее мальчишка долго не мог опомниться от испуга. Между прочим, подобные шуточки порой могут иметь и весьма плачевные последствия. Так, в том же зоопарке его теперешний директор держит гиену, которая

позволяет себя гладить сквозь прутья клетки. Когда он во-
дил приехавших к нему с визитом директоров других зоо-
парков по своим владениям, то решил продемонстриро-
вать им этот трюк. Однако он не знал, что служитель
поменял гиен местами, и в результате оказался с порван-
ным рукавом и окровавленной рукой. Причем надо ска-
зать, он легко отделался, потому что челюсть гиены по
своей крепости почти не уступает челюсти льва! Ведь ги-
ене приходится перемалывать огромные кости, остаю-
щиеся после трапез крупных хищников.

Молодую даму, у которой Герман Гаупт начал свою
карьеру в качестве подручного, звали Клер Элиот. Стар-
шее поколение моих читателей, возможно, еще припом-
нит это имя.

— Это самая красивая женщина, когда-либо стоявшая
в клетке с хищными зверями! — вспоминает теперь уже
седовласый дрессировщик, и по его глазам заметно, что
мысли его уплывают далеко назад, в годы его романтич-
ной юности. — В то время она еще была женой берейтора
на лейпцигских бегах и имела абонемент на посещение
зоопарка. Директор любовался, любовался ее красотой и в
один прекрасный день предложил ей попробовать свои
силы в дрессировке львов. И представьте, она мужествен-
но согласилась!

Таким образом, и пикколо приобщился к этому заня-
тию.

— Сегодня мне остается только недоуменно пожимать
плечами, когда я вспоминаю, каких только глупостей мы
не делали по причине своего полного невежества в этом де-
ле, — рассказывает Гаупт, в то время как его подручные та-
скают на манеж тяжеленные тумбы. — У нас в Лейпцигском
зоопарке тогда было тридцать львов, и для дрессировки бы-
ла выстроена хорошая просторная четырехугольная клетка.
Мы не нашли ничего лучшего, чем кормить их всех вместе
в этой клетке. Большого идиотизма нельзя было и приду-
мать! Ведь при подобных обстоятельствах легче легкого мо-

гут возникнуть ссоры, которые кончаются страшной грызней, иногда даже со смертельным исходом. Но этого мало. Когда львы заканчивали свою трапезу, я входил к ним с одной лишь палкой в руках и отбирал у них кости!

Спустя год парнишка отправился вместе со своей хозяйкой, госпожой Элиот, путешествовать. Гастроли эти длились десять лет. Поначалу они выступали в зоопарках Лейпцига, Дрездена и Штутгарта, потому что в то время было принято демонстрировать группы дрессированных животных прямо в зоопарках. Зимой Клер Элиот со своими львами (которые, впрочем, как и прежде, принадлежали не ей, а Лейпцигскому зоопарку) выступала в различных варьете или в помещениях стационарных цирков. Все большую известность приобретала красивая смелая женщина, все ширились ее гастрольные поездки — теперь уже в Париж, Чикаго, Стокгольм, Копенгаген. Ее подручный постепенно приобретал не меньшую известность, чем сама дрессировщица, потому что работал «смешно». Он вносил тяжеленные тумбы на манеж, но стоило одному из львов зарычать, как он с истошным криком бросал все на пол и с быстротой молнии исчезал за дверью клетки. А публика радостно аплодировала и тем больше восхищалась мужеством дрессировщицы, чем большим трусом казался ее помощник. При этом никто даже не замечал, как этот же «трусливый малый» за несколько минут до того загонял животных в клетку на манеже. В то время еще не существовало составленных из решеток проходов, по которым львы из своих жилых клеток выбегают прямо на манеж. Тогда зверей по двое загоняли в тесную транспортную клетку на колесиках и подвозили в ней к дверям большой круглой клетки на манеже. Зачастую, когда задвижка открывалась, они не желали выходить на ярко освещенную прожекторами арену, окруженную громко выражающей свой восторг публикой, и тогда «трусливому» подручному приходилось сзади залезать в тесную клетку и палкой выгонять непокорных артистов на сцену.

В наше время с этими крупными хищниками обращаются несколько осторожнее. Но что правда, то правда: можно многого добиться, если только не показывать вида, что ты их боишься. Вести себя надо смело и решительно. Только тогда они будут слушаться. Известен случай, когда маленькая собачонка, увязавшаяся за охотником в джунгли, вцепилась в хвост тигру и заставила того кинуться в позорное бегство! Однако здесь следует оговориться: в таких случаях у животного действительно должен быть путь к отступлению, возможность скрыться, уйти от преследования. Если же зверь загнан в тупик, а человек все продолжает наступать, то даже самый боязливый тигр перейдет в атаку, причем не столько из злобы, сколько из страха. Немало несчастных случаев с дрессировщиками случилось именно по этой причине. Когда нетерпеливый учитель хочет принудить дрессируемое животное сделать нечто такое, чего оно никак еще не может понять, например прыгнуть на высокую тумбу, а человек все вновь и вновь бичом и вилами теснит его туда, оно в своем отчаянии способно в конце концов напасть. Другой же дрессировщик сначала угощает тигра кусочками мяса, которые он кладет на тумбу совсем низенькую, и, только постепенно повышая ее, добивается желаемых результатов почти без труда, во всяком случае без единого шрама.

Подручному Герману приходилось работать весьма проворно, чтобы все львы из передвижных клеток один за другим быстро попадали на манеж. Как только последний «царь пустыни» оказывался в круглой клетке, Герман мчался за тумбами и, «дрожа всем телом», расставлял их по местам.

Госпожа Элиот знала цену своему помощнику! Он получал неслыханный для того времени (перед Первой мировой войной) гонорар — четыреста пятьдесят марок в месяц. А ведь он был не более чем конюх, в то время как артисты цирка получали тогда примерно от двухсот до двухсот пятидесяти марок в месяц. На Рождество ему выплачивали еще сверх того триста — четыреста марок премии.

Однажды случилось так, что два знаменитых дрессировщика, Клер Элиот и Джулиус Сит, выступали одновременно в одном и том же городе — Блэкпуле. Увеселительные заведения, где демонстрировались эти группы дрессированных животных, находились друг против друга, на одной и той же улице. Сит тогда одним из первых в мире выпускал на арену одновременно двадцать четыре тигра! Создалась напряженная конкурентная борьба между двумя гастролерами. Но когда Сит однажды пришел посмотреть «вражеский» номер, он был так восхищен ловкостью подручного, что после окончания выступления пришел за кулисы и вручил ему два фунта стерлингов.

«Ловкий конюх» совершал вместе со своей госпожой Клер Элиот самые настоящие триумфальные шествия по Европе — через всю Англию, затем в Париж, Ригу, Одессу, и публика буквально неистовствовала от восторга, особенно в восточноевропейских странах. Артистам там дарили и бриллианты, и золотые украшения, а цветочные корзины были таких размеров, что не пролезали сквозь узкую дверь клетки.

Но вернемся к моему эксперименту. Самым сложным для меня почему-то оказалось хлопанье бичом. Когда я был мальчишкой, то отлично правил упряжкой и щелкал при этом кнутом. Но, как оказалось, щелкал неправильно: снизу вверх. А господин Гаупт считал, что этими красивыми белыми бичами надо щелкать, заводя кнутовище назад и выбрасывая бич вверх, так как это выглядит значительно элегантнее. Но я почему-то умею только снизу вверх, иначе у меня не получается. Мы тренируемся и тренируемся, причем Герман Гаупт водит моей рукой словно мамаша, помогающая первоклашке выводить буквы. На следующий день я едва мог шевелить рукой. У меня появилась невыносимая мышечная боль. Но бич, применяемый для дрессировки хищных животных, — это детская игрушка по сравнению с длинным толстым бичом, изготавливаемым для дрессировки слонов. Там нужна недюжинная сила!

— Когда дрессировщик слонов, Оме, однажды уехал в отпуск на пару месяцев, — смеясь, рассказывала мне фрау Саррасани, — а потом снова возобновил свои выступления, ему первое время пришлось носить руку на перевязи — до того его замучили эти мышечные боли!

Как видите, если собираешься стать укротителем зверей, то трудности могут подстергать тебя там, где ты их совсем не ждешь.

Сегодня мы должны второй раз повторить весь номер вместе, Герман Гаупт и я. Гитта долго раздумывает, прежде чем бесшумно вскочить на высокую тумбу, ее смущает присутствие незнакомца, стоящего рядом с ее хозяином. Пришлось ее долго и умильно уговаривать:

— Иди, Гитта, ну давай же, Гитточка, иди сюда!

Мне почему-то все время хочется сказать «старая Гитта», в то время как ей всего от восьми до девяти лет, что для тигрицы означает самый расцвет сил. Вот тигр Султан, например, подаренный в 1915 году Копенгагенскому зоопарку магараджей из Джохора, лишь в октябре 1930 года в возрасте двадцати одного года был усыплен хлороформом из-за старческой немощи. Уже у Брема имелись указания на то, что в Индии были известны тигры, терроризировавшие население деревень в течение двадцати лет кряду.

Дейли, эта «малышка» или «озорной дьяволенок», как ее любовно называет дрессировщик, снова соскочила со своего места и бежит по арене.

— Дайте-ка я попробую загнать ее на место! — говорю я.

Однако Дейли, по-видимому, еще не принимает меня всерьез. На мои выкрики и хлопанье бичом она не обращает никакого внимания, она даже не удостоивает меня взглядом — точно я невидим. Дейли смотрит мимо меня на своего хозяина, который выходил и выкормил ее. Она даже раскрывает свою пасть — я чуть не написал «ротик» — и выпускает звуки, напоминающие мяуканье. Кажется, что она жалобно и с укором спрашивает:

«Папа, что нужно этому чужому дядьке у нас в клетке?»

Ее носик при этом морщится, мордочка покрыта короткой желтой шерстью, словно бархатом, а сам «пятячок» совершенно розовый и нежный, как у светлой домашней кошки. Я бы ее мог, наверное, крепко полюбить, эту малышку Дейли. Но полагаю, что мои чувства остались бы без взаимности...

Ее мать, Дейзи, тем временем особенно злобно шипит в мою сторону и оттуда, со своей тумбы, замахивается на меня лапой. Дейзи скандалистка от природы, а вовсе не оттого, что испортила себе нервы, родив в неволе двух своих детенышей — Дейли и Цейлона. Да и от материнской любви сейчас уже мало что осталось. Шипит она просто так, из-за дурного характера. Когда расшалившаяся Дейли пробегает мимо нее, она, выпустив все когти, запускает их ей в спину, да с такой силой, что у любого из нас в подобных обстоятельствах вместе с куском костюма оказался бы вырван хороший кусок кожи. Но таково уж обхождение у тигров. И если какому-нибудь дрессировщику в течение четырех недель приходится носить свою руку на перевязи, то это вовсе не означает, что на него «напали». Чаще всего это бывает результатом совершенно обычного выяснения отношений с тигром, когда не совпадают мнения. Ну а рука? Что ж... Тигриные когти рассчитаны на шкуру тигра, а не на непрочную человеческую кожу...

Многие тигриные мамы разрешают людям брать в руки своих детенышей, ласкать их, играть с ними, а потом отдавать им обратно. Но осторожности ради их перед тем, как отдать, натирают сеном, взятым из материнской клетки, чтобы мамаша из-за «чужого» запаха, чего доброго, их не загрызла.

Различие между тигром и львом особенно заметно во время брачного периода. С «владыкой пустыни» в такие дни лучше не связываться. Куда деваются его инертность и лень! Подходить к нему следует с величайшей осторожно-

стью. Совсем обратное мы видим у «владык джунглей»: у них во время брачного периода, как у тигриц, так и у тигров, начинает проявляться подчеркнутая потребность в ласке, они становятся добрыми и контактными. Даже те, которые никому не разрешали до себя дотрагиваться, в такие дни подходят к самым прутьям клетки и, урча, трутся об руку и просят их погладить. Лев, как правило, по мнению известного дрессировщика Тогара, «личность» высокопорядочная, с простым и понятным, обычно неизменчивым складом характера. Как только он вырастает из детского возраста, в нем проявляется какая-то прямо-таки барская надменность; шутить, играть и беситься он считает для себя уже невозможным, чем-то ниже своего достоинства. Львица несколько игривее, но до тигра ей далеко. Тигр — ярко выраженный холерик. В душе он мягок и ласков, но запальчив, и из-за малейшего пустяка в нем может вспыхнуть внезапная злоба. Тогда он с грозным рыком кидается навстречу объекту своего недовольства с таким видом, будто собирается проглотить весь мир. Но таким вот устрашающим рыком и молниеносным ударом лапы, вооруженной страшными когтями, тигр обычно и ограничивается: злость его проходит, он «спускает пар» и через минуту уже готов снова ласкаться. Разумеется, бывают и более серьезные случаи нападения на дрессировщика, однако даже такой «короткий» приступ злобы представляет порой очень серьезную опасность для человека. Лев же, по утверждению того же Тогара, более злопамятен. Он как бы затаивает и вынашивает в себе свою злость до определенного момента и тогда уж нападает всерьез.

Я подхожу поближе к маленькой Дейли. По правде говоря, она не такая уж маленькая: размерами она не отличается от всех остальных. Но в сердце своего приемного отца она осталась все той же «малышкой», которую он выкормил и выходил у себя в доме. Ее и ее братика — Цейлона.

— Вот видите, какая она нежная,— говорит Гаупт,— видите, как она хочет, чтобы я ее погладил, и Цейлон тоже.

Подойдите-ка, доктор, к Цейлону и погладьте его, пока он в хорошем настроении. Он еще не понял, что вы вовсе не член нашего семейства.

Я почесываю мощную тигриную голову. Это нечто совсем иное, чем чесать за ушком у домашней кошечки! Но через минуту, заметив, что тигр забеспокоился, я благоразумно отступаю на несколько шагов назад.

— Правильно сделали, — одобрил Гаупт. — Вот сейчас он только заметил, что вы, собственно говоря, не имеете к нему никакого отношения. Еще момент, и он мог бы показаться вам не столь приветливым!

Цейлон и Дейли, выкормленные собакой-кормицей, считались самыми ручными в группе. И тем не менее я уверен: если бы мне пришлось в течение длительного времени работать с этой группой тигров, то именно с ними двумя у меня были бы самые серьезные трудности. Все остальные взрослые животные, хотя рычат на меня и, возможно, с удовольствием бы занялись мной основательно и всерьез, тем не менее меня боятся и отступают, когда я к ним приближаюсь. Для Цейлона же и Дейли ничего не значит, что человек к ним подошел слишком близко, более того, даже дотрагивается до них рукой, гладит. Они и сами охотно подбегут к человеку — они ручные. Но в то же время они его не боятся. Что же касается привязанности детских лет, то у хищных животных на нее полагаться нельзя. Притом это отнюдь не признак коварства или неверности, это просто заложено в тигриной натуре. Ведь даже тигрица-мать обращается со своим выросшим потомством как с соперниками или настырными, досадными конкурентами по добыче пищи. Ни о какой материнской любви тут уже и речи быть не может — она улетучивается, как дым.

Так, у Гауптов однажды был лев, который ездил верхом на лошади по манежу. Этого льва в детстве выкормила маленькая фокстерьерша, и животные остались трогательно привязанными друг к другу. Дрессировщик заметил, что

этот роскошный, увенчанный пышной гривой лев гораздо спокойнее работает на манеже, если его маленькая «мамаша» при этом присутствует. Публика зачастую выражала протест, жалея «несчастную собачку», которая «дрожала от страха», стоя на манеже в таком грозном соседстве. Чтобы разубедить самых негодующих, Гаупт после представления приглашал их за кулисы, где хватал фокстерьершу за шиворот и совал в клетку со львом. Через секунду собачка уже лежала, нежно прижавшись к своему «сыну», а тот умиротворенно ее облизывал огромным языком. Но поскольку этот шершавый, как рашпиль, язык порой причинял собачке неудобство и даже боль, то она иногда взвизгивала и дерзко хватала льва зубами за кожу. Удивительные и вызывающие полнейшее восхищение у зрителей сцены. И тем не менее все это закончилось плачевно: в один прекрасный день лев все-таки загрыз свою маленькую кормилицу и сожрал. Так почему же ждать от тигров и львов, что по отношению к человеку они станут проявлять такие чувства, которые не питают друг к другу, к своим сородичам?

Но если уж нельзя положиться на «детскую привязанность», то, наверное, можно отучить тигра убивать, не давая ему с малолетства возможности научиться этому у других своих сородичей, воспитывая в полной изоляции от них?

Один американский зоопсихолог еще тридцать лет назад проделал обнадеживающий в этом отношении опыт на обычных домашних кошках. Котята обнюхивали мышей и спокойно играли с ними. И лишь после того, как взрослая кошка несколько раз на их глазах поймала и слопала мышку, они тоже стали ей подражать. Но когда два других любознательных исследователя вырастили несколько кошачьих пометов без материнского примера, один из котят пяти недель от роду тем не менее загрыз мышку, и вскоре семь других котят проделали то же самое: извечная страсть к мышеловству пробудилась в них сама собой, без какого-либо обучения. Разумеется, имея перед

глазами материнский пример, они обучаются этому быстрее и лучше; котята подражают всем приемам старой кошки и пользуются ими затем всю свою жизнь.

То, что характерно для наших домашних кошек, относится и к другим хищникам. Старый волк, которого я по просьбе одной кинокомпании приручил, прежде, в зоопарке, где он родился, никогда не получал живой добычи. Но когда он во время съемок фильма, согласно сценарию, попал в стадо овец, то молниеносно зарезал подряд трех взрослых овец, причем все было сделано с такой ловкостью, умением и кровожадностью, что оставалось только разводить руками. И было в этом зрелище не столько жестокости, сколько первобытной красоты...

То, что у тигров все происходит точно так же, как у наших кисок, Цейлон и Дейли, самые юные «звезды» этой группы, наглядно доказали пару месяцев назад. За десять минут до демонстрации животных зрителям Дейли, по недосмотру, удрала из своей клетки, и спустя минуту эта «нежная малышка» уже висела на шее верблюда, вцепившись в него мертвой хваткой. В мгновение ока она перегрызла верблюду сонную артерию, да так «профессионально», словно бы и не была выкормлена из рожка, а проохотилась все свое детство рядом с кровожадной матерью-тигрицей... Прежде чем ее успели изловить, она сумела ранить еще одного верблюда.

И тем не менее эту молодую тигрицу можно было бы воспитать так, чтобы она никогда не нападала на верблюдов. Для этого достаточно было бы с малых лет держать ее в совместном с верблюдами помещении. Восемнадцать кошек, которых японский зоопсихолог Куо воспитывал совместно с крысами, никогда впоследствии не нападали на крыс! Когда они выросли и наблюдали за тем, как другие кошки охотились на крыс, только одна из восемнадцати соблазнилась их примером и сделалась крысоловом. Выращенные на растительной пище хищники, между прочим, ведут себя отнюдь не миролюбивее тех, кого кор-

мили мясом; так же и голод мало влияет на кровожадность. Я ведь своих волков кормил исключительно только сырым мясом, так же, как кормят здесь, в цирке, этих тигров. Тем не менее я никогда не опасался работать с ними даже тогда, когда они в течение нескольких дней голодали (это иногда необходимо делать из медицинских соображений). Между прочим, этим шести тиграм ни вчера, ни сегодня еще ничего не давали, потому что сломался грузовик для подвозки кормов.

Выращенные в неволе тигры, как правило, не пожирают людей, потому что привыкли к ним точно так же, как те японские кошки к крысам. Однако пример льва с его «собачьей мамой» показывает, что на подобную благоприобретенную привязанность полагаться нельзя. Ведь крысы, живя в одном помещении с кошками, ведут себя обычно скромно, послушно уступая им дорогу. Я не знаю, что сказала бы такая кошка, если бы какая-нибудь из крыс внезапно надела белые перчатки, взяла в руки хлыст и потребовала, чтобы кошки повскакали на крыши своих спальных домиков и в довершение еще «служили» там на задних лапках! А ведь в глазах этих шести тигров, сидящих сейчас вокруг меня, я и есть именно такая нахальная крыса! Поэтому-то люди, работающие с животными, не слишком полагаются на «безразличие» к себе своих «учеников», а больше на чувства другого порядка, более надежного!

Одному зоопсихологу удалось добиться от своих кошек даже того, что они стали *бояться* крыс. Каждый раз при появлении крысы кошка получала легкий удар током. Эти кошки вскоре стали пугаться одного вида крысы и уж наверняка не решились бы так легко на нее напасть. И хотя дрессировщики перед тиграми столь же беспомощны, как крысы перед кошками, тем не менее они сумели внушить своим ученикам, при помощи хлыста, веру в то, что они «электрически заряженные крысы». А это в работе как с маленькими, так и с самыми большими «кисками» наилучшая гарантия от возможности быть съеденным...

Уже самые незначительные вариации в опыте могут резко изменить кошачье отношение даже к гораздо менее обнаглевшим крысам, чем я. Когда к кошкам, приученным пожирать только голых, новорожденных крысят, но не трогать взрослых животных, в порядке эксперимента подсадили обриту наголо взрослых крыс, тех немедленно загрызли!

Вот таково первое, самое скромное пока ознакомление с тем, что же именно происходит в голове таких хищников. Вот они сидят передо мной полукругом, эти красивые огромные бестии, и смотрят на меня. Когда я иду влево, двенадцать холодных, ясных глаз провожают меня налево, если я наклоняюсь, веки этих глаз немного опускаются, а когда я перехожу в правую сторону клетки, эти глаза следуют за мной, словно привязанные ко мне невидимой нитью...

Интересно, что ты сейчас обо мне думаешь, Тибет, и что ты, меланхоличная Фатма? Что происходит сейчас за твоим желтым лбом, всегда как бы слегка нахмуренным? Если бы вы только умели говорить! Тысячу раз это желание вырывалось у любознательных, раздумывающих над этой проблемой ученых мужей! Но сколько вас ни просвечивай рентгеном, ни вскрывай ваши трупы и ни изучай ваш мозг под микроскопом, вы не выдадите своей гайны, вы, молчаливые животные! Уже тысячелетиями собаки и кошки живут под нашим кровом и все равно остаются загадкой, мучительной, почти трагической загадкой как для исследователя, так и для своего человеческого друга. Вот почему, например, ты, старая Гитта, соскальзываешь сейчас, точно тень, со своего места и, воспользовавшись тем, что я отвернулся, стараешься в свойственной тебе бесшумной манере зайти мне в тыл? Но Гитта, оказывается, просто хочет уйти, выбежать в проход, ведущий «домой». Она знает, что номер окончен после того, как они втроем (с Тибетом и Фатмой) отсидели положенное время на задних лапах. Еще несколько

мгновений, и арена опустела, прожекторы погасли, а за-
спанный осветитель слез с верхотуры своей шаткой лест-
ницы. Наступает тусклое, сумрачное утро. Но когда я,
несколько прозябший, сажусь в вагон подземки и еду на
работу, то чувствую себя очень храброй крысой. Я уже не
сомневаюсь, что одолею это дело!

Не встретив ни единой души, я на следующее утро, в
несусветную рань, открываю зеленую калитку, которая
оказалась незапертой, и проникаю в цирковой городок.
Мимо спальных фургонов, из которых доносится могучий
храп, я пробираюсь до шатра, под которым стоят клетки с
хищниками, и проникаю внутрь. Не без удовольствия
чувствую, как мне шибает в нос резкий дух, смешанный
как бы из запахов зоопарка, конюшни и моей собствен-
ной «волчьей берлоги». Здесь царит полумрак, потому что
полотна палаточных входов еще опущены. Наверху сквозь
маленькие отверстия в брезенте просвечивает блеклое не-
бо, напоминая звездный небосвод.

«Мои» шесть тигров еще лежат, лениво развалившись в
своих отделениях. В самом дальнем углу стоит персональ-
ная клетка «недоступной» Гитты. Я окликаю ее, но, как
это обычно бывает у долго живущих в неволе зверей, она
не обращает ни малейшего внимания на возню людей за
пределами своей клетки. Она не удостоивает меня ни
взглядом, ни даже легким подергиванием черного кончи-
ка своего хвоста. А поскольку мы, люди, равно как и боль-
шинство обезьян, совершенно не переносим, когда нас не
замечают, то меня подмывает желание просунуть руку
сквозь прутья и погладить надменную Гитту. Но в послед-
ний момент я вспоминаю, какие ужасные шрамы оста-
лись на руках супругов Гаупт на память о подобных «шут-
ках», и отказываюсь от своей затеи...

Гитта, а также Тибет и Дейзи находятся в том возрасте,
когда почти каждый тигр возводит вокруг себя как бы не-

зримый круг, который никто, ни дрессировщик, ни сородичи, не имеет права переступить, если не хочет вызвать скандала. Тигры в каждой дрессированной группе составляют своего рода семейство со своей твердой иерархией, точно так же, как это наблюдается в любой своре собак или на птичьем дворе. Дейзи должна покоряться старшей — Тибет, Фатма должна уступать дорогу им обеим. Каждое отдельное животное из этих шести отвоевало себе свое место и зорко следит за тем, чтобы его сохранить, а при возможности и улучшить. И чем старше оно становится, тем болезненнее к этому относится.

Укротитель тоже входит в состав «своры» в качестве ее вожака. Сохранить за собой это место он может лишь при условии, если ежеминутно и беспощадно демонстрирует свое превосходство. Потому что в «своре» каждое животное зорко следит за любым проявлением слабости у вышестоящего, чтобы при удобном случае тут же продвинуться рангом выше. К счастью, и животные меж собой чрезвычайно редко путем настоящего боя решают, кто кому должен подчиниться. В большинстве случаев достаточно одного только решительного поведения, чтобы запугать соперника. Поэтому-то дрессировщику и удастся удерживать за собой руководящие высоты. Даже если он физически слабый человек, то мужеством и силой воли все равно обладать обязан — это безоговорочно. Иначе у него ничего не выйдет. Размахиванием руками и беспорядочным хлопаньем бича ничего с хищными животными не добьешься. Я уверен, что звери обладают гораздо более тонким чутьем для определения фальши, актерства, чем большинство людей, именно потому, что природа их такова, что заставляет всегда искать слабость у другого. Даже зубная боль у дрессировщика может отразиться на поведении его львов и тигров!

Вот именно эти тесные взаимосвязи между человеком и животным и делают цирковую дрессировку интересной, с точки зрения психолога.

На заре зоопсихологических исследований ученые допустили ошибку. В опытах со «читающими» лошадьми, которые стучали копытом ответ на несложные арифметические задачи, не приняли во внимание эту тесную взаимосвязь между хозяином и его лошадью. Отсюда появились ложные утверждения об арифметических способностях у лошадей, в то время как на самом деле лошадь действовала исключительно по сигналу своего хозяина. После этого досадного промаха исследователи стали прямо-таки боязливо избегать какого бы то ни было участия человека в лабораторных опытах над животными. Наблюдатель сидел, незримый для ворона, за черной перегородкой, следил за ним в смотровую щель и гонял его с места на место сжатым воздухом из шланга. В таких условиях птица стучит клювом действительно по своему собственному разумению, а не сообразует свои действия с подмигиванием наблюдателя. Заслугой доктора Хедигера следует считать то, что он в тридцатых годах первым из зоопсихологов вновь обратился к цирку, к дрессировке диких животных и доказал, что взаимопонимание между человеком и животным и с научной точки зрения вовсе не всегда означает шарлатанство и преступление против истины.

Надо сказать, что сами тигры до обидного мало дорожат этой взаимосвязью с нами, двуногими. Вернее, это чаще односторонняя связь. Если мы не станем постоянно о ней заботиться, ручное животное очень быстро одичает, а дрессированное позабудет все свои с таким трудом усвоенные фокусы.

Зато в соседней с Гиттой клетке моя попытка «втереться в доверие» была встречена более милостиво. Одна из красавиц поднимается, потягивается, морщит нос и фырчит: это по-тигриному знак приветствия, нечто вроде «ух, ух, ух» у шимпанзе. Я не льщу себя надеждой, как это часто случается с любителями животных, что Дейзи оценила мои теплые чувства к тиграм; по-видимому, она просто

благодушно настроена, потому что ожидает в это время прихода своего хозяина, Германа Гаупта.

Вот он уже и выходит из своего жилого вагончика, свежевыбритый и подтянутый. Мне необходимо с ним кое-что обговорить. Дело в том, что у меня совершенно нет желания неделями жертвовать своим ночным сном, потому что я чувствую, что смогу добиться своей цели значительно быстрее, чем думал. Гаупт, пока я проводил свои первые две пробы, придерживался мнения, что я сначала должен привыкнуть к животным. Точнее сказать, преодолеть известное чувство страха и скованности в присутствии этих шести мощных кошек. Но я не чувствую никакой скованности. Ей же богу! Я ведь привык еще со времен своих волков обращаться с хищниками. Важнее, мне кажется, чтобы тигры привыкли ко мне. А это произойдет тем скорее, чем раньше я начну сам давать им команды, а не буду стоять рядом с дрессировщиком в качестве бесплатного приложения.

Мы подходим вместе к манежу. Пока цирковые служители смахивают пыль со скамеек и кресел в зрительном зале, разместившемся под этим огромным брезентовым шатром, я вношу Гаупту свое дерзкое предложение попробовать сегодня поработать с тиграми уже самостоятельно, без его помощи. Пусть он для подстраховки лишь постоит у меня за спиной. К моей радости, он неожиданно легко соглашается. Итак, мы начали.

Первая на очереди Тибет, которая должна с одной высокой тумбы перескочить на другую, а потом обратно. Но когда я подступаю к ней с палкой и хлыстом, она не желает слезать со своего места: она рычит, разевает пасть и замахивается на меня лапой. Я становлюсь между ее местом и Дейзи, чтобы освободить ей дорогу к высокой тумбе.

— Вы что? — тянет меня назад Гаупт. — Никогда не стойте так близко возле Дейзи, да еще спиной! Она вас схватит! Вы лучше щелкните пару раз посильнее бичом

под носом у Тибет — она самая толстокожая, до нее медленно доходит!

Наконец-то Тибет соизволила сойти со своего места, я гоню ее к высокой тумбе, она перепрыгивает с нее на другую, но, когда я хочу вынудить ее прыгнуть назад на первую (как положено в номере), она не желает этого делать. Она оказывает мне бешеное сопротивление, шипит, плюется и, кажется, вот-вот прыгнет мне на голову. Но поскольку я не отстаю от нее, она, вместо того чтобы прыгнуть, просто слезает с тумбы и направляется к своему месту. Я пробую все сначала, но она снова саботирует второй прыжок. Если такое допустить, то она уже никогда не согласится прыгать туда и обратно, а будет упорно прыгать лишь в одну сторону. Поэтому Гаупт берет бразды правления в свои руки и повторяет с ней «урок». И смотрите-ка! Тибет без запинки совершает два изумительных по красоте и грации прыжка! Я невольно залюбовался этим зрелищем: огромное мускулистое тело, словно перышко, проносилось по воздуху! Но сейчас не время любоваться красотой этих замечательных зверей, их надо укрощать. Я пробую еще раз с Тибет, на этот раз несколько иначе. Ей нельзя давать передышки, нельзя позволять опомниться, ведь недаром Гаупт называет ее «толстокожей». Нужно бежать за ней следом и щелкать бичом над самым ее ухом. Вот так! Как только она вскочит на высокую тумбу, она немедленно, не раздумывая, должна перемахнуть на вторую, иначе тигрица может испугаться и не одолеет этого пятиметрового расстояния. Обратный путь должен идти в том же быстром темпе, но тут важно (и в этом весь секрет), чтобы я был не у нее за спиной, а только сбоку, слегка приподняв руки и загораживая ей таким образом путь к отступлению на свое место. Тогда она волей-неволей вынуждена совершить обратный прыжок на первую тумбу, а уж оттуда может удалиться «к себе». Но обо всем этом легко говорить, а вот когда действие разыгрывается за несколько секунд, да в то же время еще надо следить за

угрюмой Гиттой, мимо которой приходится пробегать, то дело оказывается не из легких. Но, смотрите-ка, все в порядке: строптивая Тибет прыгает туда и назад! И вот она уже снова восседает на своем законном месте, правда любно шипя в мою сторону¹.

Какие все же замечательные орудия кнут и палка против такого «до зубов» вооруженного тигра! Не то чтобы я ими причинял животному боль — я ведь почти не дотрагиваюсь до него; но главный секрет кнута в том, что кнут не чувствует боли... Это больше всего и удивляет тигра! Ведь животное, которое само никогда не пользуется орудиями, рассматривает палку и кнут как удлиненные руки человека. И то, что укротитель этими своими «паучьими руками» вообще решается орудовать в пределах досягаемости мощных тигриных лап, вооруженных страшными когтями, что он даже отваживается дотрагиваться ими до тигра — вот что его пугает и заставляет подчиняться, точно так же, как он подчинился бы другому тигру, выступающему столь же дерзко и бесстрашно. Тигр действительно рассматривает кнут и палку как живые конечности укротителя, потому что во всех случаях непослушания он неизменно вцепляется в палку, а не в держащего ее человека. Какие мне только не приходилось выдерживать некропролитные бои со своими волками! Длинные березовые метлы расщеплялись метр за метром этими роскошными белыми зубами... «Эх, если бы ты только до-

¹ Четыре месяца спустя в газете появилась следующая заметка: «В конце января группа дрессированных тигров цирка Саррасани была передана знаменитому дрессировщику Т. Как известно, он ушел несколько лет тому назад на пенсию в расцвете своей славы и полный сил. Но теперь он решил снова выступить на арене цирка. И вот, когда он хотел принудить тигрицу Тибет к пятиметровому прыжку с одной тумбы на другую, тигрица внезапно перешла в атаку и нанесла дрессировщику несколько ужасающих ударов лапой, сильно поранив ему голову, плечи, грудь и спину. Т. в тяжелом состоянии был немедленно отправлен в больницу». (Примеч. пер.)

гадался, что вместо палки надо вцепиться в ногу! Что бы тогда было?»

Но Гаупт доволен двойным прыжком своей Тибет.

— Ну а теперь сделайте свой комплимент,— хватается он меня за рукав и тянет вперед,— кланяйтесь, кланяйтесь, а то публика и не заметит, что вы добились чего-то особенного!

И хочу я того или не хочу, но я вынужден раскланиваться перед пустым зрительным залом.

— Дрессировщик, которому в мое отсутствие в течение многих месяцев пришлось показывать тот же номер с тиграми,— рассказывал Гаупт,— так и не смог добиться этого от Тибет. У него она прыгала всегда только в одну сторону, а назад не желала и просто уходила на свое место. Ну ладно. Теперь займитесь-ка Гиттой!

В мои планы, по правде говоря, вовсе не входило всего лишь после третьего знакомства заставлять старую Гитту, эту убийцу, о которой даже служители цирка говорили, что она и «себя-то не любит, не то что кого-то другого», прыгать через мою голову... Но поскольку я сам настаивал на том, чтобы уже сегодня начать самостоятельную работу с тиграми, то отказываться было как-то неудобно.

Гитта тем временем уже неслышно соскользнула со своего места и в своей крадущейся манере приблизилась к высокой тумбе. Безо всякой на то команды. Она и так знает, что сейчас ее очередь. Я становлюсь между двумя высокими тумбами. Ведь подгонять Гитту сзади нет никакой необходимости, ее, наоборот, надо звать к себе, что я и делаю. Я уговариваю ее страшно умильно, но она смущена чужим, незнакомым голосом и прячется от меня за тумбой, не желая на нее вскакивать.

— Постучите кнутовищем сверху по тумбе, доктор!

Я стучу, я маню, Гаупт сзади легонько подстегивает ремешком, и вот она уже наверху, словно внезапное видение! Я поднимаю руки с согнутым над моей головой кнутовищем.

— Согните немножко коленки, станьте пониже, а то она не привыкла так высоко прыгать!

Я послушно приседаю и съеживаюсь. Гитта стоит всеми четырьмя лапами на маленькой площадке и смотрит на меня. Глаза ее на уровне моих глаз, она с легкостью могла бы достать меня лапой. Но она только смотрит на меня отчужденным взглядом. Каким жутко неподвижным бывает порой взгляд этих желтых холодных глаз хищника! Тигрица смотрит на меня так, словно пронизывает насквозь. Я могу понять, почему некоторые люди утверждают, что такой взгляд обладает гипнотической и парализующей силой. Но это, конечно, сущая чепуха!

Я уговариваю ее:

— Гитта! Иди, иди же ко мне! Гитта, прыгай же! Прыгай!

Но она продолжает смотреть мне в глаза своим немигающим взглядом. Интересно, о чем думает животное в такие минуты? Вне всяких сомнений, тигрица могла бы сейчас, вместо того чтобы перепрыгивать через меня, прыгнуть прямо мне на голову. Но Гитта ведь уже сотни раз перепрыгивала через своего дрессировщика, она привыкла это делать. А привычка, как известно, вторая натура. Гаупт слегка угрожает ей сзади кнутом. Но она все еще не прыгает. Она только открывает пасть и шипит на меня, но не громко, а тихо и хрипло. Зубы у нее уже не такие красивые и белые, как у остальных, более молодых тигров. Они желтоватые, возле десен покрыты коричневым налетом. Большие клыки уже несколько сточены и притупились. Но именно этими клыками она, между прочим, загрызла того, другого тигра в узком железном проходе! Я продолжаю ее уговаривать, немного приподнимаю кнутовище, чтобы подбодрить ее... Наконец бесшумный прыжок — и огромное животное перемахнуло через меня. Я облегченно вздыхаю, потому что эта часть номера совсем особая: здесь ничего не добьешься ни нажимом, ни угрозами, здесь все зависит от доброй воли угрюмой Гитты, важно лишь не вызвать в ней неудовольствия или антипа-

тии. А уж если она однажды прыгнула, то будет прыгать и все последующие разы.

Я перекладываю кнут в другую руку, сквозь прутья клетки мне протягивают обруч (на первый раз незажженный), и я снова становлюсь между двумя тумбами. Опять мне приходится довольно долго убеждать Гитту прыгнуть, даже похлопывать ее слегка сбоку кнутом, пока она наконец решается проскочить сквозь обруч.

Снова ее долгий, немигающий взгляд. Когда она наконец присела на все четыре лапы и приготовилась к прыжку, мне вдруг показалось, что она целится прыгнуть мимо обруча, и в последний момент я сдвигаю его чуть вбок. Но это я сделал зря: она прыгала правильно, и я напрасно помешал ей: во время прыжка она задела обруч и вырвала его у меня из рук. Но это ничего — важно, что она прыгнула! И вот она уже снова бесшумно заняла свое обычное место.

— Не правда ли, несколько чудное ощущение вот так, в первый раз? — спрашивает меня Гаупт. — Со мной однажды был такой случай. В тот раз в Кёльне дрессировщик вдрызг разругался со старым Саррасани. Внезапно я получаю в Дрездене телеграмму, чтобы немедленно выезжал. Наутро была назначена репетиция совместно с бывшим дрессировщиком, который должен был ввести меня в курс дела, показать номер и познакомить с животными. Но когда я приехал, того уже и след простыл. Пришлось мне на свой страх и риск разбираться с тиграми, а я ведь не мог в этой группе даже отличить одного от другого! Я записал себе на всякий случай на бумажке, что они должны делать в этом номере, и вошел в клетку. А я, надо вам сказать, до этого всю жизнь работал только со львами, понимаете? Когда я сейчас об этом вспоминаю — жуть берет! Чувствовал я себя тогда, ей-богу, не слишком-то уютно! Мокрый был, как мышь, когда первый раз выходил из клетки по окончании номера!

Пока мы разговариваем, Дейли, эта маленькая избалованная особочка, вся подобралась, как это делают кошки,

завидя покотившийся по полу клубок шерсти, и вот она уже соскочила со своего места и, словно поддразнивая меня, побежала на запретную, противоположную сторону клетки. «Ага! Надо запомнить, что у нее за ушами круглые белые пятна. По ним ее можно будет легко отличать от других тигров!» Цейлон сейчас же занимает освободившееся место Дейли и начинает шипеть на сидящую рядом Дейзи. Та тоже отправляется гулять по клетке. Еще минута, и на манеже создается непоправимая путаница! Несмотря на все свое возбуждение, я еще успеваю заметить, что и у всех остальных тигров за ушами те же забавные белые пятнышки, что и у Дейли, так что с отличительным знаком ничего не получится. Не додумав до конца эту мысль, я сосредоточиваю все свое внимание на том, чтобы не дать шаловливой Дейли приблизиться к Гитте и Тибет, которые шуток не понимают. Внезапно Гаупт в два прыжка появляется рядом со мной:

— Вы что? Если вы не хотите, чтобы на ваших похоронах оказалась только часть вашего трупа, то поберегитесь Дейзи! Нельзя же так легкомысленно выпускать ее из виду и разрешать бегать у себя за спиной!

Когда мы после пробы присели немного отдохнуть, Гаупт рассказал мне следующую историю:

— Не так уж они безобидны, эти киски, как многим кажется! Я всегда вспоминаю, как однажды с моей наставницей Клер дело чуть было не приняло печальный оборот. Это было в Монсе, в Бельгии. Львы каким-то образом раздобыли в своем вагоне лошадиную попону и дрались за нее, как дети. Несмотря на мое предупреждение, Клер Элиот разрешила животным выбежать в большую клетку на манеже вместе со злополучным одеялом, более того, она решила его у них отнять. Тогда львы напали на нее — мне едва удалось с помощью еще одного подручного отбить ее у них. Она долго пролежала в больнице. А вот помощнику другой дрессировщицы, Тилли Бебе, тому пришлось совсем худо. Когда на него в клетке

напали львы, служителям удалось вырвать его и, тяжело раненного, отнести в артистическую уборную. Но среди всего этого переполоха они забыли запереть дверь клетки. Когда же они вернулись с врачом, вся эта банда сидела в уборной, где окончательно и расправилась с бедным малым!

Я спросил Гаупта, приходилось ли ему когда-нибудь, не считая ужасного несчастья, происшедшего с его женой, присутствовать при нападении этих хищников, закончившемся смертью жертвы.

— Да,— ответил он,— в Англии. Они там одного не только прикончили, но даже наполовину сожрали. У нас тогда был ангажемент в Блэкпуле, в большом увеселительном Луна-парке, в котором помимо привезенных нами львов было еще несколько собственных, запасных. Животных этих содержали в клетках, за городом, на каком-то фабричном дворе. Рано утром в воскресенье, еще не было пяти, как сейчас помню, нас разбудил инспектор: «Ребята, одевайтесь-ка по-быстрому, говорят, что наши львы на свободе!»

Мы скорее поехали туда и осторожно заглянули через стену: так и есть — львы свободно разгуливали по фабричному двору. Это были совсем мирные животные — двух-трехлетки. Мы перелезли через стену, загнали их в сарай, где стояла клетка, и стали искать сторожа. Оказалось, что его жена вместе с детьми забаррикадировалась у себя в квартире. Внезапно кто-то крикнул: «Смотрите-ка, там кто-то лежит в клетке!»

И на самом деле, там лежал сторож, мертвый, один бок совершенно разорван, внутренности съедены... Ей-богу, зрелище было не из приятных!

После мы выяснили, как все это произошло. Поскольку тогда в Англии по воскресеньям все пивные были закрыты, сторож еще с субботы как следует накачался. Спьяну он и поспорил, что зайдет в клетку ко львам. По-видимому, он в темноте здорово напугал спящих

животных, раз они его так отделали! А он в своем опьянении даже не смог оказать им никакого сопротивления.

Да, за все эти долгие годы немало происходило случаев с тиграми и львами! Трудно даже все это удержать в голове. А вот господин Штром, наш администратор, тот ведет картотеку несчастных случаев в цирке.

В своем «бюро на колесах» господин Штром поведал мне несколько дней спустя старые цирковые происшествия. Так, в ноябре 1886 года французскую дрессировщицу Нума-Суле в Вербьере разорвал именно ее любимец — лев Брут; двумя годами позже погибла Берта Баумгартен по вине бенгальского королевского тигра, Бетти Хемпель — в 1889 году, в Штирии, Вильгельм Шанда — в 1888 году, Эмиль Шлепфер — в 1886 году, Паулина Рассел — в 1910 году, в Нью-Йорке, была разорвана леопардом, Маргарет в 1912 году, в Берлине, Карл Тиманн — в 1894 году, в Сан-Франциско, Роберт Мюллер — в 1889 году, в Асти. Когда английская дрессировщица мисс Сенид, позируя для фотографа, сунула свою голову в львиную пасть, произошло короткое замыкание, погас свет, животное испугалось и сжало челюсти. И хотя ей удалось нечеловеческими усилиями вырвать голову из страшной пасти, тем не менее вся нижняя часть ее лица была полностью искромсана. В 1942 году в одной только Германии зафиксировано шесть несчастных случаев по вине хищных животных, некоторые со смертельным исходом. Шнайдер, работавший с неподражаемым юмором и безмятежно расхаживавший среди тридцати, а то и сорока львов, словно среди детей в детском саду, он, который получал баснословные гонорары за свои выступления... и что же? Умер, искушенный львами. Рональд Шуссер, который собирался перенять у Шнайдера его номер, тоже получил страшные ранения и вот совсем недавно скончался в больнице.

— Видите вот ту маленькую тумбочку? — сказал мне как-то Герман Гаупт. — Она частенько служила Шуссеру последним шансом спасения! Когда лев начинал на него насту-

пать, он просто кидал ее ему прямо в голову. Я всегда вспоминаю о несчастном парне, когда беру в руки эту вещь.

Теперь только мне стало ясно, почему моя работа с тиграми встретила такие затруднения по линии страхования, несмотря на то что я ведь на самом деле не собирался заниматься ничем более опасным, чем это делают остальные дрессировщики ежевечерне, выступая в цирках или варьете. Администрация цирка потребовала, чтобы я застраховал от несчастных случаев не только себя, но и дрессировщика и даже десять рабочих сцены. Рабочие должны были каждое утро воздвигать для меня круглую клетку на манеже, а затем снова разбирать ее после окончания номера. То же самое они делали ежевечерне во время каждого сеанса. Но эта внеурочная работа рассматривалась как не имеющая отношения к их профессии. Соответствующий профсоюз, чего доброго, не стал бы выплачивать им пособия в случае, если кому-то именно в эти утренние часы упадет на ногу железная решетка... Но ни одна страховая компания не желала принять от меня гарантийного письма, несмотря на то что один мой знакомый юрист вел переговоры с целым рядом таких компаний, взяв на себя этот труд потому, что мне самому совершенно некогда было этим заниматься. Наконец нашлась одна компания, которая согласилась застраховать меня, дрессировщика Гаупта и рабочих цирка на четыре недели, но на совершенно ничтожную сумму при баснословных страховых взносах. Директора этой компании, собравшись на специальное совещание, сошлись на том, что мое мероприятие следует отнести к особо опасным, и, кроме того, еще предусмотрительно удвоили полисные взносы. Мне пришлось с одним из директоров вести длительную беседу, чтобы убедить его в том, что речь идет вовсе не о легкомысленной игре со смертью и что опасность ничуть не больше, чем в тех случаях, когда новый дрессировщик перенимает у старого уже готовый номер с хищниками. А поскольку этот чиновник уже в течение нескольких лет

страховал меня во время моей работы с волками и знал, что со мной ни разу ничего не приключилось, то в конце концов дал свое согласие. Он тут же при мне подтвердил его по телефону администрации цирка. Страхование вступало в силу на следующее утро, ровно в шесть часов, как и требовалось. Так что и с этим вопросом все утряслось.

— Все же лучше перестраховаться, чем недостраховаться,— считал Герман Гаупт.— Правда, бывает, что придется потряхнуть мощной даже тогда, когда ничего страшного и не произошло, во всяком случае, ни с чьей головы ни один волосок не упал. Вот, помню, в Дрездене однажды во время представления выскочил у нас один лев из клетки (кто-то из подручных неплотно придвинул решетку «прохода» к дверям круглой клетки). К счастью, зверь угодил не в середину зрительного зала, а, перемахнув через барьер пустой ложи, примыкающей непосредственно к выходу за кулисы, притаился где-то позади дешевых верхних рядов, возле самой раковины для оркестра. Поскольку зрительный зал был полупустой, а основная масса публики увлеченно глазела на арену, где как раз появились все остальные львы, беглеца практически никто не заметил, кроме двух дам, которые, онемев от ужаса, кинулись к запасному выходу. Была еще и третья дама, увидевшая льва, но та тут же грохнулась в обморок. Что же касается самого беглеца, то он не проявил к публике ни малейшего интереса, а поплелся за кулисы, где отыскал свою открытую клетку и улегся в ней отдыхать. И несмотря на это, страховой компании пришлось выплатить упавшей в обморок даме десять тысяч марок в качестве компенсации за причиненный ущерб: она, видите ли, перенесла нервный шок!

Самому Гаупту как-то, при аналогичных обстоятельствах, удалось более дешево отделаться. Было это в варьете «Баттенберг». Клетки с его львами стояли в подвальном помещении. Чтобы попасть на сцену, животным приходилось взбегать по лестнице наверх. В подвале имелась дере-

вянная дверь, ведущая во двор. Помощник Гаупта не обратил внимания на то, что она не заперта, и, когда львов выпустили из клеток, одна из львиц надавила задом на дверь и в мгновение ока исчезла в темном дворе. А темень была такая, что ни зги не видать.

— Вот положеньице! Наверху остальные львы уже бегают в беспорядке по клетке, возможно, даже беснуются, публика нервничает и вызывает дрессировщика, а я торчу возле двери, а во дворе хоть глаз выколи — ни черта не видно! Наконец замечаю два светящихся глаза. Я начинаю уговаривать и упрашивать тем умильным тоном, которым обращаются обычно только к детям и животным. А у самого в голове лишь одно: что там наверху, на манеже? Кончилось тем, что я львицу буквально за хвост втащил назад в подвал (на какие только сумасбродства не толкает нас иногда растерянность и паника!). Но на этот раз все, слава тебе господи, обошлось.

Возвращаясь в тот день назад через палаточно-фургонный городок, который в этот ранний час еще только начинал просыпаться, я никак не мог отделаться от мысли об убежавших из клетки тиграх, о подкрадывающихся людоедах и разных других взбунтовавшихся хищниках... Но дело было сделано: сегодня они работали первый раз по *моей* команде. И ни одному из них не удалось саботировать свой номер. Мне кажется, что я гораздо быстрее достигну своей цели, чем думал вначале.

На следующий день, на рассвете, мы вновь стоим в клетке с тиграми — Герман Гаупт и я. Гитта, Фатма и Тибет должны «служить», сидя на высоких тумбах. Тибет, эту упрямицу, приходится силком загонять на тумбу. Она не хочет, рычит и замахивается на меня лапой, как и в тот раз. Фатму, эту нежную, обидчивую, я умильно и ласково уговариваю, а огромная Гитта сама подбегает своей виляющей походкой, с видом полного безразличия, словно

бы и не замечая моего присутствия: она и сама знает, что ей делать. Но я поднимаю руку, кричу «ап!» и пытаюсь заставить этих трех больших кошек подняться на задние лапы, шелкая кнутом у них под ногами. Но они почему-то не хотят как следует «служить», они рычат и сопротивляются. Тибет — та даже явно намеревается спрыгнуть со своего «пьедестала». Что делать?

А все объяснялось, оказывается, сущим пустяком: они не привыкли, чтобы их заставляли «служить», подгоняя кнутом снизу вверх и задевая при этом по лапам. Наоборот, Гаупт в таких случаях, высоко подняв руку, размахивает бичом у них над самыми головами. Когда я, следуя его совету, так и поступил, они послушно, словно собачки, поднялись на задние лапы и застыли в этой позе на несколько минут.

Такое вот «служение на задних лапах» кажется весьма простым и примитивным фокусом, потому что какую-нибудь таксу Кляксу или фокстерьерчика Тимошку научить этому ничего не стоит. Но вот попробуйте-ка заставить это проделать вашу домашнюю кошку Мурку! Между прочим, молодые тигры сидеть на задних лапах вообще не в состоянии, сколько их этому ни учи,— у них, по-видимому, еще слишком слабый позвоночник. Исполнять такой номер удастся лишь взрослым тиграм. Цирк Саррасани очень гордится достижением своих тигров — его группа «служит» значительно дольше, чем аналогичные группы других цирков. А подобные, казалось бы, маловажные мелочи, такие, как способ держать кнут, то, в какой момент отступить на шаг в сторону, а в какой отгонять животное назад,— это, разумеется, привычки, присущие тому или иному дрессировщику, которые он порой даже сам не замечает. И тем не менее именно из-за них иногда может разладиться, не удаваться целый номер, когда животное попадает в другие руки. Особенно важно это при дрессировке лошадей, когда на манеже одновременно появляется группа из пятнадцати — двадцати лошадей, которые

должны создавать живописные фигуры, разбегаться в разные стороны, а затем снова сходиться стройными рядами. Когда у такой группы меняется дрессировщик, номер, как правило, бывает безвозвратно потерян. Первые два-три раза животные при новом человеке еще работают по инерции, как прежде, но вскоре появляются ошибки, их становится все больше, и все идет насмарку. Поэтому во многих цирках теперь ведется тщательная запись, фиксирующая каждый шаг дрессировщика, каждое поднятие и опускание рук, всякую незаметную помощь ассистентов в нужный момент. Горький опыт научил администраторов цирка такой предосторожности, потому что они знают, что бывает, когда дрессировщик внезапно заболевает, умирает или, что случается еще чаще, разругается с директором.

На другое утро я предложил Гаупту, чтобы он не входил со мной в клетку, а оставался снаружи, заперев, как положено, дверь. Он сразу же согласился.

Тут я должен упомянуть, что Гаупт имел привычку собственноручно загонять тигров на манеж, следуя за ними по узкому туннелю и подгоняя сзади палкой. Другие дрессировщики этого обычно не делают, а предоставляют своим подручным гнать животных по туннелю на арену, тыча в них снаружи палками сквозь прутья и подбадривая криками. Сами же дрессировщики входят в клетку на манеже сквозь узкую дверь. У Гаупта подобная привычка выработалась, видимо, с давних времен, когда еще не существовало составляемых из решеток туннелей и когда он подвозил своих львов к манежу в передвижной клетке, а сам бывал вынужден залезать в нее сзади и выгонять их оттуда на арену. Но поскольку он так делает, то и я вынужден был проделывать то же самое: согнувшись в три погибели (что при моем росте весьма затруднительно!), пробираться по узкому и низкому проходу вслед за полосатыми кошками.

Сначала выпускают пятерых тигров, и только после того, как они отбегут на достаточно большое расстояние,

выпускают свирепую Гитту, чтобы ей никто не загородил дорогу в узком туннеле, где не разминешься, и чтобы она из-за этого не учинила потасовку и смертоубийство, как это уже было однажды. Вслед за Гиттой втискиваюсь в туннель и я, но держусь на почтительном расстоянии от полосатой красотки, стараясь не «наступить ей на пятки», ей это может не понравиться... В руках у меня палка и кнут, которым я, к собственному удивлению, ухитряюсь еще и шелкать.

Гитта направляется напрямиком на свое законное место на правом фланге. Зато остальные пять устроили изрядную путаницу, так что первым делом надо рассадить их в надлежащем порядке: слева, как и положено, расположилась Дейзи со своими двумя великовозрастными чадами, а вот справа Фатма поменялась местами с Тибет. Но поскольку я это заметил и не потребую от Фатмы тех прыжков, которые должна совершать Тибет, то ничего страшного нет. С Тибет вообще лучше лишний раз не связываться. Она ведь и дрессировщика уже дважды «поцарапала», когда он, по ее мнению, слишком близко подошел к решетке ее спального отсека. Как выглядят такие «царапины», я хорошо разглядел на руке Берты Гаупт, жены дрессировщика, которой Тибет тоже оставила на память два глубоких кроваво-красных шрама. По-видимому, при этом была разорвана не только кожа, но и половина мускула.

Но артисты обычно честолюбивы: фрау Берта, вторая жена дрессировщика Гаупта, добилась разрешения выступать именно с теми львами, которые разорвали его первую жену. Вместе с мужем она подготовила оригинальный и рискованный номер — лев, скачущий верхом на лошади. Но мне-то кажется, что зрителям более или менее безразлично, что именно вытворяют львы или тигры на манеже — качаются ли на качелях, «служат» ли или образуют живописные группы. Зрителям важно видеть эти замечательные, сильные тела в движении, в стремительной ди-

намике, то, чего в обычном зоопарке никогда не увидишь. Я думаю, что сегодняшний зритель был бы не в меньшем восторге, если бы тигры вовсе не проделывали никаких трюков, а просто носились бы по клетке, громко рыкали, дрались и раздирали зубами брошенное им мясо — словом, вели бы себя так, как это наиболее свойственно их натуре.

Как только Цейлон пробалансировал по длинной узкой доске с одной тумбы на другую, я снимаю ее и переносу на другой конец манежа, где и бросаю на пол прямо перед Дейзи и Тибет. Агрессивную Дейзи это каждый раз возмущает до крайности. Она соскакивает со своего места, делает два-три шага мне навстречу и злобно вцепляется в доску. Мне кажется, что такие вот естественные проявления звериной натуры впечатляют зрителей не меньше какого-нибудь заученного трюка.

Что касается всего номера в целом, то все идет как по маслу, с первой до последней минуты, и Гаупту, стоящему снаружи, ни разу не приходится вмешаться. Гитта, которая сидит с правого края, знает, что для нее «работа» закончена. Подручный, придерживавший снаружи дверь, ведущую в проход, осторожно отодвигает ее вилами в сторону. И вот уже Гитта, словно тень, исчезла с манежа. Заслон снова задвигается, а я жду, пока мне из-за кулис не прокричат, что грозная Гитта добежала до последнего отсека и там заперта на надежную задвижку. Теперь все в порядке — она уже ничего не натворит.

Наконец-то обезопасился и мой тыл: я не должен все время коситься назад, на эту свирепую старую тетку. Я перетаскиваю все тумбы на левую сторону и устанавливаю их в ряд на расстоянии трех метров от решетки. Ну и тяжеленные же эти штуковины! Поднять их невозможно, приходится кантовать; это и понятно: ведь нельзя же допустить, чтобы тигр прыгнул на такую тумбу, а она под его тяжестью опрокинулась! Он больше никогда не согласится иметь с ней дело.

Звери — жуткие педанты. Дрессировка только в том случае достигает своей цели, если изо дня в день пунктуально повторять всегда одно и то же, точно так, как это делалось вчера, позавчера, как все недели и месяцы подряд. Звери привыкают к определенной последовательности действий, они «работают» как во сне, машинально, так же как мы дома не считаем ступеньки своей лестницы, зная, что их двенадцать: мы бы тоже, несомненно, споткнулись, если бы за ночь кто-то пристроил к ним тринадцатую. Я никогда не забуду, как шаткий стул свел насмарку весь мой трехнедельный труд, потраченный на то, чтобы приучить моего первого волка Чингиса послушно садиться на него и протягивать мне лапу, чтобы получить лакомство. Все это время стул стоял возле самой стены. Когда же его вынесли на середину комнаты, чтобы Чингис всем продемонстрировал свой фокус, стул покачнулся, опрокинулся, и с тех пор волк стал рассматривать его как опасную, зловредную штуку, так, как, например, дикий волк относится к капкану, который однажды захлопнулся у него перед самым носом. И даже после того как я привинтил злополучный стул к деревянной подставке, с которой он уже ни на миллиметр не мог сдвинуться, мне пришлось волка совершенно заново к нему приучать. И на этот раз учение шло значительно труднее, чем тогда, когда у него еще не было этого горького опыта.

Точно то же самое произошло бы, наверное, и здесь, если бы какой-нибудь из тигров свалился с тумбы. Но это было бы еще не самое страшное. Ведь вполне возможно, что подобное происшествие выбило бы из привычной колеи и всех остальных участников номера, поднялся бы страшный переполох, а возможно, даже и бунт. Словом, тщательность до педантичности — вот неперемненное условие успеха номера; это азбучная истина, которую должен усвоить каждый, кто решается войти в клетку с хищными животными. Мне даже трудно представить себе, что произошло бы, если бы я вдруг вздумал заставить сначала ба-

лансировать Цейлона, а потом уже прыгать Тибет, а не наоборот, как они привыкли. Даже если бы я захотел заставить Тибет прыгать не слева направо, а, наоборот, справа налево, то вышел бы из клетки мокрый как мышь и все равно ничего бы не добился.

Итак, надо очень внимательно следить за тем, как устанавливаешь тумбу: достаточно ли прочно она стоит на нужном месте. Сверху я нахлобучиваю на нее еще приставку наподобие ящика. Ассистент тем временем просовывает сквозь прутья клетки длинную четырехметровую железную палку, на которую намотана широкая вышитая ткань. Парень держит один конец там, снаружи, я кладу другой на тумбу, мы вместе раскручиваем и спускаем до самого пола синюю бархатную портьеру. Все, барьер готов. Высота его — два метра. Фатма уже начинает беспокоиться и ерзать на своем месте. Я становлюсь сбоку от нее так, чтобы ей оставался только один путь к выходу — прыжок через барьер из синего бархата. Она пятится от меня, я кричу и хлопаю бичом, она переходит в галоп, и вот уже ее прекрасное, гибкое и сильное тело взвивается в воздух и совершенно бесшумно перелетает через высокое препятствие. За ней следует Тибет, правда, не без того, чтобы предварительно меня обругать и чуть посопротивляться, но потом и она взлетает на двухметровую высоту, а следом за ней это проделывает и Дейзи.

Цейлон и Дейли, эти новички и «малютки», такого еще не умеют. Мы с Германом Гауптом решили провести с ними сейчас небольшой урок, чтобы постараться научить их этому трюку. Сбоку от высокого препятствия мы воздвигаем небольшое, а кроме того, еще и сами загораживаем им путь к отступлению, широко раздвинув ноги, чтобы Дейли, эта избалованная особочка, не могла прошмыгнуть мимо нас. Но никакое шелканье кнутом, никакое гоняние по клетке не приносят желаемого результата. Ведь эти двое выросли в обществе людей и нисколько нас не боятся. Дейли пытается просто-напросто проскакивать

у нас между ног, и нам приходится в последний момент поскорее отскакивать в сторону. Пробуем иначе: палку с бархатным занавесом кладем на пол. Дейли благоволит наконец через нее перешагнуть. Когда препятствие поднимают на двадцать сантиметров, она тоже не проявляет страха перед ним. В последующих тренировках препятствие будет день ото дня подниматься все выше и выше, пока Дейли наконец не научится перелетать через него полосатой молнией, как и все остальные участники номера.

Но Цейлону не должна прийти в голову мысль перескочить вслед за сестрицей через синюю портьеру: для него задуман совсем иной трюк. Бархатное полотно чуть сдвигается в сторону, образуя узкую щель, через которую можно прошмыгнуть, чем Цейлон и не преминул воспользоваться. Щель эту день ото дня будут суживать, пока Цейлон не привыкнет своей мощной башкой просто-напросто отодвигать портьеру в сторону и убегать таким образом с манежа, не утруждая себя прыжком. Когда зрители это увидят, то будут покатываться со смеху над «находчивостью» этого «лентяя» и «манкировщика».

На следующее утро я снова в цирке и опять самостоятельно провожу весь номер от начала до конца. При этом мне бросается в глаза, как тщательно Гаупт каждый раз проверяет, хорошо ли скреплены цепями решетки прохода, ведущего из клеток на манеж. Он проверяет собственноручно — одну за другой. Меня это, признаться, удивляет — ведь для этой работы существует десяток подручных!

— Не-е, в этом деле ни на кого другого положиться нельзя! — сказал он в ответ на мой недоуменный вопрос. — Иначе может повториться то же самое, что было уже однажды в 1929 году, в Нюрнберге. Там до сих пор еще один ресторанчик носит название «У тигриного прыжка». Было это в шесть утра, вот как сейчас. В тот раз вырвалась на свободу наша тигрица Бетти. Быстрым аллюром она пересекла манеж и выбежала из цирка на улицу. На мане-

же как раз репетировал известный наездник Георг Буркхардт, так тот от неожиданности чуть не вывалился из седла. А на улице люди вдруг увидали такую картину: идет женщина с хозяйственной сумкой, должно быть, с рынка, а за ней, пригнувшись к сумке, плетется, словно послушная собачка, огромный тигр. Ей покричали, она обернулась и... шлепнулась в обморок. А Бетти наша испугалась еще побольше ее, да как сиганет напрямик через открытое окошко в ресторан гостиницы «Европейский двор», где она приземлилась прямо перед буфетной стойкой. Буфетчица завизжала как резаная и выскочила из комнаты, захлопнув за собой дверь. Очутившись одна, Бетти сразу же успокоилась и принялась со знанием дела обследовать помещение ресторана.

Тем временем в погоню за сбежавшей тигрицей бросились все циркачи, кто только был на месте. К сожалению, кинулись в погоню и индейцы (выступавшие в том же цирке), да притом в полном воинском облачении. Если бы дрессировщик был один, он наверняка тихо и мирно сумел бы заманить Бетти в подвезенную к гостинице транспортную клетку. Но возбужденные погоней индейцы подняли такой дикий шум и гвалт, что испуганная Бетти снова выпрыгнула через окошко во двор (притом на сей раз окно было закрыто и ей пришлось пробить головой стекло!). Осколки так и брызнули во все стороны, а обезумевшая от ужаса тигрица кинулась очертя голову бежать. Но когда она хотела перемахнуть через железную ограду, то напоролась на острие, которое, словно пика, пронзило ей бедро, и несчастная осталась висеть, точно жук на булавке.

Вот теперь дело становилось действительно опасным! Тем не менее дрессировщику все-таки удалось всеми правдами и неправдами высвободить беснующееся от боли животное из плена и привезти назад в цирк. И несмотря на то что через пару часов из Лейпцига на специальном самолете прибыл ветеринарный хирург, роскош-

ную тигрицу спасти не удалось: к вечеру того же дня она скончалась.

Да, некоторые тигры остаются в памяти работников цирка навсегда! Так, Раджа, отец Цейлона, оставил своему учителю, Герману Гаупту, на память изуродованную правую руку: средний палец на ней больше не сгибается. Кроме того, Гаупту пришлось несколько месяцев пролежать в больнице с заражением крови. Раджа был потомком одного из тех пятнадцати уссурийских тигров, которых в 1912 году отловили по специальному заказу старого Саррасани. До тех пор на цирковых афишах фигурировали всегда только «бенгальские королевские тигры». Могушие «сибиряки» были в то время настоящей сенсацией, а поскольку кровь их и по сей день течет во многих дрессированных тиграх, то стоило заплатить те восемьдесят тысяч марок, которые Саррасани пришлось выложить тогда за свой экзотический заказ. Ведь отлов живых тигров — дело куда более сложное, чем их отстрел. Так, тигролов Дельмонт рассказывает об ужасном случае... Неосторожный юнец, участвовавший в операции, свалился в ловчую яму, в которой сидел тигр. Взбешенный зверь тут же на него набросился. В мгновение ока, раньше, чем присутствующие успели сообразить, что к чему, отец парня прыгнул в яму вслед за ним. Вооружен он был одним лишь охотничьим ножом. У Дельмонта не было под рукой ружья, так что, пока этих двоих удалось вытащить из ямы, отец был уже мертв, а парнишка так тяжело ранен, что скончался через пару часов. Но и тигр пострадал не меньше: на шее у него зияла такая страшная ножевая рана, что его пришлось пристрелить.

Так что тигры — это дорогое удовольствие. Не то что львы. Но особенно тяжела потеря дрессированных, прирученных зверей. После того как цирку Саррасани удалось в течение Первой мировой войны сохранить в целости и сохранности всех своих хищников, они в 1918 году внезапно почти поголовно погибли из-за того, что им

скормили мясо больной сапом лошади. К тому же еще и большая часть ценных породистых лошадей заразилась этой страшной неизлечимой болезнью, опасной и для человека. Подобное же произошло и у знаменитого дрессировщика Джулиуса Сита. Во время гастролей у него умерли одновременно все его двадцать пять львов, которым скормили мясо сапной лошади.

Итак, я дважды продемонстрировал весь номер от начала и до конца ранним утром перед пустым зрительным залом и пришел к выводу, что нечего мне больше вскакивать ни свет ни заря в пять утра, потому что то, что утром получается, получится и вечером, перед заполненным зрительным залом.

Администратор, господин Штром, пошел обговорить это дело с мадам Саррасани, но неожиданно вернулся с отказом: нет, я не буду в этом месяце выступать с тиграми на арене, а только в следующем, потому что в программе сейчас объявлены медведи, а тигры будут потом. Полдня я хожу подавленный и огорченный. Мое тщеславие задето. Шутка ли — я одолел дело за шесть дней, а теперь будут говорить, что мне понадобился на это целый месяц! Кроме того, кончится срок страховки, и придется заключать новый договор. Я решаю позвонить мадам Саррасани сам. Между нами происходит длинный нервный разговор, обе стороны не хотят уступать, каждый старается настоять на своем, но — ура! — я побеждаю. Мадам Саррасани сдалась:

— Пусть будет по-вашему, доктор. В субботу медведей, так уж и быть, заменим тиграми.

Ну что ж — день и время для меня вполне подходящие! Надеюсь, что зрители не будут разочарованы тем, что вместо медведей увидят тигров.

Несколько наших старых знакомых каким-то образом узнали о моих утренних «упражнениях с тиграми». Так, мне вдруг позвонил мой старый учитель английского, доктор Адам. Это ему я обязан тем, что знаю английский язык немножко получше, чем его знают обычно после

окончания реального училища. И благодаря его стараниям я провел не одну бессонную ночь (а уж воскресных вечеров не счесть!) за зубрежкой английских слов и упражнений. И как часто я вместо того, чтобы заниматься любимым делом, например постройкой курятников или выводением карликовых пород кур, был вынужден читать английские книжки!

Он спросил меня, не испытываю ли я чувства страха перед завтрашней «премьерой». Я ответил:

— Гораздо меньше, чем тогда, перед вашими контрольными по английскому языку!

И мы пустились в воспоминания. Я стал убеждать его, как в корне неверно ходовое представление о «беззаботном детстве». Разумеется, в мальчишеском возрасте обычно не приходится заботиться о еде и одежде, но дети ведь и не думают никогда о подобных вещах. Зато мне кажется, что за все девять лет школьной жизни у меня не было дня, когда бы меня не отягощала хоть какая-нибудь забота, когда бы я не ожидал с тревогой завтрашнего утра... То контрольная, то учитель должен вернуть уже написанную работу, которую я, возможно, «запорол», то домашние задания, сделанные не так, то одолевают сомнения — вдруг не перейду в следующий класс? А какой гнетущий страх нагонял на меня экзамен на аттестат зрелости, который надвигался неумолимой черной тучей! Конечно, теперь, когда оглядываешься назад, все это кажется мелочью и чепухой, но для школьника подобные вещи представляют огромную важность. И если я сегодня мучаюсь с тиграми, то это ведь мое добровольное желание, если я захочу, я могу от всего этого предприятия отказаться. И мой старый учитель был вынужден со мной согласиться. Да, действительно, он и сам в свое время легко вздохнул лишь после того, как государственные экзамены были позади, а диплом в кармане.

Нет уж, дудки, я лучше соглашусь ежедневно входить в клетку с тиграми, чем снова писать контрольные по ан-

глийскому! И даже если я перед «премьерой» и ощущаю волнение, то вовсе не из-за тигров, а оттого, что на меня будут смотреть несколько тысяч пар глаз, разглядывая, словно актера на сцене.

После обеда, в три часа дня, я сижу на одном из привилегированных мест первого ряда, на обтянутом красным бархатом кресле (где пена с лошадиных морд и пыль из-под слоновьих ног летит тебе прямо в лицо). Я наслаждаюсь программой первого отделения: тут и чистокровный скакун Орлик, и крошечный пони Беби, спующий у него под ногами, затем парад зверей, группа дрессированных лошадей вороной масти, которыми руководит мадам Саррасани собственной персоной; затем следует «прыжок смерти» из-под купола цирка, выполняемый акробатом Кюблером. Потом наступает антракт и под шутки клоунов на манеже водружается большая круглая клетка. Резкая трель звонка, и публика устремляется из фойе назад, в зрительный зал, шумно рассаживаясь по местам. Уже наброшена поверх клетки огромная сеть, и тут до меня доносится голос Гаупта:

— Доктор, ну где же вы? Сейчас ведь ваш выход!

Но он зря волнуется — видимо, позабыл, что мне ни переодеваться, ни гримироваться не надо, что я зайду в клетку так, как есть, в своем обычном костюме.

Я прохожу за кулисы. Пять тигров уже выпущены в туннель, за ними следует Гитта, а за Гиттой залезаю туда и я. Все идет так, как и во время двух предыдущих проб. Я рассаживаю своих шестерых кошек по местам и раскладываюсь так, как мне было велено, — это тоже входит в программу. Потом прыгает Тибет: туда и обратно, все в порядке, она даже не пытается увильнуть. Затем я притаскиваю третью тумбу, пробую, достаточно ли прочно она установлена, чтобы Фатма, не дай бог, не скувырнулась! Все три тигра, сидящих справа, вскакивают на тумбы и «служат». Они сидят неподвижно, словно каменные изваяния, и публика аплодирует.

Гитта сама, без приглашения, подкрадывается к тумбе, с которой должна прыгать через мою голову. Но прежде чем она решается на прыжок, мне снова приходится ее уговаривать, однако уже не так долго, как в первый раз. Вот она и перемахнула через меня. Публика опять аплодирует. Я не успеваю положенным образом поклониться, как ассистент уже сует мне сквозь прутья обруч. На сей раз он залит бензином и полыхает огнем.

«Не спалить бы костюма», — еще подумал я.

Гитта снова смотрит мне в глаза долгим, пронизывающим взглядом. Она опять целится прыгнуть мимо, но я уже спокоен: она прыгнет как надо, сквозь обруч. И вот она уже неслышно проскользнула на свое место, а я раскланиваюсь, стараясь держать эту горящую штуковину подальше от своих брюк...

Цейлон, этот избалованный и заласканный, выкормленный из рожка здоровенный «малыш», долго раздумывает, стоит ли ему залезать на высокую тумбу и, балансируя на доске, переходить на другую сторону. Пока он, осторожно и преисполненный достоинства, шествует по доске, я поскорее бегу за ним, чтобы заставить проделать обратный путь, что он и делает. Но, достигнув исходного пункта, он почему-то не желает слезать. Он вошел во вкус, ему хочется повторить свою прогулку. Но этого допускать ни в коем случае нельзя. Я ведь хочу продемонстрировать весь номер без единой ошибки, хотя публика наверняка и не заметила бы эти маленькие отклонения. Так что я резко шелкаю кнутом перед самым носом Цейлона. Любой другой из четырех диких тигров, свирепых и хищных, при этом бы отступил. Но не этот, который еще недавно спал в постели своей хозяйки. На него такое шелканье не производит ни малейшего впечатления. Тогда я слегка провожу кнутовищем по его лапам. Это была ошибка, как я сразу понял, ведь тигры здесь не привыкли ощущать прикосновение кнута. Цейлон возмущен — он оборачивается, начинает рычать, я явственно вижу, как язык в его пасти при-

поднимается по краям, образуя «совок». Оскорбленный «паша» поднимает лапу и собирается дать мне затрещину. Это совсем коротенькая мизансцена, и зрители наверняка ничего не заметили, но меня тревожит только одно: лишь бы Гаупт не отпер дверь и не вошел в клетку! Но, к счастью, он придерживается нашей договоренности. Я продолжаю твердо стоять на месте и спокойным тоном уговариваю Цейлона. Наконец он сдается, гнев его стихает, и он царственно отправляется на свое место.

Старая злая Питта, как всегда, уходит первой с манежа, я составляю из высоких тумб барьер, нахлобучив сверху еще маленькую тумбочку (принадлежавшую недавно убитому тиграми дрессировщику Шуссеру); заставляю Тибет, Фатму и Дейзи перемахнуть в гигантском прыжке через синий бархат — все, как положено в этом номере.

Так. Манеж опустел. Я отбрасываю в сторону палку и кнут, раскланиваюсь и хочу уйти. Но тут Гаупт сзади кричит мне:

— Вернитесь! Сделайте еще один поклон публике!

Несколько растерявшись под взглядом тысяч глаз, я невольно подчиняюсь его окрику, и тут внезапно рядом со мной возникает девица, которая вручает мне неистово сверкающий лавровый венок, перевитый красной лентой. Вот тут уж я исчезаю почти что бегом...

На другой день после своего второго, воскресного выступления с тиграми я сижу в уютном жилом вагончике мадам Саррасани и пью чай. Из огромного шатра цирка доносится музыка — там продолжается представление. Директриса торжественно вручает мне красиво оформленное свидетельство, где удостоверяется, что я после трех с половиной часов работы с шестью королевскими тиграми действительно повторил весь номер, причем один, без чьей-либо помощи и со всеми деталями.

— Вы действительно поставили настоящий рекорд! — сказала при этом Труде Саррасани. — Может быть, вам доставило бы большее удовольствие разъезжать с моими ти-

грами по белому свету, чем сидеть в Берлине за письменным столом? Если хотите, я готова заключить с вами контракт хоть сейчас же на четыре месяца.

Какой мужчина, мальчишкой увлекавшийся Карлом Мейем и приключенческой литературой, прокрававшийся безбилетным зайцем под брезентовый полог сказочного кочующего цирка, не ощутил бы в этот момент, что его давние голубые мечтания становятся явью? Но это ведь тайные, далеко запрятанные даже от себя самого движения души. Горше неисполненных желаний возможность их свершения, опоздавшая на двадцать лет. Как обидно, что такой шанс представляется тогда, когда уже ничего невозможно изменить...

Я уехал домой, увозя завернутый в бумагу лавровый венок, и написал профессору Кёлеру письмо: «Помните ли Вы еще, о чем мы с Вами толковали тогда, в метро? Мне удалось осуществить часть нашего плана». И приложил к письму маленькую газетную вырезку о «Докторе Икс», который в цирке Саррасани работал в клетке с тиграми».

Глава вторая

ОСТОРОЖНО: ТИГРЫ!

В редакционной статье, помещенной в журнале «*Illustriertes Blatt*» шесть недель спустя после появления серии сообщений о моем удавшемся эксперименте с тиграми, говорилось:

«Помещенные нами материалы о «тигровом эксперименте» вызвали поток писем в редакцию. Многие из них содержат осуждение подобных опытов: ведь удавшийся эксперимент доктора Гржимека незаслуженно подрывает авторитет профессиональных дрессировщиков в глазах публики. На это мы можем возразить, что работа Гржимека с тиграми Саррасани отнюдь не означает, что каждый, кому вздумается, может зайти в клетку и вместо дрессировщика демонстрировать номер с хищниками. Это (и без того само собой разумеющееся) утверждение неожиданно быстро получило свое подтверждение во время прискорбного происшествия, разыгравшегося на днях в Париже.

После того как доктор Гржимек закончил свои опыты с тиграми, сообщения об этом замелькали на страницах европейской печати. Однако в них умалчивалось, кто именно производил этот оригинальный эксперимент. Шесть недель спустя, в начале ноября, знаменитый парижский цирк Медрано известил публику о том, что собирается повторить подобный же номер. С королевскими тиграми на сей раз будет выступать тоже «непрофессионал», а именно известная киноактриса Джина Манэ. Не прошло и нескольких дней, как страницы газет, в том числе и немецких, запестрели сообщениями, иллюстрированными наводящими ужас фотоснимками о страшной трагедии, разыгравшейся в Париже, в цирке Медрано. Поскольку читатели нашего журнала, знакомые с материалами об удавшемся эксперименте доктора Гржимека, могут питать особый интерес к этому вопросу, мы решили описать все случившееся во всех подробностях, собранных нами из газетных вырезок и писем, направленных в редакцию нашими парижскими читателями.

Итак, французский журнал «L'Illustration» писал 21 ноября 1942 года: «Цирк Медрано объявил о сенсационном зрелище, которым собирается удивить публику 13 ноября сего года: кинозвезда Джина Манэ выступит на арене с шестью королевскими тиграми, один из которых особенно опасен, поскольку уже не раз нападал на дрессировщиков». Ее первому выступлению, к несчастью, суждено было стать для нее и последним.

Джина Манэ появилась в клетке в исключительно элегантном белом костюме и высоких лакированных сапогах. В сопровождении постоянного дрессировщика этой группы тигров она бесстрашно расхаживала среди полосатых хищников, с необычайной лихостью давала им команды и стегала бичом. Вела она себя настолько уверенно и дерзко, что любой специалист по диким животным стал бы опасаться, что это добром не кончится, тем более что один из тигров уже начал оказывать ей ту молчаливую непокор-

ность, которая говорит о нарастающей опасной ситуации. Когда примерно в середине представления Джина стояла перед этим тигром по кличке Ройал, не желающим идти на свое место, она с силой стегнула его кнутом. В мгновение ока разъяренное животное, широко разинув пасть, бросилось на обидчицу и схватило ее за голову. Актриса упала на землю, а публика подняла от страха дикий крик. Поскольку подоспевший дрессировщик тут же стал «обрабатывать» тигра ударами бича и палки, тот начал метаться по клетке, не выпуская свою жертву, которая вскоре потеряла сознание и перестала шевелиться. Остальные тигры подскочили к нему, чтобы вырвать у него свою часть добычи. С Джина был сорван сапог. Но наконец на тигров обрушилась мощная струя воды из брандспойта, а мужественный подручный Жозеф Кослар бесстрашно кинулся в самую гущу дерущихся за добычу зверей, лупя налево и направо дубинкой. Его тоже схватил один из тигров, и теперь вся эта сцена выглядела так, словно тигры играют с двумя куклами в подкрашенной крови, розовой воде...

Когда ничем другим уже нельзя было помочь, служащие цирка начали палить в животных из пистолетов. После этого тигры, один за другим, стали покидать клетку. Когда Ройал наконец выпустил свою жертву, другой тигр тут же схватил ее за руку и подтащил к самой решетке. Пока его отгоняли, несчастная актриса, к которой внезапно вернулось сознание, ухватилась за прутья решетки и даже нашла в себе силы подтянуться по ним кверху. Поддерживаемая господином Спессарди, она сделала несколько шагов. Потом ее унесли.

Благодаря присутствию в клетке дрессировщика, вынудившего тигра метаться из стороны в сторону, удалось по крайней мере воспрепятствовать тому, чтобы хищник разорвал свою жертву, а остальные тигры приняли бы участие в дележе. Джину Манэ отвезли в госпиталь Мармоттан, где она еще до сих пор находится в весьма тяже-

лом состоянии. Двух тяжелораненых тигров, Раджу и Цезаря, в тот же вечер осмотрели хирурги. Чтобы усыпить животных, им дали гарденал: одному — в молоке, а другому, более недоверчивому, — в куске мяса. Когда реакции их стали замедленными, им вкатили еще по три шприца с морфием. Ветеринарный хирург, доктор Маргин, вытащил из тела Раджи пять пуль, одну из которых удалось обнаружить только с помощью рентгеновского аппарата, а из лапы Цезаря он вынул две пули. Операция шилась два часа.

На следующий день господин Спессарди, как обычно, выступал на арене цирка. Правда, на сей раз у него в номере участвовало только четыре тигра вместо обычных шести. Но среди этих четырех был и виновник вчерашнего несчастья Ройал, а также Арамис, в шее которого еще оставалась пуля...

Суеверные люди объясняют это ужасное происшествие тем, что представление состоялось в неудачный день: было тринадцатое число, среда. Нас же все это наводит на гораздо более серьезные размышления. Ведь профессиональный дрессировщик, работая годами со своими животными, приучает их к определенным жестам, командам, различным прикосновениям бича, смотря по обстоятельствам, к тем или иным частям тела. Он держит их в постоянном, привычном решпекте, благодаря которому его превосходство над ними кажется им незыблемым. Даже в случае неповиновения, когда дрессировщик хочет подчинить зверей своей воле, он должен одной лишь непререкаемой интонацией своего голоса дать им почувствовать свою силу, свою волю, которая заставит их покориться. Криком и раздражающими зверей угрозами ничего тут не достигнешь. Даже лишнее, незнакомое слово может в такой момент помешать.

Нам хочется отметить, что, несмотря на свой бунт и на запах человеческой крови, тигры все же отступали перед своим укротителем, несмотря на то что он не палил из

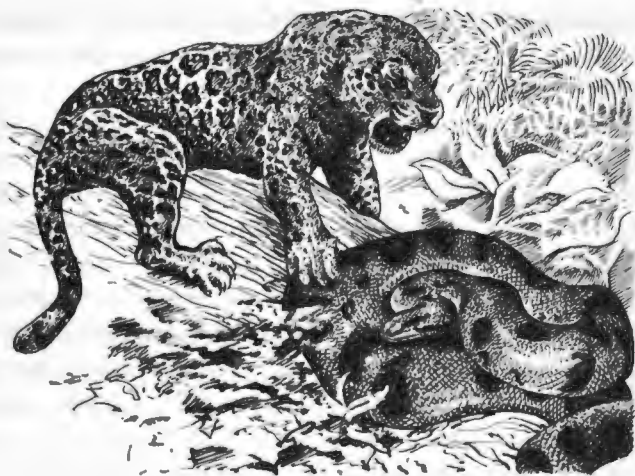
пистолета. Разыгравшаяся на наших глазах драма свидетельствует о том, что в работе укротителя даже самая безудержная отвага в обращении с хищниками не может заменить профессиональных навыков, понимания психологии зверя.

Из других французских газет мы узнали еще некоторые подробности этого происшествия. Джине Манэ во время съемок одного фильма в 1929 году несколько раз уже приходилось заходить в клетку с хищниками. И несмотря на то что она тогда, по собственному признанию, не могла преодолеть в себе чувства страха, тем не менее этот небольшой опыт и подтолкнул ее на столь рискованный шаг с выступлением в цирке Медрано. Ведь свое мужество и отвагу она уже не раз доказывала в качестве летчицы и во время неоднократных прыжков с парашютом. Перед выступлением актрисы дрессировщик занимался с нею всего лишь пять дней. Несчастье произошло оттого, что она слишком сильно ударила тигра Ройала, который совершенно не выносил даже легкого прикосновения бича. К тому же Джина в этот момент отвернулась и наклонила голову, подставив таким образом раздраженному животному шею — наиболее излюбленное место для нападения. Не будь у Ройала обломаны передние зубы нижней челюсти, шейные позвонки жертвы оказались бы переломанными. Целых две минуты тигр таскал свою «добычу» по клетке, пока дрессировщик до хрипоты орал своим ассистентам, стоящим по ту сторону решетки, что им делать. К сожалению, его приказания не могли быть сразу же исполнены: сначала не шла вода, потому что заел кран, потом она вырвалась мощной струей и вместо тигра попала в лицо дрессировщику, ослепив его на несколько мгновений. Открыть дверь в туннель, ведущий за кулисы, он не решался, потому что Ройал непременно постарался бы захватить свою «добычу» с собой, и тогда в узком проходе образовался бы клубок из дерущихся тигров, распутать который было бы уже совершенно невозможно. Носить

же при себе во время представления револьвер Спессарди не разрешалось. (В создавшейся суматохе, между прочим, шальной пулей ранило одну зрительницу.)

Эта группа тигров была собственностью дрессировщика Спессарди, который купил ее у Гагенбека. Одно из животных (кстати, непричастное к происшествию) погибло. Это был Раджа, у которого оказалась разорванной почка и прострелена брюшина. Что касается киноактрисы Джины Манэ, то она после двухмесячного лечения вышла из больницы с глубокими шрамами на лице и шее. Ее левая рука осталась парализованной и безжизненно висела вдоль тела...»

Глава третья

КРОВАВЫЙ КАУЧУК, ИЛИ БИЗНЕС НА ИСКАЛЕЧЕННЫХ ИНДЕЙЦАХ

Людам, которым посчастливилось любоваться в Восточной Африке свободно живущими слонами, жирафами и львами или необъятными стадами зебр и гну, бредущих по степи Серенгети, всегда хочется узнать: а где еще на земном шаре можно увидеть нечто подобное? Такой вопрос задал себе и я. И именно затем, чтобы это узнать, я ездил в Австралию, на Новую Гвинею, в Советский Союз, в Канаду, в Индию и в разные другие места на Земле, где можно надеяться в наш технический век еще разыскать нетронутую, первозданную природу. И за тем же самым я недавно, второй раз в своей жизни, полетел в Южную Америку — на сей раз в Перу. Это двадцать часов лету от Франкфурта-на-Майне.

В столице страны Лиме с ее трехмиллионным населением в августе уже прохладно: среднемесячная температура составляет пятнадцать градусов. Под зоопарк щедро от-

вели большую площадь, но она еще только начинает застраиваться. Вокруг же пустыня, голые, лишенные растительности горы. Тюленей на этой части побережья теперь уже не увидишь, говорят, что небольшое стадо их можно встретить лишь на отдельных, омываемых пенными бурунами скалах, далеко в море. Держатся эти последние представители прежде многочисленного вида весьма скрытно и осторожно. Число птиц, производителей гуано, населяющих сорок восемь перуанских островов, по подсчетам в 1965 году с двадцати одного миллиона голов упало до трех миллионов. Объясняется это, скорее всего, чрезмерным выловом анчоуса, особого вида сардин,— рыбы, служащей основным кормом для этих водоплавающих. Несмотря на то что «гуановые острова» опоясаны запретными зонами, рыбаки тем не менее продолжают непрерывно вылавливать огромные массы анчоуса, идущего в основном на переработку в рыбную муку. Они настолько подорвали этим кормовую базу птиц, что те просто вымерли с голоду. Перуанские крестьяне прежде удобряли свои поля исключительно одним гуано, который вывозили с островов, где эти птицы создавали свои гнездовые колонии. Теперь для того, чтобы обеспечить поля необходимыми ежегодно пятьюдесятью пятью тысячами тонн естественных азотно-фосфорных удобрений, а тем более химическими удобрениями, необходимо было бы затратить четыреста миллионов марок в год!

Подобное же происходит с викунями. Обитают они только близ снежной границы Анд, как правило, на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря, потому что нуждаются в более сочной и питательной траве, чем обычные ламы. Те ведь довольствуются желтой колючей травой ичу, произрастающей в пустыне. А поскольку за шерсть викуны выплачивают баснословные деньги, этих животных уже повсюду выбили. Истребили, невзирая на закон об охране. Практически сохранились они в одном-единственном месте — это на юге страны, в резервате, расположенном вдоль

дороги, ведущей из Наски в Пукьо. Там иногда еще можно увидеть стадо викуний, превышающее тысячу голов.

Перу не присоединилось к Международной конвенции об ограничении вылова китов. Близ перуанского побережья промышляют даже гигантских серых китов, которых во всех морях земного шара осталось не более нескольких сот голов. Территориальные воды Перу простираются в море на двести миль. Поэтому чужие китобойные суда не могут приблизиться к основным скоплениям китов, которые держатся здесь обычно близ побережий. Зато перуанцы на своих утлых лодчонках бесстрашно выходят в море и охотятся возле своих берегов на кашалотов, которые сосредоточиваются здесь, привлеченные скоплениями каракатиц — основного корма этих китов. Загарпуненных животных весом до тридцати тонн затем буксируют в порты.

По сведениям, публикуемым перуанскими властями, таким способом ежегодно добывается свыше двух тысяч китов.

Я сажусь в самолет и лечу сначала над предгорьями Анд, склоны которых, обращенные к Тихому океану, совершенно пустынные и лишены какой бы то ни было растительности. Затем мы поднимаемся все выше, пересекаем гигантские горные массивы, а позже долго летим над бескрайними девственными лесами. Эти джунгли тут и там пронизаны извилистыми ниточками рек. И наконец мы добираемся до верховьев Амазонки, где находится город Икитос. Длится такое путешествие всего три часа. А раньше, до изобретения самолета, на него уходило добрых сорок дней. При этом приходилось пешком карабкаться вверх и вниз через Анды, а потом неделями в утлых кану, на веслах спускаться вниз по рекам. Разумеется, проделывать такие путешествия могли лишь мужественные, сильные и решительные люди, к тому же в основном бедные. А богатые в прошлые времена из столицы страны Лимы до главного города провинции Икитоса добирались весьма сложным круглым путем: сначала на пароходе через

Панамский канал, затем в Нью-Йорк, Англию и назад со стороны Атлантики входили в Амазонку и плыли вверх по течению до Икитоса. По времени это было не дольше, чем путешествие через Анды, но зато, разумеется, значительно удобнее и безопаснее. И именно от того, что путь от старого цивилизованного города Лимы до затерянного в глуши Икитоса был так долг и труден, здесь могли происходить такие чудовищные вещи, о которых дальше пойдет речь.

Четырехмоторный самолет, на котором я прилетел в Икитос, пошел на посадку, и, пока он несся по посадочной полосе, откуда ни возьмись с обеих сторон к нему кинулись стайки детей на велосипедах, которые изо всех сил жали на педали, стараясь не отстать от грохочущей крылатой машины.

Меня встречают мой оператор Алан Рут и его жена Жоан, которые прибыли сюда с Галапагосских островов и живут здесь уже несколько недель. Я поначалу никак не могу привыкнуть правильно выговаривать название города «Икитос», с ударением на втором слоге, потому что для меня гораздо привычнее произносить Икитос. Так называется знакомый мне небольшой городок в Судане.

В городе Икитосе есть что-то нереальное. Это город с поблекшим, притом отнюдь не таким уж древним великолепием. Протекающая в трехстах метрах внизу Амазонка в этом месте делает крутой поворот. В результате одряхлевшая помпезная набережная в двух местах оказалась размытой. Каменные балюстрады вместе с бронзовыми дугowymi фонарями обрушились. Однако ремонтом их здесь так никто и не занялся. Довольствовались лишь тем, что отгородили оставшуюся часть набережной хлипкими деревянными планками и сняли с постаментов бронзовые бюсты испанских губернаторов и генералов. Интересно, доберется ли река до безвкусно-роскошного углового дома, облицованного португальским цветным кафелем? Сейчас это административное здание, но прежде здесь была частная гостиница, построенная в начале века за ба-

снословные деньги: более миллиона долларов. Возле рыночной площади можно увидеть дом, облицованный металлическими пластинами, покрашенными в зеленый цвет. Построен он по проекту знаменитого парижского архитектора Густава Эйфеля, автора Эйфелевой башни. На широких просторных улицах стоят несколько церквей, множество памятников. Да, в этом городке, в котором уже в начале века было пятнадцать тысяч жителей, безусловно, можно было кое-чего достичь! В те времена здесь ходил даже трамвай. Повсюду видны старые внушительные буржуазные дома, построенные в испанском стиле. Но у некоторых из них провалились крыши — их никто не ремонтирует. Правда, уже выстроен новый отель для туристов, но желающих совершить увеселительную прогулку на океанском лайнере из Саутгемптона (Англия) вверх по всей Амазонке до этого городка пока мало. Далековато. И хотя туристам и не приходится дорогой пересаживаться с одного вида транспорта на другой, тем не менее одна поездка по Амазонке (по прямой) составляет 2600 километров (как от Парижа до Москвы), а на самом деле это целых 3700 километров, учитывая изгибы реки.

Здесь, в отличие от Лимы, в августе ощущается приятное тропическое тепло, но зато и довольно сыро. Немая тоска, поблекшее великолепие этого странного городка возбудили мое любопытство. Откуда это удивительное богатство здесь, в глуши верховьев Амазонки? Я стал расспрашивать, рыться в старых книгах, подшивках деловых бумаг. Оказывается, богатство это основано на резине, на каучуке. Но кроме того, на крови, порабощении индейского населения, массовом истреблении людей. По чисто торгашеским подсчетам, добыча каждой тонны каучука стоила две человеческие жизни — жизни двух аборигенов. На самом же деле каждая тонна экспортируемого через Икитос каучука стоила жизни *восьми* индейцам, обитавшим по берегам реки Путумайо, притока Амазонки, причем добыча каучука вовсе не требовала этого. Просто

выродки в человеческом облике устраивали здесь, вдали от посторонних глаз и какого бы то ни было контроля, эту беспрецедентную кровавую бойню. Здесь они имели возможность дать волю своему садизму, своему человеконенавистничеству и расизму. Ни правительство в далеком городе Лиме, ни тем более держатели акций и президенты компаний по производству резины в Лондоне никогда сюда не добирались. Только поэтому и могло случиться, что за какой-нибудь десяток лет численность населения, состоявшего из миролюбивых индейцев, с пятидесяти тысяч сократилась до пяти тысяч человек.

То, что мировой общественности довелось узнать об этом страшном злодеянии, — заслуга одного американского инженера по железнодорожному строительству В. Е. Гарденбурга. Я раздобыл себе в одной из лондонских библиотек его пожелтевшую от времени книжку, изданную в 1912 году. Совместно со своим коллегой В. Б. Перкинсом он решил после окончания работ в Колумбии пересечь весь Южноамериканский континент. Путешественники переезжали через Анды, купили себе там за шестьдесят долларов выдолбленную из древесного ствола шестиметровую туземную лодку-кану и поплыли вниз по реке Путумайо, пограничной между Колумбией и Перу. Совершенно неожиданно их остановили какие-то уполномоченные фирмы «Peruvian Amazon Company», арестовали и, подвергнув унижительным допросам, потащили с собой в город Икитос для дальнейшего расследования. Остаться в живых им удалось только потому, что они сообразили заявить, что являются представителями американского акционерного общества, собирающегося вложить деньги в какое-нибудь предприятие на Амазонке. Во время своего вынужденного пребывания в Икитосе этим двум инженерам пришлось узнать и пережить нечто совершенно ужасное.

Мирные индейцы, населяющие берега Путумайо, были превращены служащими компании в дармовую рабочую силу. День и ночь они должны были трудиться, голод-

ные, раздетые, получая столь скудный рацион, чтобы только не упасть и не умереть от истощения. Когда они приносили на приемный пункт добытый ими каучук, то со страхом следили за стрелкой весов. Если она не доходила до установленной цифры, несчастные в ужасе бросались вниз лицом на землю, после чего подвергались чудовищным истязаниям и увечьям. Их так бесчеловечно стегали кнутом, что кожа лопалась и наружу проступали кости. Многие индейцы были покрыты ранами и струпьями, в которых ползали личинки мух... Места, отведенные под приемные пункты каучука, время от времени приходилось менять из-за невыносимого трупного запаха, распространяющегося на всю округу, несмотря на то что собак специально обучали утаскивать трупы индейцев в лес.

Какие только бесчинства не творились в этом затерянном уголке света! Туземцев привязывали вниз головой к крестам, использовали их в качестве живой мишени для стрельбы. Эти чудовища в образе людей развлекались тем, что завязывали индейцам глаза, обливали керосином, поджигали и тренировались в стрельбе по убегающим в ужасе несчастным жертвам. Индейцам отрубали руки и ноги. Убивали детей, разбивая им головы о деревья. Женщин отбирали в качестве наложниц. Как только они надоедали своим владельцам, их просто убивали. Молодых парней и девушек в Икитосе можно было купить по цене от четырехсот до восьмисот марок. По праздникам оголтелые пьяные убийцы развлекались тем, что подвешивали на деревья детей и отстреливали у них сначала ухо, потом руку, потом остальные части тела... Ошалелые «стрелки», завидя группу индейцев, стреляли наугад — в кого попадет — и радовались, когда все в ужасе разбегались в разные стороны. Тогда они старались догнать и уложить на месте как можно больше беглецов. Ни один муж и ни один отец не смел воспротивиться тому, чтобы кто-то из убийц забрал в свой гарем его жену или дочь, даже если этой дочери было всего восемь или девять лет.

Если случалось, что члены какого-нибудь индейского семейства убегали в леса, то задержанного в качестве заложника вождя или родственников подвергали страшным пыткам и истязали до смерти. Несчастных подвешивали на цепях к деревьям так, чтобы они могли лишь кончиками пальцев ног касаться земли, и оставляли их висеть в таком положении и днем и ночью, пока те не умирали от голода и жажды. Им отрубали пальцы, руки, ноги, а то и кастрировали. В доме одного «скупщика каучука» Гарденбург заметил, что принадлежащие хозяину собаки постоянно играли отрубленными человеческими руками и ногами, а случалось, что хозяин дома находил подобные «сувениры» по утрам возле своей постели.

Испанцы, живущие на Амазонке, которым Гарденбург да и другие «гости» осторожно высказывали свой ужас от происходящего, часто отвечали на это так:

— *Son animales, senior, no son gentes!* (Это животные, сеньор, это ведь не люди!)

Зверство и надругательство над индейцами только ради потехи приравнивались этими бесчеловечными людьми к садистскому истязанию животных. Ведь подобное бездушно-спокойное отношение к мучительству животных знакомо нам уже по испанской корриде. Устраиваются эти недостойные зрелища ради потехи населения, а кстати, и для определенного сорта заезжих туристов, часто, между прочим, немцев, которые, внося валюту в качестве входной платы, способствуют процветанию подобных изуверских зрелищ.

Когда Гарденбург после возвращения в Лондон пытался опубликовать свои разоблачения, то поначалу ни одна газета не решалась принять у него такой скандальный материал, то ли сомневаясь в достоверности информации о подобных ужасах, то ли опасаясь вызвать конфликт с перуанским правительством или с влиятельными английскими монополиями, ведущими с Перу свои торговые дела. Но наконец ему удалось пробиться на прием в

«Общество борьбы с рабством» (Anti-Slavery Society), и уже в сентябре 1909 года газета «Тру» опубликовала первые сообщения о неслыханных кровавых бесчинствах, творящихся в Икитосе, а вслед за ней уже и остальные английские газеты перепечатали эти материалы.

Перуанский посол в Лондоне немедленно прислал опровержение, возмутилась и «Peruvian Amazon Company». Они утверждали, что все это преувеличения, а то и досужие вымыслы Гарденбурга и Перкинса. Тем не менее перуанское правительство под давлением США поспешило выплатить обоим по пятьсот долларов в качестве «компенсации за причиненный ущерб во время поездки по Путумайо и в Икитос».

Вопрос этот рассматривался в британском парламенте, и было решено направить в Икитос британского консула Роджера Дэвида Кейсмента (1864—1916) для расследования этого дела на месте. Основным поводом посылки консула в Перу послужил тот факт, что агенты каучуковой компании вынуждали негров с острова Барбадос работать в Икитосе в качестве надсмотрщиков за рабами. Эти негры родом с острова Барбадос, расположенного на западной окраине Антильских островов, были английскими подданными и умели читать и писать (в отличие от большинства своего перуанского начальства!).

Роджер Д. Кейсмент (который, между прочим, позже получил даже титул лорда) допросил в Икитосе массу свидетелей. Сообщения Гарденбурга и Перкинса были им полностью подтверждены, более того — выяснились и другие чудовищные злодеяния. Но несмотря на то что крупные испанские газеты, выходящие в Лиме, тоже начали публиковать разоблачительные материалы, убийцы продолжали разгуливать на свободе и никто не сделал ни малейшей попытки их арестовать или наказать.

Что касается донесений Кейсмента, то они были опубликованы британским правительством только в 1912 году, после тщетных дипломатических переговоров и попы-

ток вынудить перуанское правительство принять решительные меры для устранения подобного живодерства и издевательства над людьми.

Мне было очень интересно найти в этом затерянном среди перуанских дебрей городке на Амазонке следы такого человека, как сэр Роджер Кейсмент. Ведь британское правительство направило в Перу именно его, потому что у него к тому времени уже был опыт в подобных делах: он проводил схожие расследования в Конго, будучи консулом в Бома. Это именно он первым из европейцев обнаружил получившие печальную известность «конголезские ужасы», творившиеся при добыче каучука в районе верхнего течения реки Конго. Международное расследование, следовавшее за этими разоблачениями, привело к смене правительства в Конго. Однако происходящее тогда в Конго не шло ни в какое сравнение с тем, что вытворяли здесь, на Амазонке, с мирными, безобидными индейцами.

В 1912 году сэр Кейсмент ушел на пенсию и уехал на свою родину, в Ирландию. Решив, что Первая мировая война окажется удобным моментом для освобождения Ирландии от британской зависимости, он в 1914 году поспешно направился в Соединенные Штаты, а оттуда в ноябре 1914 года в Берлин. С целью поднять в Ирландии восстание против засилья англичан он в апреле 1916 года на немецкой подводной лодке направился к ирландскому побережью и благополучно добрался до берега на надувной резиновой лодке. Но вскоре его арестовали. Третьего августа того же года в Лондоне он был приговорен как изменник к смертной казни через повешение. И только много позже его прах был переправлен в Ирландию.

Мировая война и все, что последовало за ней, заставили международную общественность быстро позабыть ужасы, происходившие на Путумайо и Амазонке. В том, что они постепенно прекратились, заслуга, скорее всего, не правительства Перу, а изменившихся обстоятельств в резиновом бизнесе.

Несмотря на то что и в Африке, и в Индии, а также и в других тропических странах растут деревья и кустарники, из которых можно добывать каучук, все же лучшие его сорта получаются из двух пород деревьев, произрастающих в бассейне Амазонки: это *Hevea brasiliensis* и *Hevea benthamiana*. За них платили наибольшие цены.

Уже в конце прошлого столетия англичане делали попытки вывозить эти породы деревьев в другие страны и там их акклиматизировать. Но только в начале нашего века им удалось вырастить в английских теплицах из семидесяти тысяч семян дерева *Hevea brasiliensis* более двух тысяч молодых саженцев, которые почти все были вывезены на Цейлон. Там они хорошо прижились. А уже оттуда саженцы попали в такие страны, как Малайзия, Индонезия, страны Индокитая, и в различные части Африканского континента. И повсюду были заложены плантации так называемых каучуконосов. Если в 1910 году во всем мире было продано только одиннадцать тысяч тонн каучука, то в 1927 году — уже пятьсот шестьдесят семь тысяч, но только шесть процентов от этого количества составлял дикий каучук. Все остальное было собрано с плантаций. Одновременно упала на него цена, примерно в двадцать раз.

Золотые денечки Икитоса миновали. К тому же к 1925 году немецкие ученые из «И. Г. Фарбениндустри» приступили к изготовлению искусственной резины; в 1939 году эту резину приняло на вооружение огромное предприятие «Бунаверк», и уже в 1940 году такие влиятельные американские «резиновые фабриканты», как Гудрих, стали выпускать резиновые шины для автомобилей, в которых примесь искусственного каучука составляла уже пятьдесят процентов.

Тем не менее город Икитос, который, как временами казалось, уже пришел в полный упадок, снова приободрился: в нем теперь уже шестьдесят восемь тысяч жителей. И хотя он перестал экспортировать каучук (то немногое, что добывается, используется в самом Перу), но зато вывозит древесину, хлопок и кофе. И еще кое-какие вещи.

И именно из-за этих «кое-каких вещей» разгорелся бум, подобный прежнему, «каучуковому». Снова развернулись бешеная гонка за прибылями и хищнический бизнес и снова, как в тот раз, в Европе радостно скупают присылаемое из Перу сырье, не задумываясь над тем, что происходит с его поставщиками в дебрях девственного леса.

Правда, на сей раз речь идет не об индейцах. Теперь очередь дошла до животных. У одного знакомого мне удалось узнать подробности о вывозе звериных шкур из Перу за последние несколько лет. При этом речь идет лишь о тех шкурах, за которые уплачены законные таможенные сборы. Но тот, кто знаком с условиями девственного леса, кто хорошо осведомлен о «неподкупности» маленьких государственных чиновников на местах, кому известно, сколь плохо охраняются границы, проходящие вдоль зеленого бассейна Амазонки,— тот легко может себе представить, как велико на *самом деле* число убитых и ошкуренных животных. В 1964 году из всего Перу было вывезено через таможни 678 шкур ягуаров, а в 1965 году уже из одного только Икитоса — 1113. Оцелотов в 1964 году из всего Перу было вывезено 11 496, а годом позже только из Икитоса — 12 189. Из-за того, что миллионерши в Европе желают во что бы то ни стало щеголять именно в желто-черных пятнистых манто, индейцам выплачивают хорошие премии, когда они убивают обладателей такого меха и приносят на заготовительные пункты. Так, в 1964 году из Перу было вывезено одних только шкур тигровых диких кошек маргай (*Felis wiedii*) 1037 штук. В 1965 году из одного лишь Икитоса их поступило 3106. В том же году из бывшего «каучукового города» было вывезено ровно 9000 выдровых шкур, 129 тысяч ошейниковых пекари, 30 000 белобородых пекари, 10 500 капибар — этих огромных грызунов размером почти со свинью. Одних живых обезьян увезено отсюда 36 000 (почти все для медицинских исследований), свыше 2000 удавов, анаконд, черепах и ящериц, 32 000 птиц, множество попугаев.

На суперскоростном глассере я поднимался далеко вверх по Амазонке и забирался в глубь таких глухих ее притоков, как Напо. И если уж не бегемотов, как в Африке, надеялся я увидеть здесь, то хотя бы каких-нибудь цапель, аистов, ходулочников, уток, поганок — словом, всю ту пернатую живность, которая водится на всех африканских водоемах. Неужели и за тем вот поворотом реки они не покажутся наконец на глаза? Но нет, не показались. Если не считать индюшачьих грифов (*Cathartes aura*), промышляющих на городских мусорных свалках, за все пять часов своего метания по Амазонке мне удалось увидеть всего одну птичку. Размером с воробья.

Некогда это выглядело совсем иначе. Так, Гарденбург, описывая свое путешествие на кану по Путумайо, большой судоходной реке, притоку Амазонки, упоминает о том, как питался черепашьями яйцами, которые всюду можно было выкопать из земли. Он встречал много удавов, сирен, охотился на пекари, диких индеек и диких уток. На прибрежных деревьях резвились обезьяны, а нутрии держались столь доверчиво, что не убегали даже тогда, когда к ним приближались на расстояние нескольких метров. Огромные стаи попугаев и других пестрых птиц пролетали над самой головой путешественников, и их резкие гортанные крики неумолчно раздавались повсюду и днем и ночью. Капибары, завидя кану, удирали, словно настоящие скалолазы, вверх по отвесным склонам, а аллигаторы грелись на прибрежном песке...

Сегодня можно, ничего не опасаясь, переплывать Амазонку, аллигаторов теперь здесь не увидишь, уверяют меня местные жители. Что-то не видно и пираний, этих опасных маленьких рыбок, которые, судя по многим книжкам и кинофильмам, так охотно откусывают у купальщиков пальцы на руках или ногах, а то и вовсе обглаживают их до скелета...

Теперь здесь стало очень тихо, в этом раю. И хотя большинство животных еще существует, тем не менее туристу они больше на глаза не попадают. Разве только в тех слу-

чаях, когда он согласится много недель плыть в маленькой лодчонке до дальних, узких протоков, уводящих в самую глубь девственного леса. Вот там их, может быть, еще увидишь. Да и то не наверняка. Они теперь и там стали очень пугливы из-за непрестанной охоты, и наблюдать за ними крайне трудно. В отличие от обитателей обширных африканских национальных парков, которым нечего бояться людей. Но пока, к сожалению, ни одна южноамериканская страна не уяснила, какой приток валюты вызовет создание на этом континенте национальных парков, которые привлекут множество туристов из разных стран. Но национальному парку недостаточно обрести официальные границы, линии на карте. Для его устройства необходима действенная охрана из лесничих, охранников или егерей, к тому же неподкупных, которые не пойдут ни на какие сделки с торговцами пушниной и охотниками. Такому парку нужны удобные дороги, по которым можно разъезжать на джипах, посадочные площадки для небольших самолетов и авиеток, разумно оборудованные туристические базы и, разумеется, в первую очередь четкие законы об охране природы, которые должны неукоснительно соблюдаться.

Вот африканцам из многих развивающихся стран это удалось совместно с европейскими специалистами по охране природы. Удастся ли и южноамериканцам добиться чего-либо подобного на своем континенте?

Глава четвертая

ИНСТИНКТ ИЛИ РАЗУМ?

На заборе сидит скворец. Он непрерывно крутит головой, разглядывая небо в поисках летающих насекомых. Вот он что-то обнаружил, срывается с места, хватая клювом добычу и возвращается на свой наблюдательный пункт. Там скворец ударом клюва о деревянную планку умерщвляет свою жертву: несколько глотательных движений — и она исчезла в его зобе. Затем он немного распушает свое оперение и отдыхает. Скворец свое дело знает!

Но что вы скажете о другом скворце, на сей раз ручном, который, сидя на бронзовом бюсте в комнате, где нет ни одной мухи, точно так же «прочесывает» глазами пространство, замечает *несуществующее* насекомое, провожает его поворотом головы, срывается с места, «догоняет» его, «убивает» ударом о стол и, давясь, «заглатывает»? То, что нам только что казалось таким осмысленным и целенаправленным, оборачивается полнейшим безрассудством: мы наблюдали инстинктивное действие, сработавшее вхолостую.

Серые гуси, находясь в комнате, способны упорно «щипать траву», в резервуаре с чистой водопроводной водой часами «вылавливать» несуществующий зоопланктон, в то время как наполненная кормушка — их единственный источник пропитания — стоит рядом. Мои зеленые попугайчики радостно таскают по клетке веточки, старательно их расщепляют, но тем не менее не строят из них гнезда, потому что не наступил еще брачный период. Если наблюдать за подобными же действиями этих попугайчиков непосредственно перед откладкой яиц, то можно прийти к выводу, что они *знают*, для чего таскают и расщепляют веточки. А вот о чем они думают сейчас, когда работают явно впустую?

Когда мы замечаем, что цапля, которая только в конце весны начинает вить свое гнездо из хвороста, еще ранней весной, до начала брачного периода, облюбовывает себе веточки, затем их обламывает и небрежно роняет на землю, нам это кажется странным и бессмысленным. Но бессмысленным это кажется только потому, что мы привыкли думать, что веточки цапля таскает в клюве с одной-единственной целью — построить гнездо для своих деток. На самом деле все обстоит иначе. Цапля строит гнездо просто потому, что это доставляет ей удовольствие — она получает удовлетворение от исполнения этих инстинктивных действий. Пока брачный период еще не в полном разгаре, птица довольствуется и незаконченными операциями, не доведенными до логического конца. Инстинктивное поведение для животного — самоцель, а во все не полезное для природы деяние.

Обратите внимание, как воробьях настойчиво пытается накормить зернами выводок чужих птенцов. На самом деле им требуются только насекомые, которых им настоящие родители и приносят. Или, например, парочка крапивников выбивается из сил, стараясь накормить прожорливого, вечно голодного кукушонка. Почему бы им просто не выкинуть уродливого подкидыша из гнезда?

Нас это удивляет. А дело в том, что само кормление птицам вовсе не в тягость, а, наоборот, им доставляет огромное удовольствие полностью предаться этому инстинктивному действию. Засовывать свою добычу в такой особенно широко разинутый клюв для них, по-видимому, даже приятнее, чем в маленькие клювики своих собственных детей. А как только кукушонок вытолкнет какого-нибудь птенца из гнезда, родители перестают обращать внимание на несчастного, даже если он, повиснув в развилке ветвей, жалобно пищит: инстинкт кормления вызывает у родителей только тот птенец, который сидит в гнезде с широко разинутым клювом.

Надо сказать, что у нас никак не уместается в голове, что гусыня не осознает, зачем, шипя, кидается на нас, когда мы отбираем у нее одного из гусят. Тому же, что олень не затем лишь спаривается с оленихой, чтобы произвести на свет потомство,— этому мы верим с большей легкостью. Ведь в подобном случае и человек движим вовсе не конечной целью, а соответствующим инстинктивным поведением, ведущим к этой цели. В этом случае нам кажется вовсе не таким уж безрассудным (как в примере с цаплей) то, что Ханс целует свою Гретхен, не имея в виду построить с ней семью... Действие, которое по предначертанию природы должно вести к продолжению рода, оказывается, и у человека превратилось в самоцель, его совершают ради него самого, ради собственного удовольствия.

Вон те молодые аисты на крыше соседнего сарая в один прекрасный день без чьей-либо помощи распластают крылья и в присущей этому виду планирующей манере поплывут по воздуху без чьей-либо подсказки. Никто их этому не обучал. Это врожденное, запрограммированное поведение присуще им точно так же, как то, что ноги у них неизменно красного цвета. Просто они, достигнув определенного возраста, уже владеют техникой полета — вот и все. А поскольку птенец поначалу неумело порхает, то многие думают, что ему приходится «тренироваться» в

полете, учиться у родителей. На самом деле это совсем не так. Просто инстинктивное действие вызревает и усовершенствуется не сразу, а постепенно. Оно закрепляется после того, как у птенца окрепнут крылья.

Иногда бывает наоборот. Утки обороняются от противника сначала клювом, а потом уже наносят ему удары своими твердыми, сильными крыльями. Маленькие утята зачастую поступают аналогичным образом: хватают врага клювом и машут при этом своими смехотворно малюсенькими обрубками крыльев, которыми им и не дотянуться до противника! В этом случае инстинктивные движения вызрели раньше крыльев.

Если поднять неспособного к полету страуса и раскачивать его из стороны в сторону, он своими рудиментарными обрубками крыльев делает точно те же движения, что и курица в аналогичной ситуации. Здесь инстинктивное поведение, а именно летательные движения, унаследованные от летающих предков, сохранилось гораздо дольше, чем сами крылья.

То, что порхание является не тренировкой, а лишь постепенным созреванием запрограммированного поведения, можно легко доказать на следующем примере. Одному из двух молодых голубей, взятых из той же кладки, связывают крылья. Как только у свободного от пут братца полностью усовершенствуется полет, распутывают и второго, и — смотрите-ка! — он умеет летать не хуже первого! А ведь он ни разу еще не упражнялся, не «тренировался», как тот!

Молодые головастики, которых держали под наркозом все то время, пока их собратья «учились» плавать, после пробуждения плавали ничуть не хуже остальных.

Инстинктивное поведение настолько устойчиво, неизменно, что не меняется даже под влиянием опыта, обучения. Точно так же, как отдельно взятая косуля не обретет защитной белой окраски даже в том случае, если мы будем ее со дня рождения держать в заснеженной местности. Ве-

ретеницу, прожившую в Гамбурге в неволе сорок шесть лет, последние тридцать один год кормили при помощи пинцета. И все эти годы она тупо хватала сначала поблескивающий металл пинцета, а уж только потом мучного червя или кусочек дождевого, которыми ее кормили!

В моем саду, за домом, дрозд свил прелестное гнездышко, круглое, аккуратное, обмазанное изнутри глиной — прямо загляденье! Такие же гнезда строят все дрозды, даже если бы мы вздумали выращивать их в инкубаторе и они никогда бы не видели чужого дроздиного гнезда, не говоря уже о технике его постройки. Способность безо всякого предварительного опыта, не вникая в суть собственных действий, лепить подобные круглые гнезда дрозд приносит с собой, что называется, «из яйца». В один прекрасный день он проявляет эту свою способность независимо ни от чего, точно так же, как в определенный момент меняет свой птенцовый пух на «взрослое» оперение с брюшком в темную крапинку. Вздумай какой-нибудь дрозд состряпать неряшливое гнездо под стропилами дома, то, как выяснится, это вовсе не дрозд.

В прежние времена зоологи относили животных к определенному роду в зависимости от строения их тела. Отличительным признаком, например, голубиных, включая сублильных китайских голубей, наших обычных домашних, а также вяхирей, должен служить их клюв со вздутыми ноздрями. Но вот у хорошенького зубчатоклювого голубка, обитающего на островах Самоа, совсем другой клюв, и тем не менее это настоящий голубь. И при всем хитроумии никому не удастся найти у голубя такого признака в строении тела или такого органа, который имелся бы у всех без исключения голубей и которого не было бы у других птиц. Но зато есть одно инстинктивное действие, общее и неизменное для *всех* представителей этого рода, будь это наши почтовые голуби или крупные зеленые японские голуби — разносчики семян: самец насиживает яйца только в «обеденный» перерыв, то есть

примерно с полудня и часов до четырех, все же остальное время на кладке вынуждена томиться голубка. Кроме того, все голуби пьют, всасывая воду в клюв, а не запрокидывая голову после каждого глотка, как это делают куры, о которых говорят, что они «благодарят небо за утоление жажды». Помимо того, голуби отличаются еще и тем, что во время сна лишь втягивают голову в плечи, а не поворачивают ее на сто восемьдесят градусов и не засовывают в оперение, как это делает разный другой птичий народец.

Когда чибиса одолевают заботы и он хочет почесать себе голову, то он заводит свою длинную ногу под крыло и, протянув ее вперед, чешет ею свою венценосную головку. Утка же чешется самым простым и обыкновенным способом. И даже самому опытному и заслуженному дрессировщику животных никогда не удалось бы добиться от чибиса, чтобы он чесался, как утка, а утка, как чибис. Да, запрограммированное поведение столь же неизменно, как части тела. Аист с подрезанными крыльями может годами жить в зоопарке и все равно каждый раз, когда мы хотим его поймать, пытается взлететь, падая при этом на землю. И никак ему не придет в голову, что он просто мог бы на своих длинных ногах от нас убежать...

Я знаю, что многие любители животных возмутятся, если я сейчас резюмирую: да, инстинктивные действия — вещь врожденная, животное проделывает их охотно, получая от этого чувство внутреннего удовлетворения. Смысла этого своего поведения животные не понимают. Все особи одного вида и рода (значит, все ласточки или все куры) совершают запрограммированные действия с фотографической точностью; ни один представитель вида не в состоянии путем осмысливания изменить или улучшить врожденное инстинктивное поведение.

Но, пожалуйста, прежде чем вы гневно отвернетесь от этой книги и откажете ей в своем расположении, выслушайте меня до конца: я говорю ведь только о том, что *запрограммированное поведение* животного косно и неизмен-

но, но вовсе не утверждаю, что животные ограничиваются одними инстинктивными действиями. Вовсе нет! Разумеется же, что ворон благодаря накопленному опыту может заметно поумнеть, а обезьяна, безусловно, очень часто отдает себе отчет, почему поступает именно так, а не иначе!

Скользкая зеленая лягушка увидела муху. Устрашающе-незаметными движениями лап она перемещает свое тело в направлении намеченной жертвы: прыжок, и — хап! — мухи нет. Пройдут десятилетия, но ни одна лягушка не догадается, что к несчастной жертве можно подкрасться и накрыть ее лапой. А вот незаметно повернуться в сторону жертвы, приготовиться к прыжку, а потом прыгнуть — это для них врожденное действие. А вот *насколько* именно повернуться в ту или другую сторону — это лягушка уже решает по обстоятельствам, в зависимости от нахождения объекта охоты.

Когда любитель палить из ружья подходит к болоту, все кряквы как по команде поскорее заныривают и скрываются из виду. Страх перед огнестрельным оружием им отнюдь не был заложен «прямо в яйцо», для этого чертовы ружья еще слишком недавно появились на нашей Земле. Страшиться стрельбы утки, безусловно, научились на собственном горьком опыте или запомнили неоднократные предупреждения своих матерей. А вот заныривание в момент опасности — это опять же инстинктивное действие.

Нанижем вплотную на веревку кусочки резины вперемежку с кусочками золота. Та часть, где резина, может растягиваться и сгибаться, а та, где золото, останется негнущейся, то есть растягиваться, гнуться или выпрямляться стержень может только за счет резиновых участков. Так и поведение животного состоит чаще всего не из одних только застывших, «золотых», то есть запрограммированных, поступков, а перемежается изменчивыми, гибкими, благоприобретенными и разумными действиями, что совместно с инстинктивными составляет некое единство. Вот именно тут-то в зоопсихологии и «зарыта собака», как

показывает нам Конрад Лоренц в своих новейших исследованиях. Зоопсихологам, пытающимся разгадать, проникнуть в сознание и чувства «нечеловеков», придется еще не один годик попотеть и поучиться, чтобы выявить, что же в поведении кошки или ворона чисто инстинктивное, а что — разумное, где золото и где резина?

Вот, например, сороки и галки обожают утаскивать и прятать всевозможные предметы в самые укромные темные щели. Они проделывают такие фокусы даже тогда, когда в клюве у них ничего нет. Им просто доставляет удовольствие сам процесс запрытывания. Здесь чисто инстинктивное действие. Но галки прячут свои кусочки мяса у всех на виду, когда и другие галки, и люди явно видят их действия. Этим они подвергают себя постоянной возможности быть обкраденными. Вороны же, в отличие от галок, скоро соображают, что прятать что-либо на глазах у всех совершенно бессмысленно и что укрывать свои «сокровища» от людей надо как можно повыше, там, где их трудно достать... Таким образом, ворон к чисто инстинктивному, «золотому» поведению может подключать еще и гибкое, «резиновое», основанное на личном опыте или разуме. А вот галка — не может.

Ловкий сокол-сапсан действует разумно только тогда, когда обследует с воздуха свой охотничий участок,— он помнит, что ему уже прежде удавалось ухватить там жирный кусочек... Но как только он заметил голубя, то уже все его последующие действия — молниеносный бросок, удар клювом и заталкивание в зоб — сплошное устойчивое, неизменное запрограммированное поведение.

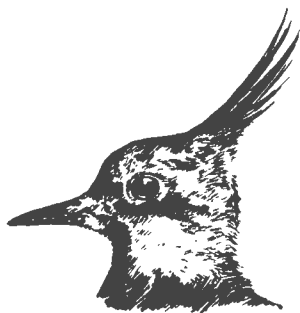
Но чем ближе животные по своему развитию стоят к человеку, тем меньше процесс добывания пищи у них носит характер инстинктивных действий, тем больше в нем элементов разумного и благоприобретенного. Что касается нас, то инстинктивным, доставляющим удовольствие остается одно лишь разжевывание и проглатывание пищи, а сам процесс добывания хлеба насущного для нас —

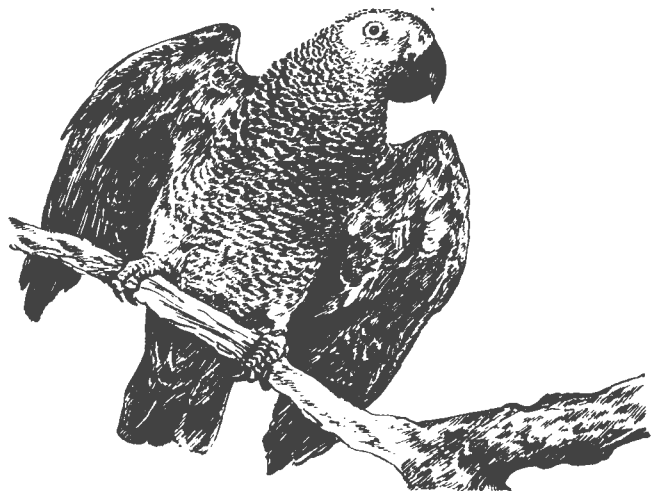
одно мучение и хлопоты. Процесс еды у нас в большинстве случаев движим инстинктом, является самоцелью. Это видно хотя бы из того, что едим мы просто ради удовольствия, не задумываясь вовсе о том, что нам надо «питаться»; едим, чаще всего не думая о необходимости поддерживать свое здоровье. Стали бы мы в противном случае есть лишенную всяких питательных веществ подслащенную и подкрашенную замерзшую водицу — фруктовое мороженое или вливать в себя литрами пиво? Большинство же животных получает удовольствие не от заглатывания добычи, а именно от ее добывания, ее умерщвления. Не раз наблюдались случаи, когда пойманные хищники в неволе не притрагивались к предложенной пище только потому, что не сами ее добыли. Заставить такое животное есть готовое мясо — дело почти безнадежное, оно лучше умрет с голоду. Раздирание и заглатывание пищи для зверей, в отличие от нас, лишь второстепенный довесок к радости и азарту охоты и умерщвления добычи, то есть к раздобыванию пропитания. Собаки ведь, как правило, охотятся с диким воодушевлением даже тогда, когда они хорошо упитаны и вполне сыты. В таком состоянии их даже легче приучить не разрывать охотничьи трофеи.

Чем единообразнее инстинктивное поведение, чем меньше оно перемежается с эластичными способностями к обучению, тем больше ошибочных действий совершает животное в непривычной для себя обстановке. Так домашняя мускусная утка будет в бешенстве на вас бросаться, если вы держите в руках пищащего утенка кряквы. Но стоит ей только «отважно отбить» его у вас, как она почему-то тут же принимается его клевать и даже пытается умертвить. А объясняется все просто. Крик об опасности у крякв и мускусных уток звучит одинаково, поэтому он вызвал у утки соответствующую инстинктивную реакцию — материнскую защиту своего потомства. Но чужой рисунок оперения спинки у птенца кряквы немедленно

заставил сработать другую инстинктивную реакцию — заботу о сохранении вида: чужих детенышей надо убивать, чтобы они не сжирали корм, предназначенный для своего собственного потомства.

Там, где имеет место чисто инстинктивное поведение, там кончаются рассудительность, благоразумие и обдуманность поступков. Это ведь и у нас, в особенности у представителей мужского пола, обстоит аналогичным образом (несмотря на то, что инстинктивного в наших действиях, к сожалению, осталось ничтожно мало и действия эти носят совершенно убогий характер). Тем не менее известно, что и наиболее серьезные и ученые мужи, безусловно способные критически мыслить, могут совершать самые невероятные ошибочные действия, когда дело касается таких инстинктивных проявлений, как выбор суруги, как ухаживание...

Глава пятая

КАК ПОПУГАЙ УЗНАЕТ СВОЕГО ХОЗЯИНА?

Скорый поезд мчался сквозь ночь. В спальном вагоне на месте под номером 15 спал адвокат, которому предстояло наутро вести в Берлине важный процесс, и во сне ему снилась, наверное, его заключительная речь. Над ним, на полке номер 16, лежал другой пассажир, уставившись глазами в синюю лампочку на потолке, и никак не мог уснуть. А не мог он уснуть оттого, что злился и недоумевал: что за попутчика Бог послал? Что за свинство такое? Ужасно неприятное ощущение вот так лежать, сознавая свою полную беспомощность, над совершенно незнакомым субъектом, который вечером лишь невнятно пробурчал свое имя, а сейчас лежит и непрестанно издает звуки, считающиеся, мягко говоря, неделикатными...

Пассажир номер 16 (а им был я) всю ночь возмущался беспардонным поведением своего попутчика, а наутро, выйдя в седьмом часу на перрон Ангальтского вокзала, от души смеялся, поняв, что источником неприличных зву-

ков был вовсе не этот господин, а серый попугай, которого тот вез кому-то в подарок. Столь натуралистичная имитация подобных неприличных звуков — это было первое, с чего Агата (так звали попугая) начинала свою деятельность пародиста. Оказывается, попугая адвокату привезли совсем недавно, и он прожил у него в Штутгарте всего несколько дней, где временно был помещен в общую клетку с другим попугаем. Но это было ошибкой: каждый раз, когда хозяин хотел погладить одного из попугаев, другой пребольно клевал его в руку. Адвокат предъявил мне два глубоких красных рубца в качестве свидетельства сварливого характера Агаты. Поэтому я не удивился, когда мой попутчик с такой легкостью согласился расстаться с этой птицей и отдал ее мне. Теперь я стал владельцем Агаты.

Иметь собственного настоящего большого попугая было голубой мечтой моего детства. Родовитая старая дева, живущая в то время над нами, имела такого попугая, а именно красно-зеленого, амазонского. Она мне твердо обещала, что после ее смерти я унаследую ее любимую Лору. В один прекрасный день моя мать куда-то уехала и попросила добрую фрейлейн фон Винклер уложить нас, детей, вечером спать. Каково же было ее удивление, когда она услышала, что я к привычной вечерней молитве добавляю еще и свою собственную просьбу к Богу:

— Боженька, сделай, пожалуйста, так, чтобы добрая теща Винклер поскорее умерла и мне достался ее попугай...

Фрейлейн была очень тронута. Хорошо, что не все светлые молитвы, возносящиеся к небу из тысяч сел и городов, исполняются. Зеленая Лора вскоре после этого скончалась и украшала, уже в виде чучела в клетке, старомодную комнату на Вокзальной улице, где мы тогда проживали, а добрая, старая фрейлейн фон Винклер здравствует и по сей день.

Но вот теперь, несколько десятков лет спустя, моя мечта все же сбылась — я стал обладателем настоящего боль-

шого попугая. На другой день, придя вечером с работы, я осторожно засовываю в клетку Агаты свою правую руку, одетую из предосторожности в кожаную перчатку. Она тут же вцепляется в нее клювом. Тогда я протягиваю ей деревянную поварешку. Агата поднимает свою серебристо-серую лапу, хватается за поварешку и после некоторого колебания все же решается на нее взобраться.

Но затем случилось то, о чем я не подумал. Попугай не остался сидеть на поварешке, а, быстро перебирая лапами, боком продвинулся к дверце и мигом перебрался на мою руку, а уже по ней на плечо. Я здорово струхнул, припомнив продырявленную ладонь штутгартского адвоката, но у меня не было ничего под рукой, чем бы я мог помешать Агате выбраться из клетки. А она, усевшись поудобнее, принялась легонько и нежно пощипывать клювом меня за ухо.

Прерывающимся от волнения голосом я начинаю разговаривать с ней, причем противно-подхалимским тоном, всячески ее нахваливать. И — смотрите-ка — она распускает перья и склоняет свою серебристую головку, чтобы ее почесали: дружба заключена. На следующий день я уже без страха протягиваю ей палец — она больше не кусается. Зато старательно растрепывает воротник моей старой домашней куртки, пока я разговариваю по телефону.

За столом она желает сидеть только рядом со мной. Сидит аккуратно на листе бумаги и угощается маленькими ломтиками, которые ей дают. Любимое ее блюдо — картошка. Уважает она и кекс, если его предварительно обмакнуть в молоко или чай. От мяса и колбасы тоже не отказывается. Стоит мне выйти из комнаты, как она начинает свистеть. Я свищу ей в ответ, и так мы пересвистываемся через весь дом. Похоже, что ее прежний владелец был настоящим мастером художественного свиста, потому что научил ее целым ариям с замысловатым тремолированием и всяческим трелям. Не может быть и речи о том, чтобы я смог повторить за ней хоть одну из ее му-

зыкальных фраз. Музыкального слуха я, к сожалению, на-
прочь лишен, так что боюсь, что, послушав мои музы-
кальные упражнения, она скоро позабудет многое из того,
что знала, и начнет издавать такие рулады, от которых лю-
бители музыки будут приходить в ужас...

Вскоре мне пришлось на пару дней уехать. Когда я вер-
нулся, к нам пришли в гости дедушка с бабушкой. Мы
втроем стоим вокруг клетки, и Агата явно начинает вол-
новаться. Внезапно она хватается меня за палец, не слиш-
ком больно, но все-таки... За ужином она хоть и сидит на
столе, но весьма подавлена и смущена. В виде особого
одолжения она идет на зов дедушки взять у него кусочек
колбаски. На протянутую бабушкой руку она взбираться
отказывается. А когда я вышел из комнаты, она укусила
деда за ладонь, нанеся ему довольно глубокую и сильно
кровоточащую ранку. Бедной бабушке сделалось дурно...

Двумя днями позже Агата кусает одного гостя в руку до
крови.

Позже к нам приходят в гости два кинооператора. Они
рассказывают, что в Южной Америке им частенько при-
ходилось иметь дело с попугаями и пусть мы не беспоко-
имся, они с ней поладят. Агата вцепляется обоим в руки,
а в одного из них прямо мертвой хваткой — едва удастся ее
отодрать. Мой лейкопластырь уже на исходе.

Агата целую неделю остается в доме наедине с девуш-
кой, которая за ней ухаживает. Однако Агата ни разу не
соглашается залезть к ней на руку. Когда я возвращаюсь,
Агата по-прежнему доверяет мне. Несмотря на то что все
с ней приветливы, она всех игнорирует. Еще и сегодня, по
прошествии многих месяцев, она старается укусить каж-
дого, кроме меня.

Такая исключительная любовь все же удивительна. У ме-
ня сейчас живут два старых волка, ставших совсем ручны-
ми. Но ничто не говорит о том, что они ко мне относятся
доверчивее, чем к другим людям. Вероятно, такая неисто-
вая влюбленность и упорная верность, относящаяся к од-

ной определенной персоне, свойственна только моногамным животным, заключающим один-единственный брачный союз на всю жизнь. Для Агаты я, безусловно, являюсь ее партнером. При этом я даже не знаю, какого она пола — женского или мужского, как это часто бывает с теми птицами, у которых оба пола носят одинаковое оперение. Даже возраст ее мне неизвестен.

Когда я чешу ей головку, то могу ее иногда обмануть, подсунув чужие пальцы вместе со своими и осторожно убрав затем свою руку. Но только очень недолго разрешает Агата чужим пальцам себя ласкать, потом она отворачивает свою красивую серебристо-серую головку: «не надо».

Мне хочется научить ее исполнять что-нибудь новенькое. И ничего глупее мне не приходит в голову, чем просвистеть ей популярную американскую песенку «Лили Марлин». Итак, двадцать, тридцать раз я насвистываю ей несложный мотивчик: «Перед казармой, прямо у ворот...» Когда она мне издали что-то насвистывает, я исполняю ей в ответ одну и ту же фразу: «Перед казармой, прямо у ворот...» Надо сказать, что у Агаты огромный набор разных свистов. Она никогда не свистит подряд одно и то же, а меняет свои позывные. Однако с «казармой» она заставляет себя долго ждать. Зато, когда до нее доносится свисток паровоза, резкий и переливчатый, она с восторгом ему вторит, да так, что закладывает уши. Будем надеяться, что она не научится подражать еще и звуку сирены!

До появления Агаты члены нашей семьи, чтобы общаться между собой в этом большом трехэтажном доме, выработали особую сигнализацию при помощи свиста. Теперь это стало невозможным: никто уже не может понять, кто кого и куда зовет!

Пришел в гости сосед. Пока он со мной разговаривает, из соседней комнаты внезапно раздается громогласный хохот — Агата демонстрирует его впервые, хотя находится в доме уже больше месяца. Сосед поднимается:

— Простите, я не знал, что у вас гости...

Я заметил, что охотнее всего Агата разговаривает и свистит, когда находится одна в комнате, за полузакрытой дверью. С маленьким Михаэлем она дружить не хочет. Когда она сидит на столе, а он бегаёт вокруг, она, наклонив голову вперед, как разъяренная наседка, бегаёт маленькими шажками по столу, преследуя его.

С некоторых пор Агата стала кричать «мяу», очень естественно и похоже — «ми-а-у», хотя в доме нет ни одной кошки и ни одна к нам не навещалась в гости. Через пару дней она начинает издавать свое громкое «ха-ха-ха» каждый раз, когда какая-нибудь из наших собак подходит к ее клетке. Когда я пересаживаю ее со стола в клетку, она неизменно произносит «гобо». Скажи она это с самого начала своего появления в нашем доме, я наверняка окрестил бы ее «Гобо» и считал бы, что это «он», а не «она».

Однажды я, поднимаясь по лестнице на второй этаж, насвистывал «Лили Марлин». Внезапно до меня снизу совершенно явственно доносится мотив: «Перед казармой, прямо у ворот...» Радостно бросаюсь вниз, как говорится, перил не касаясь:

— Хедвиг, это вы только что свистели?

— Нет.

— Ну, значит, это она наконец-то выучила! — радуюсь я.

Но тут раздаётся довольное хихиканье из детской кроватки: оказывается, это Михаэль позволил себе со мной такую шуточку.

Тремя днями позже Хедвиг начинает утверждать, что попугай на самом деле насвистывал «Лили Марлин». Но я стал недоверчив и сомневаюсь в этом. А ровно через месяц после того, как я начал насвистывать Агате этот мотив, я и сам услышал, как она его повторяет.

Я сижу за письменным столом и слышу, как внизу, на первом этаже, Агата несколько раз подряд насвистывает: «...прямо у ворот».

Днем она сидит в клетке на балконе и развлекается тем, что пугает прохожих. Люди начинают нервно оборо-

чиваться, потому что кто-то их освиистывает. Только немногие догадываются, что это проделки попугая. Потом она выступает в роли резкого звонка. Мое семейство, у которого от этого звонка закладывает уши, утверждает: «Специально, чтобы нас позлить!»

Но вечером снова раздается: «...прямо у ворот», а когда собак зазывают со двора домой, Агата внезапно тоже кричит: «Иди, иди, иди!»

Я открываю дверцу и жду, пока Агата вылезет и переберется на крышу клетки. Она нацеливается головой на мое плечо, словно вот-вот перелетит ко мне. Однако до сих пор Агата только однажды решилась полететь в комнату, и то с испуга. Но когда я кладу свою руку на ее клетку, Агата делается внезапно совершенно другой птицей: она пригибается вниз и, полураскрыв крылья, кладет подклювье на мой указательный палец и имитирует, будто что-то пьет. Время от времени она засовывает клюв меж моих пальцев. Мне еще ни разу не приходилось видеть парочку флиртующих серых попугаев, но я не сомневаюсь, что Агата исполняет передо мной самый настоящий брачный танец. Она то влюбленно покусывает слегка мои пальцы, то ставит свою левую ножку на какой-то момент на мою руку, каждый раз только на какой-то момент, чтобы сразу же отдернуть ее назад. На руку она не заходит, хотя обычно ее не надо об этом упрашивать. Агата явно кокетничает: даже от протянутой ей вишни, ее любимой ягоды, она презрительно отворачивается, находясь в состоянии экстаза.

Интересно, по каким признакам Агата, которая так злобно отвергает всех других людей и даже кусает их, узнает меня? По голосу? По лицу? По одежде? По запаху? Ведь далеко не все птицы в этом схожи между собой.

Так, один орнитолог вырастил у себя на балконе и в квартире ручную самочку-дрофу. Когда эта огромная птица гуляла по парку со своим хозяином, она каждый раз почему-то пугалась, когда тот надевал шляпу. Птица охотно бежала за своим хозяином, когда тот шел с непокрытой

головой, и убегала от него, как только он надевал на себя головной убор. Попеременным надеванием и снятием шляпы можно было заставить эту птицу бегать взад и вперед. Кстати, прирученный самец того же вида очень быстро привык к головному убору хозяина и не обращал на него никакого внимания.

Большинство мелких певчих птиц пугаются, когда их хозяин появляется возле клетки в каком-нибудь ярком костюме, в пальто или голышом. Некоторые более смелые виды тем не менее начинают догадываться (когда ухаживающие за ними люди часто переодеваются), что лицо — вот что остается неизменным в этом вечно меняющемся облике человека. Выпущенные на волю ручные вороны зоолога Хайнрота, например, узнавали своих приемных родителей независимо от того, был ли на его жене меховой воротник и шляпа или только легкая кофточка, а на нем самом металлический шлем и длинный офицерский плащ или обычный костюм. Часто их вороны, подлетая к ним на улице сзади, не узнавали их, но затем, перегнав хозяев и повернув в полете голову, возвращались назад и садились на руки. Молодой фазан преследовал Хайнрота своими любовными домогательствами, а жену исследователя ненавидел и злобно прогонял. Когда супруги Хайнроты обменялись одеждой, он все равно узнал их по лицу. Сестру мадам Хайнрот, нарядившуюся в ее платье, фазан тоже сумел распознать и оставил без малейшего внимания.

Интересно, как поведет себя наша Агата в аналогичных обстоятельствах? Когда я во время работы в саду подошел к ее клетке в одних тренировочных брюках и майке, она без колебаний пошла ко мне на руку. В другой раз я надел устрашающую маску и к тому же еще натянул на себя шляпу. Разговаривая с ней в таком наряде, я все же убеждаю ее подойти ко мне. Неуверенно она ставит одну ногу на мою руку, водит клювом по пальцам и наконец решается залезть мне на руку; я вынимаю ее из клетки.

Переодевание продолжается. На сей раз я помимо маски надеваю женскую косынку на голову, наряжаюсь в цветастый дамский халат и пробую выступать в образе «дамы». При этом я еще и молчу. Агата не узнает меня, мое заигрывание отвергает и сильно кусает за палец — слава богу, не до крови. Я ухожу и через некоторое время возвращаюсь вновь: Агата неумолима. На третий раз я начинаю с ней разговаривать, и, смотрите-ка, моя Агата разрешает себя почесать, любовно покусывает мои пальцы, но на руки не идет. Даже когда я снимаю маску, но остаюсь в халате и косынке, Агата не решается, несмотря на все мои уговоры, залезть на руку. Сбита ли она с толку предыдущим маскарадом? Я сбрасываю дамский капот — и Агата в тот же миг кидается ко мне. Когда я снова превращаюсь в ведьму (правда, без маски), Агата после долгих уговоров все же решается залезть ко мне на руку. Как видите, обучается она очень быстро.

Теперь попробуем поэкспериментировать с ней в обратном порядке. Несмотря на прекрасный теплый летний вечер, я надеваю зимний костюм: Агата безо всякого идет ко мне на руки — и почему бы ей этого не сделать? Когда я в придачу закрываю лицо маской и надеваю кожаную перчатку, ее это тоже не смущает. Так. Теперь быстренько снять костюм и надеть его на пришедшую к нам в гости даму. Ей надевают на лицо маску, натягивают на голову шляпу и на руки — перчатки (моим гостям немало приходится претерпевать у меня в доме, к тому же они впоследствии находят свои изображения в различных книгах и журналах, притом не в наилучшем для себя виде!). Итак, наряженная в мою шляпу, мою куртку, мои брюки и в моих перчатках, эта особа с чужим бумажным лицом просовывает руку в клетку, и Агата взбирается по ней, словно это в порядке вещей! Ну, так долой маску! Но Агата доверяет моей куртке и брюкам: она снова безо всякого стеснения залезает на чужую руку в перчатке. Мой двойник заговаривает с попугаем, но и чужой голос не производит

на Агату никакого впечатления: она спокойно разрешает вынуть себя из клетки.

Что же это ты, Агата, обмишурилась? Или на самом деле задумала нарушить верность мне, своему господину?

Чтобы это проверить, моя гостья, уже в своем собственном летнем платье, но в моих перчатках, проделывает заново тот же опыт... Агата хотя и залезает на ее руку, но тем не менее ни за что не разрешает вынуть себя из клетки. Когда же подхожу я, она тут же радостно на это соглашается.

Итак, нам удалось установить: Агата обращает меньше внимания на лицо, она больше ориентируется на одежду и общий вид. (Однако такое утверждение было правильным только после трехмесячного знакомства с попугаем. Когда Агата семь месяцев спустя увидела меня в непривычной одежде, она уже ни минуты не сомневалась, что это я. Когда профессор Кёлер прочел сообщение о моих опытах, он решил испробовать то же самое на своем великовозрастном сером попугае Гайере. Но того нельзя было провести даже самым невероятным маскарадом. Он слишком хорошо знал руки самого профессора, его жены и домработницы, мог их распознать даже в том случае, если они высовывали их из-за портьеры или когда персоны, которым принадлежали эти руки, оставались невидимыми. Даже если руки были засунуты в перчатки, он все равно их узнавал: по-видимому, одному ему заметные характерные движения знакомых рук имели для попугая решающее значение.)

В то время как я пишу эти строки, Агата сидит у меня на коленях в совершенно блаженном настроении. Она уютно устроилась, будто квочка на гнезде, распушила перья и дышит, громко постанывая от удовольствия. Я поглаживаю ее головку — провожу пальцами от самого клюва к макушке. Там, куда скользит мой палец, серебристые перышки уже заранее, на расстоянии двух-трех сантиметров, распластываются, как маленькие плоские щиты,

прижимаются к телу, и светлый отблеск переливается по всей шейке птицы. О, Агате это нравится! Почти так же, как почесывание «за ушком». Но почесывать ее я стараюсь как раз пореже, потому что от этого перышки сминаются и растрепываются. Стоит мне в задумчивости перестать ее гладить, как Агата тут же издает громкий, напоминающий воркование звук, и, как только моя рука начинает к ней приближаться, она подсовывает мне свою головку. Но другие части тела Агата гладить не разрешает — это ей не нравится. Когда я, например, залезаю ей рукой под крыло, она осторожно хватает руку своим крепким клювом и вытаскивает ее оттуда. Особенно чувствителен у нее красный хвост: если за него немножко подергать, она начинает вертеться по кругу, словно девица, которой озорные ребята пытаются наступить на длинный шлейф.

Лежать вот так у меня на коленях Агата, эта удивительная кокетливая птичка, могла часами.

Между прочим, я согласен с теми людьми, которые пишут мне, что Агата — неподходящее имя для попугая. Но тот, кто был именно так представлен миллионам читателей, уже не должен менять своего имени.

Агата любит одного меня, а всех других людей без разбора щиплет и кусает, и в этом она не оригинальна. Многие любители животных сообщали мне то же самое о своих «попках». Так, Зеппель, синелобый амазонский попугай, привезенный много лет назад Ганной Рейч из Южной Америки, ведет себя точно так же. Но там предпочтение отдано хозяйке, а не хозяину. Тому снисходительно разрешается разве что почесать за ушком, но никак не брать на руки — это привилегия хозяйки. В Штутгарте одной почтенной старушке приходится откликаться на прозвище Миу, потому что так окрестил ее попугай. Теперь ее так называет все семейство. Взрослую дочь этой старой дамы попугай Коко люто ненавидит и преследует. Но стоит Миу уехать, как Коко сразу делается любезным

и приветливым по отношению к ее дочери. Однако боже упаси, если та вздумает и после возвращения Миу продолжать фамиллярничать с Коко! Тогда он сразу же превращается вновь в драчливого беса!

Когда я уезжаю, Агата тоже меняет гнев на милость и соглашается залезать на протянутую ей хозяйкой поварешку. Наученная предыдущим горьким опытом, моя жена сначала берет Агату, только надев предварительно толстые кожаные перчатки, но уже через пару дней она торжественно пишет мне, что Агата сидит у нее на плече и любовно покусывает за ушко. Итак, мир восстановлен. Будь иначе, хозяйке было бы обидно пренебрежение попугая. Ведь она без конца возится с обезьянами и терпит волков, провонявших весь дом, а потому не может оставаться равнодушной к тому, что вредная птица упорно не желает ее признавать.

Гордо демонстрирует она после моего возвращения свою дружбу с Агатой: просовывает руку в клетку и, торжествуя, несет попугая к столу.

— Ай! Ах ты, чертова бестия! — так заканчивается эта сценка, и Агата совершает отнюдь не мягкую посадку на пол.

Хозяйка тут же впала у нее в немилость, как только «настоящий» господин ее маленького птичьего сердца снова появился на горизонте.

С тех самых пор Агата только однажды еще пошла на руки к своей хозяйке и даже разрешила себя погладить. Но это случилось с ней в состоянии крайнего смятения, когда за ней гнались два разъяренных зеленых попугайчика, стараясь ее заклевать, а хозяйка ее спасла.

Агата — страстная любительница картофеля, хотя самое лакомое блюдо для нее — подсолнухи. Семечки подсолнуха одна моя читательница время от времени присылает из Сарагосы. Там под горячим солнцем Испании они вызревают особенно большими и мясистыми — вдвое больше наших, немецких. По части же картофеля штутгартский

Коко ее явно перешеголял — он оказался значительно более утонченным знатоком и ценителем этого блюда. Тот ест только свежееотваренный картофель в «мундире» или в крайнем случае соглашается съесть на ужин подогретый картофель, оставшийся после обеда. А вчерашний — и не пытайтесь предлагать! Коко с возмущением вышвырнет его вон из клетки, даже если его с обманной целью поджарили. Зато этот Коко очень чистоплотен — не гадит ни на столе, ни на плече. Если он сидит на этих священных для него местах и ему захотелось «по делам», то он начинает топтаться на месте, озираясь по сторонам, и, только усевшись на палец, словно бы на жердочке, он решается уронить кляксу на пол.

Во время путешествий по квартире особым вниманием попугая пользуется почему-то ящик с углем. Он залезает в него и долго там роется, а потом появляется похожий на негра или трубочиста. Тем не менее он позволяет обтирать себя после этого мокрой губкой или тряпкой, даже с мылом. Он готов претерпеть это ради того, чтобы превратиться вновь в благопристойного серого попугая.

Глава шестая

ЛОШАДИНЫЙ ДАНТИСТ

Прежде чем перейти к рассказу о воробьях и слонах, надо начать, пожалуй, с наших собственных зубов, заглянуть, что называется, к себе в рот. Когда зубной врач вырвет наконец предмет ваших продолжительных мучений и страданий, то, рассмотрев его поближе, вы сможете убедиться, что ваш дырявый зуб состоит из двух различных слоев: наружной, очень твердой оболочки — эмали и гораздо менее твердой внутренней массы — дентина. И если эмалевое покрытие кое-как устояло против порчи (кариеса), то вот дентин разрушен до основания.

Но тут я должен упомянуть, что в расчеты природы вовсе не входило, чтобы зубной врач пломбировал человеку зубы или вырывал их у него из челюсти. Когда один исследователь спросил однажды у старого африканца племени балунда, в каком возрасте у них обычно начинают выпадать зубы, тот ответил, что они давно уже все выпали (имея в виду молочные), а те, что выросли после, уже до самой

смерти. У некоторых негритянских племен (страшно даже подумать!) принято затачивать напильником зубы. У пожилых людей такие сточенные зубы от употребления бывают «съедены» почти до самых десен. У заточенного зуба наружный слой — эмаль, как более прочный, держится дольше, чем внутренний — дентин. Поэтому у подточенных зубов получается острый, зазубренный край, состоящий из крепкой стекловидной эмали. Такие зубы очень острые.

Ну вот. А среди животных есть такие, которым подобные острые, зазубренные края зубов совершенно необходимы для того, чтобы нормально питаться. Вот, например, лошади. Им ведь приходится перемалывать своими зубами, словно жерновами, сухую твердую массу травы или сена и долго, старательно ее жевать. И в то время как у нас, равно как и у собак, кошек и хищников, жевательная поверхность зубов, как правило, находится постоянно под гладким эмалевым покрытием, у лошадей и вообще жвачных все совсем иначе. У них зубы постоянно стачиваются друг о друга. Чтобы на таком лошадином зубе было как можно больше острых режущих зазубрин, наружное его покрытие образует много складок и вмятин. От этого жевательная поверхность зуба делается ребристой и шершавой, словно рашпиль. Все, что попадает меж таких зубов, перемалывается в порошок, даже если это старая, пересохшая солома!

Когда таксу Тимошку приводят к ветеринару с зубной болью, то с ним там поступают так же, как с нами самими у зубного врача, то есть его больной зуб можно либо удалить, либо запломбировать. А вот с жеребцом Вихрем это дело обстоит совсем-совсем иначе. Во-первых, не так-то просто разглядеть через его относительно небольшое ротовое отверстие сидящие далеко в глубине коренные зубы. Я как ветеринар во время таких осмотров полагаюсь на свои пальцы и действую на ощупь: залезаю рукой глубоко, буквально по локоть, в лошадиный рот и провожу

пальцами сначала по нижней, а потом по верхней челюсти. Должен заметить, что это непросто и небезопасно. Лошадиную голову во время таких манипуляций должны держать по крайней мере два помощника. Если же жеребец Вихрь, которому такое беспардонное обшаривание рта, безусловно, не по вкусу, внезапно напряжет свои сильные шейные мускулы и рванет головой кверху, то он может шутя сломать мне руку. Помощники в таких случаях должны железной хваткой вцепиться в уши лошади и в недоуздок и не отпускать их даже в том случае, если лошадь оторвет их от земли.

Вздумай Вихрь сжать челюсти — от моей руки мало бы что осталось. Лошадиные челюсти сжимаются с гораздо большей силой, чем львиные или тигриные, потому что лошадям ведь приходится свою пищу перетирать, в то время как хищники ее только разрывают, а это происходит в основном за счет шейных мускулов. Поэтому я вставляю в рот животного специальную распорку, не позволяющую сжать челюсти.

Итак, мои пальцы скользят по лошадиным зубам. Я чувствую, что на верхних и нижних зубах Вихря образовались острые, как лезвия, края, о которые он уже не раз повреждал себе язык. Дело в том, что лошадиные зубы, в отличие от наших, растут в течение всей жизни. По мере стачивания они вновь выдвигаются из десен ровно настолько, насколько сточились. Таким образом, зубы жвачного всегда остаются одинаковой длины. Это весьма практичное приспособление, которому мы можем только позавидовать. С другой стороны, оно имеет и явные недостатки: если лошадь начинает жевать неправильно из-за больного зуба, например, то зубы стачиваются неравномерно и на них образуются острые зубцы, превращающие пережевывание пищи в сплошное мучение. Так что я вооружаюсь большим никелированным полукруглым распилом, накладываю его на зубной ряд и начинаю стачивать их поверхность с сильным нажимом. Вихрю это явно не нра-

вится, но что делать! Я думаю, что сверление бормашиной у нас во рту гораздо хуже! Нужно лишь внимательно следить за тем, чтобы не поранить при этом десны (ведь лошадь может в любой момент дернуть головой), а это вызывает обычно сильное, кровотечение, которое там, глубоко во рту, бывает трудно остановить.

Я снова ошупываю челюсть: острые зубцы исчезли. При этом мне удастся выяснить, почему Вихрь последнее время начал неправильно жевать. В одном зубе я обнаруживаю дыру. Изъятые оттуда остатки пищи издают специфический гнилостный запах. Значит, зуб надо удалять.

Удаление зуба у нас проще, чем у лошади. У этих жвачных животных каждый зуб накрепко скреплен с двумя соседними, он почти срастается с ними, и поэтому вырвать его бывает нелегко. Ветеринару в таких случаях обычно приходится усыплять своего пациента, чтобы избавить его от излишних мучений, а себе облегчить условия работы. Усыпляют лошадей совсем иначе, чем человека, а также большинство домашних животных, и другими наркотическими средствами, а именно: когда лошадь захочет пить, ей в поилку подливают хлоралгидрат. Иногда же предпочитают ввести им усыпляющее с помощью шприца прямо в вену на шее, следовательно, непосредственно в кровь. При этом я всегда строго инструктирую своих помощников, что надо делать, чтобы Вихрь не поранил себя, когда, полуоглушенный, будет валиться на подстилку. Будучи неправильно стреноженным, он может устроить себе какой-нибудь перелом, так что надо проявлять величайшую осторожность. Стреноживать, однако, лошадь необходимо, потому что произвольными движениями во время сна она может опасно ранить врача или его помощников.

Сначала мы пробуем вытащить больной зуб обычным способом — через рот. Для этого мы берем щипцы с длинными рукоятками, служащими хорошим рычагом. Кроме

того, мы накладываем на соседний близлежащий зуб треугольный металлический клин тоже с рукояткой, которую крепко держит в надлежащем положении один из помощников. Поверх этого клина кладутся щипцы: эффект от этого удваивается. Когда мы снаружи изо всей силы надавливаем на ручки, щипцы должны тянуть зуб вверх. Головка щипцов крепко-накрепко завинчивается, чтобы зуб не мог из нее выскользнуть.

Но несмотря на все наши усилия, зуб не шевелится. Он намертво заклинен, точно кирпич каменного свода между двумя соседними кирпичами. Тогда нам приходится прибегнуть к другому, не так уж редко применяемому по отношению к лошадям методу — выталкивать зуб со стороны надкостницы. Делается это так: сначала сбрасывают шерсть с соответствующего кусочка щеки, делают в ней надрез, сквозь который, отодвинув в сторону десну, на нужном месте просверливают тонкую челюстную кость и через образовавшееся круглое отверстие нащупывают корень упрямого зуба. В это отверстие вставляют стамескоподобный инструмент и, ударяя по нему молотком, выгоняют зуб наружу.

Наконец-то он у нас в руках, этот зловредный зубище длиной со средний палец руки, но вдвое толще. В разрезе эта желтая штуковина представляет собой прямоугольник.

Но поскольку лошадиные зубы имеют обыкновение постоянно отрастать, то теперь возникает другая трудность, с которой мы ни у человека, ни у обезьяны, ни у собак, ни у многих других животных не сталкиваемся. У противоположного зуба теперь будет отсутствовать его партнер, о который он прежде постоянно стачивался и благодаря которому во время пережевывания пищи непрерывно вдавливался в челюсть. Теперь зуб в нижней челюсти противостоит пустому месту в верхней: он будет беспрепятственно расти в этом освободившемся пространстве и становиться все длиннее.

Мы начинаем подумывать о том, не вырвать ли заодно и этот ставший ненужным, но абсолютно здоровый зуб?

Да, это совсем непросто, когда у жеребца Вихря разба-ливаются зубы! Но у него, слава богу, в каждой половине челюсти по шесть коренных зубов, поэтому без одного из них он может спокойно обойтись. А вот для слона подобная потеря зуба граничила бы, наверное, с катастрофой, потому что у него и в верхней и в нижней челюсти в каждой стороне только по одному коренному зубу. По форме он напоминает лошадиный, с той только разницей, что размером он с добрую буханку хлеба. Когда какая-нибудь дамская сумочка попадает меж двух таких жерновов (а такое иногда случается в зоопарках), то служитель через пару дней в состоянии выдать ее огорченной владелице разве что искореженный кусочек металла, оставшийся от пудреницы...

А теперь мы наконец добрались и до воробьев, о которых я упоминал вначале. Ну, так вот. Когда такой гигантский зуб у слона выпадает, потому что сточился или заболел, то первыми это замечают обычно воробьи, потому что тогда в огромных слоновьих «шарах» — этом гипер-трофированном подобии конского навоза — внезапно появляется масса неразмолотых и непереваренных овсяных зерен. Настоящая благодать для воробьев! Поистине нет худа без добра, и один строит свое счастье на несчастье другого. Недаром же поется: «В жизни всегда это так происходит — кто-то теряет, а кто-то находит!»

Однако слону голодная смерть из-за потери зуба не угрожает. И хотя у лошади в каждой половине челюсти по шесть зубов, тем не менее когда они у старой клячи полностью выдвинулись из надкостницы и выпали, то больше уж ничего не вырастет. А вот у слона хотя только по одному зубу с каждой стороны, но тем не менее они у него пять раз в жизни меняются, то есть по мере стачивания, через каждые десять — пятнадцать лет, у слона вместо выпавшего вырастает новый зуб. Таким образом, девяносто-

летний слон тоже может похвастаться шестью коренными зубами, только растут они у него не рядом друг с другом, а один вслед за другим...

Сочувствие к другому возникает обычно сильнее всего в тех случаях, когда тебе самому плохо. Так, каждому зубному врачу следовало бы время от времени посидеть самому в своем «кресле пыток» и испытать, каково это, когда у тебя в больном зубе сверлят и ковыряют или наматывают на тонкую проволочку и вытаскивают оттуда нерв...

Например, один молодой практикующий ветеринар по фамилии Бекер, сидя с открытым ртом в зубоврачебном кресле в ожидании пломбы, по вполне понятным причинам задумался над душеспасительным вопросом: что могут ощущать его лошадиные пациенты в аналогичных обстоятельствах?

Потому что и у лошадей бывает зубная боль. Да еще какая! Правда, нашим бравым лошадам не приходится страдать от кариеса зубов, который в основном и обеспечивает постоянную работу и заработок стоматологам...

И не то чтобы лошадиные зубы не знали кариеса. Просто он у них не успевает развиться и разрушить здоровый дентин: как только гнильца появилась на жевательной поверхности зуба, она просто-напросто стирается вместе со всем верхним слоем. Редко кариесу у лошади удастся проникнуть раньше в глубь зуба, чем он бывает сточен. Ведь начинается такой кариес обычно только с самых незначительных маленьких дырочек. Из ста лошадей только у одной встречаются гниlostные процессы в зубах. Так что это весьма полезное приспособление, когда у кого-нибудь зубы сверху стачиваются, а снизу вновь отрастают.

Но есть у этого приспособления и свои недостатки. Ведь только у самых старательных жевальщиков, которые

энергично двигают челюстями взад-вперед и слева-направо, поверхность зуба стачивается равномерно. У диких жвачных — зебр, дикой лошади или кулана — никогда не обнаружишь неравномерно сточенных зубов. Что же касается наших домашних лошадей, то им ведь уже не приходится жевать ни чертополоха, ни полусохшего тростника, с тем чтобы превратить его в съедобную кашицу. Им насыпают сено и солому мелкорубленными в кормушку да еще сдабривают отборным питательным овсом. Поэтому они стали лениво жевать, их нижняя челюсть уже не так энергично движется взад и вперед, влево и вправо. Таким образом, уже не вся жевательная поверхность зуба равномерно трется о свою визави, а только часть ее; самая наружная и внутренняя части вовсе не приходят ни в какое соприкосновение ни с чем. Следовательно, они и не стираются. А поскольку снизу зуб все время отрастает, то вскоре появляются нежелательные острые кромки и зубцы, травмирующие десну, язык или защечные полости. Но когда дело доходит до этого, то лошади уже и жизнь не мила, и овес не в радость!

«Если бы лошади умели кричать от зубной боли, многим фермерам по ночам не удавалось бы уснуть», — утверждает доктор Бекер. Из десяти тысяч лошадиных челюстей, которые ему пришлось осматривать за время своей практики, 80 процентов были дефектными. У большинства лошадей наблюдались именно такие вот неравномерно сточенные зубы с острыми, словно осколки стекла, краями. Можно только представить себе мучения, которые претерпевают такие лошади во время еды. Это все равно что набрать в рот осколки от разбитой пивной бутылки и стараться осторожно разжевать меж ними свой завтрак!

Но дело не только в этом. Вся эта история с лошадиными зубами имеет еще и большое хозяйственное значение. Когда лошадь испытывает зубную боль, она неохотно принимает пищу, порой вообще отказывается от нее и ест

только в минуты самого отчаянного голода. От этого она, конечно, тощает и теряет силы. Притом она еще и плохо размельчает ее, а следовательно, и не переваривает пищу. Многие зерна овса выходят из кишечника в нетронutom, первозданном виде, к вящей радости находчивых воров-бьев. Когда таким лошадям приводят челюсть в порядок, то их дневной рацион спокойно можно сократить на один или два фунта овса, и они все равно будут хорошо поправляться. А пока что на сегодняшний день площадь, равная по размерам всей области Саксония-Ангальт, засеивается тем самым овсом, который можно было бы сэкономить, если бы всем нашим лошадям регулярно осматривали и подправляли зубы. Так, во всяком случае, утверждает, согласно своим подсчетам, доктор Бекер.

Однако лечение лошадиных зубов было до сих пор делом не слишком-то приятным как для лошади, так и для ветеринара. Правда, отдельные острые зубцы и каски можно было «откусывать» шипцами. Но для того чтобы «перекусить» лошадиный зуб, нужна недюжинная сила; для этого необходимо иметь еще и специальные шипцы с сильно удлиненными ручками, на которые надо давить что есть мочи. Кроме того, зачастую зуб не удастся откусить ровно: та его часть, которая осталась в десне, растрескивается и раскрошивается; может он и расшататься. Мелкие зубы можно, конечно, подпилить специальным стальным напильником, но поскольку они сами твердые, как алмаз, а лошадь во время столь малоприятной процедуры не желает держать голову смирно, то такой метод тоже не находка.

«А что, если попробовать обрабатывать лошадям зубы бормашиной? Тогда ведь их с легкостью можно будет обтачивать и сглаживать, не применяя никакой особой физической силы» — так размышлял практикующий ветеринар доктор Бекер, сидя в «кресле пыток» у дантиста. Однако от его идеи до реального изготовления необходимой для этой цели аппаратуры оставалась еще дистанция

огромного размера. И на пути его вставало немало сложных преград. Должно было пройти целых пятнадцать лет, тысяча и одна бессонных ночей и много напряженных рабочих дней, прежде чем идея Бекера воплотилась в жизнь. Но осуществления ее он добивался самым упорным образом — работал не покладая рук, отказываясь даже от таких заманчивых приглашений своих знакомых, как-то:

«Да будет вам возиться в мастерской! Приходите, сыграем в картишки. Неужели вам неохота посидеть за таким приятным занятием, как скат?»

Поскольку ротовая полость у лошади значительно глубже, чем у нас, насадки для лошадиной бормашины должны быть гораздо длиннее обычных; так как лошадиные зубы гораздо крепче и больше наших, то и электромотор, приводящий в движение бормашину, должен быть мощнее. Изготавливаемые в наше время бормашины, предназначенные для лошадей, делают восемь тысяч оборотов в минуту, что соответствует скорости 60 километров в час, с которой крутится точило, обрабатывая зуб. Приятно смотреть, как неровный зуб быстро и равномерно стачивается в течение нескольких секунд! Буры, предназначенные для людей, делают лишь две с половиной тысячи оборотов в минуту. Когда мы во время сверления зуба ощущаем боль, то это обычно объясняется тем, что бур да и сам зуб от интенсивного трения разогреваются. Зубной врач в таком случае опрыскивает его водой, смывая при этом с него «буровую пыль», мешающую работе. Для лошадей же устроено гораздо удобнее: к насадке лошадиной бормашины припаяна тонкая трубочка, через которую во время сверления непрерывно подается вода, смывающая с зуба «буровую пыль» и обеспечивающая хорошую видимость. А поскольку зубы у лошади, как правило, вовсе не больные, дырявые, а совершенно здоровые, только слишком длинные, то само сверление не доставляет пациенту никаких особо неприятных ощущений и практи-

чески никогда не возникает надобности вводить обезболивающее средство. Сами буровые диски изготовлены из карборундовой крошки алмазной крепости, скрепленной меж собой цементоподобной мастикой. Затупленный во время сверления верхний слой острых карборундовых осколков постепенно сменяется следующими, все вновь и вновь выступающими из стачивающейся мастики. Таким образом, диск хоть и уменьшается по мере его использования, однако остается до самого конца острым и шероховатым.

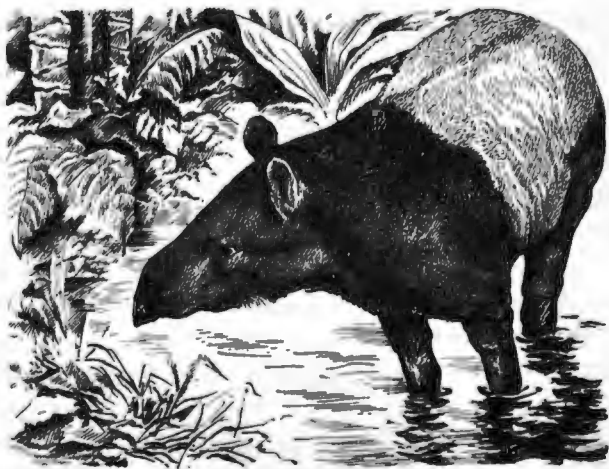
Изобретательный «лошадиный дантист» на этом не остановился. Он придумал еще, как и из чего сделать пломбы и мосты для своих пациентов. Это тоже было не просто, потому что имеющиеся зубоврачебные отливки не подходили для подобных размеров. Все нужно было переделывать, изобретать заново и конструировать.

— Я помню, мы провозились весь сочельник и все рождественские праздники, — рассказывает доктор Бекер. — Мы пробовали, мастерили; гостил у меня тогда мой покойный брат — золотых дел мастер. Как сейчас помню, было это 4 января 1933 года, когда у нас наконец получилась первая необходимая отливка. Такая вот лошадиная пломба гораздо совершеннее, чем у нас, людей. Ведь наша амальгамовая пломба — инородное тело, навечно засунутое в зуб. У лошади же пломбой заполняют кариесное отверстие лишь для того, чтобы не дать распространяться гнилостному процессу. Зуб же, постепенно отрастая, сверху стачивается, и пломба вместе с ним. Когда пломба окажется «сжеванной», то одновременно с ней исчезнет и дыра, и зуб снова стоит целехонький как ни в чем не бывало! Поэтому-то лошадиные пломбы изготавливаются специально из мягкого металла — бронзы, чтобы они беспрепятственно стачивались вместе с зубом.

Изобретать новые инструменты дело отнюдь не легкое. Но, пожалуй, еще труднее поломать укоренившиеся взгляды и привычки и пробить это новшество, внедрить

его в практику. В особенности если каждое такое изобретение стоит целого маленького состояния, а сам изобретатель к тому же не какой-нибудь университетский профессор, а всего лишь никому не известный ветеринарный врач из заштатного городка! Но в один прекрасный день счастье все же ему улыбнулось, и доктор Бекер стал почетным и высокооплачиваемым профессором Берлинского университета.

Глава седьмая

ЧЕРНО-БЕЛЫЕ

Не знаю почему, но я уже давно испытываю чувство симпатии к хорошеньким, забавным африканским карликовым козочкам. В один прекрасный день мой приятель обещал прислать мне такую парочку. А две недели спустя он сообщил, что уже отправил их, да еще в придачу большую красивую валлийскую козу.

С давнопрошедших дней моего детства, когда я, будучи учеником четвертого класса, в Нейсе сам растил, пас и доил красивую белую и безрогую козу, у меня сохранилась старая книжонка — «Коза, ее содержание, уход, кормление и разведение». Вот ее-то я и выгреб из дальнего угла книжного шкафа. Бог ты мой! Между ее страниц сохранилось еще несколько сухих травинок со старого гарнизонного кладбища, на котором я, будучи весьма предприимчивым малым, сумел арендовать угол для скашивания травы и сушки сена...

О, эти чудесные летние дни меж заброшенных, почти уже сровнявшихся с землей могильных холмиков, тихое

перешептывание старых лип над головой, а рядом, над самым ухом, привычное хрупанье жующей белобородой козы...

Из этой полезной книжечки я и вычитал, что валлийские козы «в качестве молочного скота никакого значения не имеют и используются большей частью в качестве экспонатов для зоопарка». Ничего себе новость! Интересно, что скажет на это старая фрау Вегман, живущая в моем домике, высоко в горах, куда я собираюсь поместить всех трех подаренных мне коз?

Что именно она сказала, я узнал в следующий же приезд в горы:

— Сатана это, а не коза! Крушит все налево и направо! О том, чтобы подоить ее, и речи быть не может! И вообще, невозможно даже разобрать — коза это или козел?

Ну, ясно. Ведь она из зоопарка, а кому надо в зоопарке раздаивать козу? На это есть коровы и овцы.

Но красоты она была необыкновенной! Перед — густо-черный, потом по самой середине резкая граница, и вся задняя половина тела — снежно-белая. Действительно, настоящий экспонат для выставки! Глядя на нее, я невольно вспоминал ту сказку из «Тысячи и одной ночи», где в заколдованном замке сидят печальные люди, которые лишь до пояса состоят из плоти и крови, а все, что ниже, — из холодного, черного мрамора.

Эту валлийскую козу вскоре действительно пришлось отправить назад в зоопарк. Откровенно говоря, мне было неловко перед соседними крестьянами держать козу, на которую можно лишь любоваться, но не доить.

Но я не раз еще задумывался над тем, каким образом эти валлийские козы дошли до своей сумасшедшей расцветки. Родом они из Валлиса в Швейцарии, где обитают на уединенных и недоступных альпийских лугах, где молоком их практически невозможно воспользоваться. Там они наподобие серн или каменных козлов кое-как перебиваются в суровых условиях высокогорья. Считается, что это

очень старая порода коз, потомки древнеримской козы, как утверждают «козы» специалисты. Во всяком случае, ни одному человеку, живущему там, наверху, в горах, в головах не придет путем кропотливой селекции выводить породу специально такой окраски: черный перед словно по линейке отделен от белой задней части. Кому это нужно?

Тут уж более ясен вопрос с голландскими черно-белыми кроликами. Они в прежние времена были обычными крупными откормочными кроликами, которых в изобилии продавали на рынках Брабанта. И хотя их шкурка и была черно-белой, тем не менее пятна на ней располагались как попало. До тех пор, пока в прошлом столетии ими не занялись любители-кролиководы. Десятками лет они трудились, подбирая нужные пары, пока не добились того, что все черное сдвинулось назад, а все белое, в виде жакета, вперед со строгой границей на «талиии». Никто уже не обращал внимания на размеры этого бывшего «жаркого», и длинноухие со временем становились все меньше — не важно... Лишь бы вокруг глаза было отчетливое черное пятно, а на черных задних лапках — белые манжеты. У немецких кролиководов допускалось, чтобы черные пятна вокруг кроличьих глаз растягивались назад, к затылку, и за ушами сливались вместе. Английский же стандарт, наоборот, требовал, чтобы эти пятна разделяла четкая белая линия. Как видите, кое-что все-таки застревает в голове, если ты, учась в четвертом классе, разводил кроликов!

Так что же, эта половинчатая окраска всего лишь взбалмошная причуда? Людской каприз? Ведь в планы матери-природы такая яркая и странная одежда вряд ли входила. Каково могло быть назначение подобного, бросающегося в глаза мехового наряда? Какое место отведено ему в разнообразном гардеробе матушки-природы, где даже самая пышная и красивая шкура служит всего лишь выживанию в борьбе за существование, а вовсе не тому, чтобы радовать чей-то глаз...

Но постойте-ка, что же это такое? На картинах венецианца Джокондо де Понте, жившего с 1515 до 1592 года, мы внезапно обнаруживаем тех же самых «половинчатых» кроликов, которых наши кролиководы с таким трудом вывели в прошлом веке! По-видимому, маленькие четырехногие голландцы появились точно тем же путем, как и разные другие породы домашних животных: не в качестве чудачества изобретательного селекционера, а в результате того, что природа, перебирая время от времени запас своих моделей, бросает в борьбу за существование какую-нибудь новую наследственную «мутацию». А жестокая борьба за существование вскоре искореняет, убирает подобное ненужное новшество, например черно-белый мех для дикого кролика, поскольку он несовершенен и непрактичен для его образа жизни. Кроликовод же, найдя однажды такой голый и слепой «лотерейный билет природы» на мягкой подстилке в углу своего сарая, ради забавы и оригинальности спасет смешного «половинчатого» крольчишку от суровой выбраковки природы. Более того, он может постараться закрепить в следующем поколении этот случайный дефект и вырастить «новую породу».

Но и там, где никакой любитель-селекционер не простирает своей спасительной руки над черно-белым смешным созданием, оно тоже может иногда утвердиться и не исчезнуть с лица Земли. Я это понял, стоя перед клеткой чепрачного тапира в Берлинском зоопарке. Животное это обитает в Юго-Восточной Азии и на Суматре. По внешнему облику и образу жизни оно напоминает свинью, но имеет небольшой хобот, сближающий его со слоном. И точно так же, как у слона, в грудной клетке у тапира отсутствует плевра, то есть легкие накрепко приросли к ребрам. Но, несмотря на все это, тапир сродни не этим животным, а кому бы вы думали? Лошади! Примерно так выглядели прадедушки наших прилежных лошадок — у них тоже было по несколько пальцев на ногах вместо ко-

пыт, и ростом они были гораздо ниже. Тапиры появились примерно в середине третичного периода, и если они сохранились в течение целых тридцати миллионов лет, претерпев столь малые изменения, в то время как большинство других тогдашних видов животных либо вымерло, либо полностью видоизменилось, эволюционировало, то это означает, что тапир прекрасно оснащен для борьбы за существование!

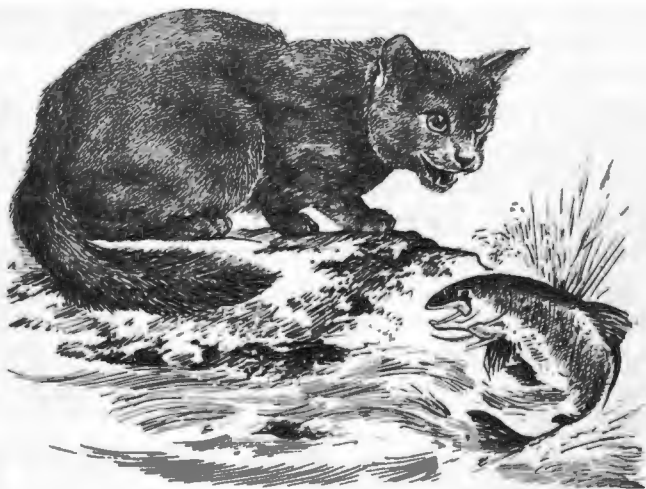
Так что белая «попона» на спине этого животного ему явно полезна, несмотря на то что не является необходимым атрибутом «одежды» любого тапира (американский тапир, например, одноцветен). И на самом деле, из рассказов исследователей Юго-Восточной Азии и охотников за тапирами мы узнаем, что яркая контрастная окраска издавна полностью искажает очертания этого крупного животного, она как бы разрывает его на части. Так, среди скал и в особенности при постоянной игре света и тени тапира практически невозможно различить на фоне окружающей обстановки даже тогда, когда он спокойно стоит, не прячась за укрытием. Более того, на детеныша тапира, темная шерсть которого испещрена яркими неровными полосками, вполне можно нечаянно наступить, когда он безмятежно спит под сенью лиственного полога!

Люди только во время Первой мировой войны убедились в том, что серый, так называемый «защитный», цвет отнюдь не лучшее средство и не последнее слово в искусстве камуфляжа. И уже во время Второй мировой войны пушки, газовые хранилища и военные корабли разрисовывали квадратами, кругами и различными другими фигурами желтого, зеленого, синего, серовато-синего или белого цвета. В таких случаях видно, что что-то есть, но не видно, что именно.

Разумеется, нельзя утверждать, что мы переняли такой новый способ камуфлирования у тапиров и валлийских коз точно так же, как, изобретя парашют, отнюдь не ско-

пировали летучие семена одуванчиков, а построив самолет, не повторили способ полета птиц. Просто дело в том, что на Земле все живое вынуждено подчиняться одним и тем же законам выживания; и те, кто хочет победить в жестокой борьбе за существование, невольно приходят к аналогичным решениям, будь то жираф, прячущийся под спутанными ветвями акаций, кажущийся невидимым в игре их желтовато-коричневых теней, или... «венец творчества» собственной персоной!

Глава восьмая

ДВЕ РОДИНЫ КОШКИ

В один прекрасный день Леночка Пумпель, сидя у ручья, увидела трех крошечных голых зверюшек, медленно плывущих по течению ей навстречу. А причина, по которой Леночка выбежала с зареванными красными глазами из дома и спряталась у ручья, заключалась в том, что отец снова не разрешил ей поехать в город и поступить машинисткой в бюро. Она все еще всхлипывала, когда вдруг заметила качающиеся на воде трупики котят, которых слабое течение понемногу прибивало в маленькую бухточку у самых ее ног. Там они и остались лежать на отмели, чуть покачиваясь на набегающей волне.

«Сколько раз я пила воду прямо из этого ручья,— возмущенно подумала Леночка Пумпель,— а эти соседи, тьфу, черт бы их побрал, оказывается, топят в нем своих котят! И какая вообще это подлость — вот так просто вышвыривать в воду этих маленьких несчастных существ!»

Девушка сорвала растение с твердым стеблем и выудила с его помощью всех трех утопленников. Какая жалость! Двое котят были пятнистыми, черно-белыми, а третий — совершенно серым от носа до кончика хвоста. Уши, лапки и хвостик казались слишком маленькими для кошки, а голова, наоборот, неестественно большой и бесформенной, как у неуклюжего Гурвинека из кукольного театра. Леночка Пумпель содрогнулась, рассматривая жалкие, крошечные трупки: только что народились на свет и уже грубо вырваны из теплого материнского гнезда и безжалостно убиты! Леночка снова принялась всхлипывать. На сей раз уже не по поводу несостоявшегося бюро, а по поводу утопленных котят.

Когда же она попыталась все тем же стеблем столкнуть серого котенка назад, в воду, и нажала ему при этом на животик, он внезапно пошевелил лапкой. Может быть, почудилось? Может, это она сама задела за лапку стеблем? Но нет — серый котенок был еще жив! Он шевелился! Едва-едва, но шевелился. Однако Леночка не могла решиться дотронуться руками до мокрого и холодного тельца, поэтому она сорвала большой лист подорожника, задвинула на него маленького страдальца и, ухватив кончиками пальцев загнутые кверху края, отнесла свою находку к матери на кухню.

Пумпели сами прежде зачастую топили котят — невозможно же в конце концов разводить их дюжинами в доме! Тем удивительнее было видеть, какие только усилия не прикладывала фрау Пумпель, чтобы вернуть к жизни именно этого маленького серого найденыша.

В коробке с ватой, поставленной у самой печки, котенок отогрелся и ожил, просох и стал снова пушистым. Но знаете ли вы, что гораздо легче выкормить десять телят, чем одного такого малюсенького котенка без матери? Из чего его, во-первых, поить? После нескольких неудач Леночка вспомнила о кукольном рожке с резиновой соской и принесла его с чердака, где он валялся вместе со стары-

ми куклами. Но не сразу маленькая Муши, как нарекли котенка, научилась пользоваться рожком. Кроме того, новорожденному котенку нельзя голодать более трех-четырех часов. И вот фрау Пумпель пришлось дважды за ночь вставать, чтобы утолить голод кошачьего младенца, напоить его теплым молоком из игрушечного рожка. Вскоре она догадалась, что его мучают боли в животе. Перед тем как сделать свои делишки, он долго вертелся и пищал и успокаивался только после того, когда ему мизинцем массировали брюшко, так, как это проделывает кошка своим языком.

Леночка Пумпель, эта взрослая семнадцатилетняя барышня, играла в котенка так, как несколько лет назад еще играла в куклы. Она то хвалила его, то бранила за то, что не желает пить или еще за что-нибудь. Но поскольку котенок не реагировал на ее указания (точно так же, как в свое время куклы), Леночка заподозрила, что он глухой. И правда, можно было над самым его ухом с грохотом ударить двумя крышками от кастрюль друг о друга — котенок даже не вздрагивал. Вкусовые ощущения у него тоже еще отсутствовали: Муши было безразлично, что пить — разбавленное молоко или горький чай. А когда через некоторое время веки разомкнулись и показались невинные голубые кошачьи глазки, возникла новая забота: Муши явно была слепа. Она не следила за пальцем, если водить им перед ее носом. Более того, она не зажмуривалась от света карманного фонаря.

Но все эти страхи оказались напрасными. Муши научилась видеть, научилась слышать, научилась еще многому другому. Она научилась всем шалостям, которые так характерны для кошачьих деток (и даже солидных, убежденных сединой людей соблазняет поиграть с ними), научилась катать по ковру моток ниток, подкрадываться по всем правилам искусства к чьей-нибудь домашней тапочке, с тем чтобы одним прыжком напасть на нее самым потешным образом или, лежа на спине, всеми четырьмя

мягкими лапами с втянутыми когтями воевать с пятью пальцами человеческой руки.

Однажды хулиганистый Леночкин братец запер Муши в свою клетку с белыми мышами. Возможно, он надеялся стать свидетелем кровавого убийства. Но ничего подобного не произошло. Муши не обратила ни малейшего внимания на обитателей мышиной клетки и улеглась в углу спать. А мыши, в свою очередь, так осмелели, что доверчиво ползали по дремавшей в клетке кошке.

Малый даже не подозревал, что из-за этой его шалости Муши на всю свою кошачью жизнь станет безопасной для мышей.

Но только для мышей. А хищником она стала все равно. Каждый раз, когда Муши подходила к ручью, она видела, как под водой, меж прибрежных коряг, сновали быстрые серые полосы. А все, что снует, бегаёт, заставляет вздрагивать кошачьи когти, упрятанные в бархатные подушечки лап. С врожденным терпением всех кошек Муши часами сидела возле тех мест, куда прятались форели. Она сидела так неподвижно, что стрекозы беззаботно пролетали мимо самого ее носа, а осторожные рыбы принимали ее за камень на берегу. Вскоре форели одна за другой появлялись из своих укрытий и начинали резвиться на прогретом солнцем мелководье. Тогда следовал резкий бросок, Муши вонзала свои острые когти в гладкое рыбье туловище и мгновенно выбрасывала форель на берег, где она, описав великолепную дугу, приземлялась среди незабудок.

Фрау Пумпель застукала однажды своего наследника за тем, как он тайком зажаривал себе на кухне трех форелей.

— Вот погоди, придет отец, он тебе задаст! — принялась она ругать сына.— Ручей сдан в аренду, и если вы, мальчишки, таскаете из него форелей, то это самое настоящее воровство!

Но сын не воровал форелей. Он просто отбирал их у Муши. А та теперь приносила в день по четыре-пять штук!

— Мышей она не трогает,— вздыхала фрау Пумпель.— А вот форели — это пожалуйста. Именно форелями вздумала питаться.

Но единственный способ, которым можно было удержать кошку от рыбной ловли, заключался в том, чтобы запереть ее на целый день в доме. Стоило же ей вырваться из заточения, как она, невзирая на брань в свой адрес, с увлечением продолжала «рыбачить».

Однажды она оказалась запертой в чулане, где мышей было видимо-невидимо. Спустя четыре дня кошка была едва жива от голода, но ни до одной мышки не дотронулась.

Поскольку против упорного дочернего домогательства не может устоять ни «твердый отцовский запрет», ни материнское недовольство, то Леночка Пумпель все-таки попала в город. Правда, годом позже и в качестве медсестры. А поскольку отец тоже работал в городе, то семейство Пумпелей продало свой дом и переехало в городскую четырехкомнатную квартиру.

Когда подъехал фургон по перевозке мебели, фрау Пумпель посадила Муши в корзинку, обернула корзинку платком и понесла на станцию, откуда до города шел пригородный поезд. Ехать надо было девятнадцать километров.

Помню, как однажды в дни моего детства мы играли в жмурки. Я был простужен и должен был лежать в постели, но, поскольку мамы не было дома, я тоже принимал участие в игре, притом в одной ночной рубашонке. И вот я припоминаю: сколько бы меня ни крутили с завязанными глазами, пока я чуть не падал, я все равно знал, где дверь и где окно. Потому что ощущал, хотя и едва уловимо, с какой стороны мое тело овеивает приятное тепло, исходящее от нашей большой зеленой кафельной печки в углу. Аналогичное, видимо, произошло и с Муши.

Сопящий паровозик тянул за собой вагоны, в одном из которых в своей корзинке сидела Муши. Кошка ощу-

шала во всем своем теле нсобъяснимый, глухой протест. И сколько бы поезд ни петлял и ни извивался среди лесов и полей, сколько бы фрау Пумпель ни гладила ее успокоительно, просунув руку под платок, невзирая на то, где стояла корзина — то ли на полу, меж сапог деревенских пассажиров, то ли наверху, на полке среди чемоданов, все равно Муши не покидало странное, неясное чувство: твоя родина — там!¹

Кошку выпустили из корзины, когда она снова оказалась дома: на привычном месте стоял диван с белыми пуговицами на чехле, где в правом углу с уже сильно вдавленными пружинами лежала вышитая подушечка — «кошкина подушка». Никогда в жизни она не ложилась на какую-нибудь другую, ни разу даже не позволила себе прыгнуть ни на один стул. Узкая портьера на двери отгораживала «парадную комнату», и кошка в новой квартире, как и в старом доме, не нарушала границ запретной зоны, несмотря на то что теперь эта комната находилась справа, а не слева, как прежде. Вскоре она отыскала и свою старую мисочку под скамейкой на кухне.

— Смотрите-ка, Муши чувствует себя совсем как дома, она, наверное, и не заметила, что мы переехали на новую квартиру, — радовались Пумпели.

Но радовались они рано. На следующее утро кошка пропала. Наверное, выпрыгнула из окна на балкон нижних соседей? Но нет — в нижней квартире ее не оказалось; не оказалось и в подвале. Тщетно ее искали по окрестным садам. Никто ее не видел. Вечером отцу пришлось сесть на велосипед и поехать на старую квартиру, за город. Увы! И там никаких следов Муши. За ужином фрау Пумпель уже сидела с мокрыми от слез глазами. На всю ночь она оставила распахнутым окно и спала беспокойно. Ей все казалось, что вот он раздался, этот привычный глу-

¹ Строго научного подтверждения такой способ ориентировки у кошек пока еще не получил. (*Примеч. пер.*)

хой шлепок, с которым кошка спрыгивает с подоконника на пол. Или характерная тихая дробь, словно кто-то мягкими кончиками пальцев без ногтей барабанит по столу. Но каждый раз, когда она вставала, на полу было пусто, и только ветер шелестел надутой, точно парус, занавеской...

Спозаранку, в половине пятого утра, фрау Пумпель была уже одета. Она без чьей-либо помощи извлекла из подвала свой велосипед, села на него и поехала на старое место жительства. Возле гостиничного двора дорогу ей перебежала серая кошка и скрылась за сараями. Не обращая внимания на неистово рвавшегося с цепи пса, фрау Пумпель проникла во двор и громко позвала:

— Муши, Муши!

Но серая кошка не вернулась. Видимо, это была не Муши.

Когда женщина добралась до своего бывшего дома, было семь утра. Время, когда Муши обычно возвращалась после своих разбойничьих налетов на речку. И правда — вот она! Прыгает на закрытое кухонное окно — раз, второй, третий!

— Муши! Иди же сюда! Муши, иди ко мне! — кричит, нет, скорее вопит фрау Пумпель от счастья.

И вот уже красивая серая кошка умиротворенно мурлычет у нее на коленях.

— Я уж ей вчера молочка наливала и собиралась ее назад отослать, — рассказывает старушка, живущая теперь в этом доме. — Но она только поначалу разрешала себя трогать, а потом уже в руки не давалась — все время убегала.

То, что кошка одна, совершенно самостоятельно, нашла дорогу на свою «родину», пробежав девятнадцать километров, было сенсацией для такого маленького городка. К Пумпелям пришел репортер, и на следующее утро их имена и имя кошки уже были обнародованы на страницах городской газеты. А через день даже в районной газете четыре строчки были посвящены героическому марафону маленькой Муши.

А «героиня» лежала на своей диванной подушке. Если дотрагивались до ее лапок, она переставала мурлыкать и начинала сердиться: на темно-серых подушечках просвечивало розовое — лапы были стерты до крови во время этого долгого путешествия по непривычным дорогам!

Соседи приходили специально полюбоваться на Муши, а одна женщина даже принесла ей оставшийся после обеда кусок торта. О, Муши стала большой знаменитостью!

Она была дома. И тем не менее ее не покидало необъяснимое чувство тоски по своему «настоящему» дому, ее прямо-таки тянуло к дороге, ведущей мимо старых высоких платанов, растущих там напротив. Так ведь бывает и с нами, людьми: когда мы, закрыв глаза, думаем о своей родине, она находится в нашем воображении не просто где-нибудь, а в совершенно определенном направлении. Мы могли бы рукой точно указать где. Но — увы! — это ощущение обманчиво. Наша «тоска по родине» играет с нами злую шутку. Это чувство, равно как и многие другие инстинкты человека, давно у нас притупилось, утеряно или пришло в полный упадок. Поэтому тяга к дому неминуемо заведет нас в обратную от дома сторону, и мы непременно собьемся с правильного пути. А вот тяга к родному дому в «душе» у Муши обязательно поведет ее в правильном направлении, напрямик туда, где находится ее родина, потому что кошка должна жить там, где она выросла, если хочет избавиться от гнетущей тяги по дому.

Спустя пару дней фрау Пумпель позабыла запереть на ночь кухонное окно. К тому же она думала, что кошка уже свылась с новой обстановкой. Когда наступила ночная тишина, явственно доносившая журчание близлежащего ручья, серая кошка снова отправилась в путь. Она бежала обычной кошачьей подпрыгивающей рысцей, но напрямик, пересекая улицы, сады, перелезая через заборы, — в строго определенном направлении.

Каждый раз, когда ее что-то пугало, кошка забиралась на какое-нибудь близлежащее дерево и оглядывалась по

сторонам. То же самое она сделала, когда две собаки из Бухенберга — Фокс и Ники — напали на ее след и, возбужденно приняхиваясь, погнались за ней. Правда, убежище ее на сей раз оказалось не слишком надежным: слабое, молодое деревце, которое гнулось и качалось от наскоков рассвирепевших псов, обнаруживших своего врага, затаившегося там, наверху, и с бешеным лаем подсакивающих и царапающих кору. Крона деревца состояла всего из шести-семи веток, и кошке приходилось судорожно вцепляться в них когтями, чтобы не свалиться вниз. Всю ночь несчастному животному пришлось просидеть на дереве, потому что собаки не уходили далеко, раскапывая кроличьи норы совсем поблизости от дерева. Каждый раз, когда они сколько-нибудь удалялись в сторону, кошка предпринимала отчаянные попытки бегства, однако это неизменно привлекало внимание собак и влекло за собой новую громогласную осаду. К десяти часам утра кобели наконец уgomонились и поплелись опустошать свои домашние миски. Вся кора дерева была снизу изодрана в клочья от их неуклюжих попыток взобраться наверх. Крестьянин, владелец участка, удивленно покачал головой, когда несколько позже обнаружил следы этой баталии: «И с каких это пор косули в это время уже принимают за свои ристалища?»

Что же касается Муши, то она, следуя своему внутреннему зову, уверенно бежала в течение целого дня, не меняя направления. Она была избалованной домашней кошкой, привыкшей в семь часов утра получать плошку молока, налитую заботливой рукой фрау Пумпель, а в час дня — свою долю от семейного обеда. Когда Муши пробежала мимо отдельно стоящего хутора, то заметила полную миску с едой, поставленную возле закрытой двери. Жадно, но в деликатной и благовоспитанной манере, свойственной всем кошкам, она принялась за еду. В тот же миг из сарая выскочил возмущенный хозяин миски — огромная взъерошенная овчарка.

Бедная Муши! Что теперь делать? Кто ей поможет? Рядом гладкая стена дома, вокруг ни единого деревца, да если и побежать, страшный пес все равно догонит и схватит! Так что Муши осталась сидеть на месте, невзирая на бешеный стук своего маленького сердечка. Уши прижались к голове, спина выгнулась дугой, поднятый кверху хвост метет из стороны в сторону и извивается как змея. Левая лапа грозно поднята и готова к молниеносному удару. Каждый раз, когда собачий злодей, нагавкав себе достаточно смелости, бросается ей навстречу, она, громко фыркая и плюясь, отвешивает ему молниеносную оплеуху. Собачья морда искажена от бешенства, напоминая дик дьявола: десны обнажены, клыки шелкают, лоб собран в злобные складки: собака не только охраняет свою еду, она хочет еще схватить и разорвать этого нахального пришельца!

Наконец дверь отворилась, и в тот миг, когда мужчина перешагнул порог, кошке, воспользовавшись замешательством, удалось скрыться.

Вконец измученная и изголодавшаяся, она под вечер добралась наконец до старого дома. А туда как раз только что приехала Леночка, которую любезно подбросил на машине ее новый шеф. Вместе с нею увязался и братец. Увидев беглянку, все очень обрадовались, но Муши после волнений этого дня была в таких растрепанных чувствах, что не давала себя схватить и спряталась в кустарнике. После нескольких бесплодных попыток мальчишка, ликуя, появился с кошкой в руках.

Целых четырнадцать дней Муши оставалась запертой в новой квартире Пумпелей. Днем она и не делала никаких попыток сбежать, а оставалась самой что ни на есть послушной и примерной кошкой, но ночью... Ночью в нее точно бес вселялся! Она металась по подоконнику, жалобно мяукала и кричала до тех пор, пока сердце фрау Пумпель однажды не вынесло этих страданий, и она необдуманно выпустила свою любимицу «на волю». Только ее и видели!

В другой раз кошка ускользнула через парадную дверь в тот момент, когда господин Пумпель расписывался за заказное письмо.

Изловить беглянку становилось все труднее. Теперь Пумпелям приходилось вдвоем и даже втроем выезжать на старую квартиру, чтобы отыскать и поймать в кустах это «неверное создание». Когда она наконец уже сидела на коленях своих хозяев, то бывала счастлива безмерно и умела выразить это счастье громким мурлыканьем, ласкалась и жалась к близким ей людям. Бедное животное! Оно никак не могло совладать с раздиравшими его чувствами!

Однажды ее не было целую неделю. Найти кошку удалось только с помощью объявления. Ее держала у себя пожилая дама, которая подвязала ей на шею колокольчик и заперла в помещении вместе с восемью другими кошками.

Кошка постепенно дичала. Скоро поймать ее на старой родине стало почти невозможно: Пумпели ездили за ней три-четыре утра подряд, и все без толку: она жалобно откликалась из кустов, но выйти не решалась и не давалась в руки. Однажды она оказалась искусанной и поцарапанной, потому что, измученная голодом, была вынуждена подраться с большой и сильной кошкой из-за ложки молока.

При этом надо сказать, что Муши была привязана к фрау Пумпель искренней любовью, гораздо более сильной, чем это бывает у других кошек по отношению к своим хозяйкам. Ведь, если вы помните, Муши не знала своей матери. Матерью ее была фрау Пумпель, которая выходила, выкормила и вырастила ее своими руками. Кошка всю свою жизнь прожила у одних и тех же хозяев. А фрау Пумпель, в свою очередь, так привязалась к найденнышу, что не переставала горевать и плакать по поводу странного и необъяснимого вероломства этого ласкового и привязанного к ней существа. Знакомые уже начали пожимать плечами: ну можно ли так убиваться из-за какой-то кошки? Но фрау Пумпель знала, как трудно приходит-

ся ее несчастной Муши на старом месте, что она голодает, что собаки ее гоняют, а охотники, того и гляди, пристрелят. И в своем отчаянии решила написать мне письмо, умоляя посоветовать, что делать. Но, к сожалению, мы, казалось бы, такие умные, ученые люди, на самом деле знаем так позорно мало о наших четвероногих друзьях! И сделать можем ничтожно мало. Даже приучить маленькую кошку к новому дому и то не умеем. Так что бедной Муши предстоит и дальше вести свою бездомную, полную опасностей жизнь.

А мне осталось сделать только то, что я обычно делаю в таких случаях: рассказать своим читателям о несчастной кошке, мечущейся между двумя своими роинами...

Глава девятая

«ВИТАМИННЫЕ ФАБРИКИ» ЖИВОТНЫХ

Мой сосед держит козу, с которой всю последнюю зиму творится что-то неладное. Что, собственно, с ней такое, сказать трудно, однако он пришел ко мне с просьбой сделать ей пару инъекций аскорбинки: говорят, что очень полезно. И даже если козе мало поможет, все равно хорошо — в молоке, по крайней мере, станет побольше витамина С, детишкам это совсем не помешает! Так он думает.

Но я-то знаю, что козе такие инъекции совсем ни к чему. Вот будь это морская свинка — тогда другое дело. Потому что у этих смешных толстых зверюшек одно с нами, людьми, общее: они могут, как и мы, заболеть цингой. Правда, у себя на родине, в Перу, где разгуливает масса как диких, так и домашних морских свинок, они никогда не страдали от подобного заболевания. Это мы, люди, наградили несчастных подопытных животных такой болезнью.

А сами мы, двуногие существа, начали болеть цингой... из-за компаса. Да, да, именно из-за обычного компаса.

Ведь большинство болезней столь же стары, как и само человечество. Но хотя нам прекрасно известно, что чума за какие-то несколько лет превратила некогда процветающие Афины — город государственных мужей, философов, ваятелей и поэтов — в незначительный заштатный городишко, мы напрасно ищем у древних хоть какое-то упоминание о болезни мореплавателей — цинге. При этом ведь известно, что уже финикийцы добирались из Средиземного моря до Балтийского, да и греки были отважными мореплавателями. Но они не знали компаса и посему были вынуждены держаться близ берегов, а это позволяло им запастись по мере необходимости свежим провиантом; да и что им оставалось делать, коли тушенка и маринованные селедки еще не были изобретены?

Но вот в XV столетии, когда испанцы и португальцы обошли на своих кораблях полсвета, эта болезнь подняла голову. Во время плавания Васко да Гамы в 1498 году в Калькутту погибли пятьдесят пять человек его команды, причем в страшных мучениях. И с тех самых пор пугающие вести об этом опасном заболевании, преследующем моряков в дальних странствиях, не прекращались. Когда сегодня читаешь подробные описания того, как у людей вываливались зубы, как кожа их покрывалась пятнами, а ноги сводила судорога, просто зло берет: ведь нам теперь хорошо известно, как легко можно было спасти этих несчастных!

А в те времена один гамбургский врач считал, что цингу может излечить кофе. Благодаря этому заблуждению Гамбург может похвастаться своим первым «кофейным заведением», открытым еще в 1680 году. Другой врач рекомендовал есть майских жуков. Так постепенно добрались до средств, на самом деле действенных против цинги. Балдуин Рус из Гента советовал людям есть ложечницу, а профессор Доель из Грейфевальда, наблюдая за тамошним населением, состоящим в основном из моряков, заметил, что от цинги хорошо помогает жерушник.

Особенное раздражение вызывают у нас сообщения о том, что люди мучились от цинги на одном из голландских кораблей, везшем лимоны! Все равно как если бы кто-то умер от жажды, сидя возле ручья. Но, слава тебе господи, наитие или счастливая случайность надоумили заболевших поестъ лимонов, и — смотрите-ка — десны укрепились, они потеряли свою синюшную окраску, и ногами снова можно было пользоваться! Средство против цинги было найдено! Случилось это в 1564 году.

Но это еще не означало, что с цингой покончено. Только два века спустя на английском флоте была введена обязательная выдача команде лимонного сока, а капитанов, пренебрегавших этим законом и не запасавшихся на дальние плавания лимонным соком, облагали штрафом. Однако еще в 1866 году на испанском фрегате «Ла Бланка», шедшем из Сан-Лоренсу в Рио, из четырехсот пятидесяти человек заболело цингой двести семьдесят девять, из которых пятьдесят пять умерли.

Когда еще не существовало ни высших учебных заведений, ни научно-исследовательских лабораторий, ни современных клиник, новому лекарственному средству было трудно пробиться сквозь всяческие препоны и шарлатанство. Поэтому господину «кайзеровскому протомедикусу на Рейне», как именовался тогда Иоганн Крамер, в 1746 году еще приходилось напутствовать своих молодых коллег следующим образом:

«Не занимайся бесконечным смазыванием гниющих десен и парализованных коленей мазями, потому что это несколько не помогает без соответствующего «внутреннего» лечения; прием лекарств внутрь излечит эту болезнь безо всяких наружных смазываний. Необходимый целебный экстракт содержится только в свежих, сочных, то есть водянистых и одновременно довольно острых на вкус, овощах. Если у тебя их нет, то используй лимонный сок».

Опыт лечения цинги доктор Крамер, как ни странно, приобрел на суше. В те времена цинга раздражалась еще

довольно часто и среди сухопутных войск, в особенности во время длительной осады. В Нюрнберге, по сообщениям очевидцев, она встречалась еще в 1911 году, в особенности среди мужчин. В России того времени помимо тифа и других эпидемий свирепствовала цинга, унесшая колоссальное число жертв. В немецком флоте цинга тоже объявлялась не раз: так, с 1855 по 1875 год приходилось по 2,4 случая на тысячу человек. В 1847 году, когда юный Штраус уже прославился своими вальсами, на «прекрасном голубом Дунае» свирепствовала эпидемия цинги. По всей вероятности, только появление картофеля изгнало ее окончательно.

«Страшный скорбут» можно побороть употреблением в пищу лимонного сока и свежих овощей — это по прошествии трех столетий уяснил себе даже самый неопытный корабельный кок. Однако что именно в лимонном соке является целебным — об этом вплоть до Первой мировой войны распространялись самые нелепые представления. И лишь в 1913 году догадались, что цинга — болезнь, вызванная нехваткой витаминов в организме. А в 1920 году недостающий витамин, вызывающий цингу, впервые получил название — витамин С.

Тильманс добыл из тридцати пяти килограммов шиповника 5,7 грамма чистого витамина С, Сен-Жорж из десяти литров сока, выжатого из стручкового сладкого перца, получил 6,5 грамма, а Кинг из десяти литров лимонного сока — от 1 до 1,5 грамма чистого витамина С.

К концу 1933 года химический концерн «Мерк», в Дармштадте, добывал из свежего зеленого перца уже основательное количество этого витамина для научных целей. Вскоре выяснилось, что шпатель содержит втрое больше витамина, чем перец. А затем уже витамин С стал появляться в виде таблеток на сахарной основе или в виде аскорбиновой кислоты, которую нам теперь так часто прописывают врачи.

Этот вопрос можно считать исчерпанным: цинги больше нет. Правда, еще в 1870—1871 годах, во время осады

Парижа, она возникла вновь, но только в тюрьмах, больницах и домах для престарелых, постояльцы которых были вынуждены довольствоваться самой скудной казенной пищей.

А вообще-то тому, кто хочет в наши дни заболеть цингой, достаточно (из скарעדности) целый год подряд ежедневно съедать по восемьсот пятьдесят граммов черного хлеба и запивать его черным кофе. Между прочим, не поручусь за достоверность, но мне рассказывали, что недавно в Берлине был зафиксирован случай заболевания цингой. Случилось это с одним пожилым господином, который, как выяснилось, питался лишь жареной ветчиной и больше ничем. Несколько инъекций, разумно составленное меню с салатами и картофелем — и мужчина снова был здоров. Так что с витамином С все как будто ясно. Стоит ли нам интересоваться им и дальше?

И все-таки стоит. Он остается необычайно интересным веществом, этот витамин С, или аскорбиновая кислота, как гласит его химическое название, даже несмотря на то, что цинга канула в прошлое. Цинга, о которой говорят, что «она нанесла флоту Великобритании больше вреда, чем флотилии Испании и Франции, вместе взятые».

Этот витамин интересен и удивителен хотя бы уже тем, что требуется человеческому организму в основательных дозах. Немало труда ушло на то, чтобы определить суточную дозу витамина С, необходимую человеку, чтобы он чувствовал себя прилично. Она равняется пятидесяти — шестидесяти миллиграммам, то есть пятой или шестой сотой грамма. И хотя это на первый взгляд выглядит очень скромно, тем не менее это большая порция по сравнению с другими витаминами, в которых нуждается наш организм. Витамина D (предохраняющего от рахита) нам требуется, например, в пять тысяч пятьсот раз меньше!

Для большинства животных аскорбиновая кислота не является витамином, потому что им не приходится, как нам, людям, принимать его с пищей. Для них это гормон,

который они *вырабатывают сами в собственном организме*. Когда подопытных собак кормили специально лишенным витаминов кормом, чтобы искусственно вызвать у них цингу, они, к удивлению экспериментаторов, не заболели и продолжали как ни в чем не бывало выделять с мочой аскорбиновую кислоту! Доказательство того, что они вырабатывают ее где-то в собственном организме. Но где? Этого мы пока не знаем. А поскольку коровы и козы проделывают то же самое, то мы после длительного отступления от первоначальной темы, окольными путями вновь вернулись к больной козе моего соседа. Ей не нужны инъекции «аскорбинки», потому что у нее есть собственная «витаминная фабрика».

А вот бедной морской свинке — той приходится, как и нам, старательно заглатывать витамин С, да притом еще в больших дозах, чем нам. Следовательно, если давать морским свинкам безвитаминный корм и добавлять к нему определенное количество, скажем, шиповника, то нетрудно вычислить, сколько аскорбиновой кислоты содержится в красном шиповнике. Это довольно долгое и нудное занятие, на которое уходят целые месяцы. Но зато оно дает гораздо более точные результаты, чем любое химическое исследование.

С помощью тех же морских свинок мы узнали, что установленная доза витамина, которую мы заглатываем, хотя и достаточна для того, чтобы не заболеть цингой, однако не спасает нас от «гиповитаминоза», проявляющегося в кровоточивости десен во время чистки зубов, весеннем переутомлении и в плохой сопротивляемости разного рода инфекциям. Значит, для того чтобы быть абсолютно здоровым и работоспособным, необходима еще большая доза витамина С. А для лечения различных болезней, например туберкулеза, потребность организма в витамине С еще значительно увеличивается, как мы увидим несколько позже.

Ужасно не повезло нам с тем, что человеческий организм не в состоянии накапливать больших запасов ас-

корбиновой кислоты. В отличие, между прочим, от других витаминов. Запасы витамина С в нашем организме ничтожно малы. Если же мы попытаемся их увеличить, то золотой излишек витамина С выйдет вместе с мочой, и все. Следовательно, чтобы распределить эту благодать разумно и равномерно, в последние годы взялись тщательно изучать содержание витамина С в различных пищевых продуктах. При этом выяснились весьма удивительные вещи.

Главным кладезем витамина оказалась наша добрая старая *картошка*! В ста граммах свежего картофеля содержится в среднем тридцать три миллиграмма аскорбиновой кислоты; правда, в зависимости от сорта, возраста и способа приготовления содержание витамина в картофеле может колебаться от одного до пятидесяти миллиграммов. Свежий молодой картофель, который так и требует себе в придачу салат из огурцов, содержит витамина в три раза больше, чем лежалая, прошлогодняя картошка. Во время варки (в зависимости от времени нахождения на плите) картошка теряет до половины содержания витаминов. В особенности много их теряется от последующего обжаривания, и тем больше, чем тоньше и аппетитнее нарезана вареная картошка на сковородке. Объясняется это тем, что кислород из воздуха вреден для аскорбиновой кислоты; именно поэтому так называемый картофель в «мундире» во время варки теряет лишь десять процентов витамина. (Вот почему так полезно есть его именно в холодные, бедные витаминами, зимние месяцы!) Так что накалывайте почаще горячий, вкусный картофель в «мундире» на вилку и спокойно обдирайте с него его серую одежду. Не бойтесь — не обожжетесь! Тем более что про картошку, в отличие от яблок и других фруктов и овощей, нельзя сказать, что «самое полезное у нее в коже»: у картошки, наоборот, наивысшее содержание витамина в самой середке. Плохо приходится витамину, когда хозяйка приготавливает пюре. Еще хуже, когда картошка часами

подогревается в духовке, и смертельно для витамина частое разогревание уже зажаренной картошки (практикующееся обычно в гостиничных кухнях).

Между прочим, опыты показали, что химическое удобрение картофеля не снижает содержание в нем витамина по сравнению с картофелем, удобренным навозом.

В Финляндии с 1917 по 1920 год примерно 3,5 процента солдат ежегодно заболело туберкулезом. И вот что интересно: из гражданского населения заболело не больше 0,6 процента (а ведь именно солдаты, как известно, самые крепкие молодые парни, находящиеся под постоянным врачебным контролем!). Совершенно непонятная история. А в 1921 году во время модернизации казарм кухни были оснащены большими котлами, в которых можно было зараз варить огромную порцию картошки; но вместе с тем и время варки удлинялось на полтора, а то и на целых три часа. Пару лет спустя финские армейские врачи с недоумением констатировали факт: заболеваемость туберкулезом среди солдат возросла до 6,1 процента, то есть в десять раз превысила заболеваемость среди гражданских лиц.

Тогда энергичный армейский врач, доктор Фёрланд (Voerland), занялся вплотную этим вопросом и выявил зависимость увеличения числа заболевших от содержания витамина С в картошке. Вступив в непримиримую борьбу с военным начальством, этот мужественный человек добился в конце концов того, что в 1924 году оснащение казарменных кухонь было изменено, продолжительность варки картофеля укорочена до одного часа, не более, а сама картошка варилась в кожуре. Заболеваемость туберкулезом прямо на глазах снизилась до 0,6 процента. А с добавлением к рациону фруктов и ягод страшная болезнь отступила и исчезла совсем.

Надо сказать, что достаточное содержание витамина С обнаружено в помидорах, что особенно важно, поскольку их чаще всего едят сырыми. Совсем мало этого витамина

в огурцах и моркови (зато последняя богата столь важным для нас витамином А). Шпинат почти может соперничать с картофелем. Ежели он законсервирован, то чаще всего витаминов в нем не остается. Даже если мы нарубленную зелень или нарезанные овощи надолго оставляем лежать на солнце, аскорбиновая кислота из них улетучивается как дым.

Но все же основными нашими кладовыми витаминов служат ягоды. Некоторые из них содержат больше аскорбиновой кислоты, чем апельсины и лимоны. Ежевика, земляника, малина, красная смородина, крыжовник щедро снабжают нас витамином С, а щедрее всего бузина и черная смородина. Но рекорд все же остается за шиповником. Сорок граммов конфитюра из шиповника полностью удовлетворяют нашу суточную потребность в витамине С.

И вот еще что. Наши четырнадцатилетние мальчишки стали по сравнению с мальчишками 1924 года рождения в среднем выше на целых семь сантиметров. Шведские новобранцы за последние семьдесят лет тоже выросли на семь сантиметров. Средний американец из США с каждым годом становится на миллиметр длиннее. Но наиболее тревожно то, что происходит сейчас в больших городах. Если еще в 1915 году половая зрелость у городских девушек наступала в среднем на пятнадцатом году жизни, то у дочерей этих девушек она наступает сегодня уже в неполных тринадцать лет. А это значит — за три года до возраста, узаконенного для вступления в брак! Появление коренных зубов, совпадавшее прежде с началом обучения в школе, теперь сдвинулось на время пребывания в детском саду. Наши мальчишки, у которых в начале столетия голос начинал ломаться к шестнадцати годам, теперь уже часто в тринадцать с половиной лет получают освобождение от уроков пения.

Некоторые специалисты по вопросам питания сводят это к богатой витаминами пище и вообще к теперешнему более разнообразному питанию, а также к более здорово-

му образу жизни. Современная раса людей в нашем климате якобы только теперь получила все возможности для своего полного развития, чего прежде, несмотря на обилие ветчины и сала, никогда не имела. Таким образом, Старый Фриц (Фридрих Великий), который завез в страну картофель, значительно успешнее заботился о выведении «рослых парней», чем его отец, импортировавший их из самых различных стран.

Однако все это просто спекуляция, и никогда еще медицинская наука не продвигалась вперед за счет дискутирования, а только путем опытов и доказательств. Поэтому не скрою, что некоторые другие ученые рассматривают подобный сдвиг к «гигантизму» как некое деградирование. Вызвано оно тем, что мы, постоянно находясь под дымовой завесой большого города, живем фактически в условиях «ультрафиолетовой ночи», то есть при таком освещении, из которого ультрафиолетовые лучи почти полностью отфильтрованы. Есть у ученых и другое мнение: самые энергичные, подвижные, раньше других созревшие — вот именно эти-то и тянутся в город, так что происходит как бы естественный отбор среди людей...

Что касается наших домашних животных, то нам не удалось при помощи витамина С ни повлиять на их рост, ни ускорить их созревание; и это понятно, потому что они не нуждаются в витамине С. Им он не нужен ни в кормах, ни в ампулах, ни в таблетках: они изготавливают его сами. А тот витамин С, который одно время впрыскивали коровам, они тут же выводили из организма, только, к сожалению, не с молоком, а с мочой.

Между прочим, содержание витамина С в коровьем молоке точно такое же, как и в материнском грудном молоке. Если же поставить стакан молока на короткое время на солнце, витамин С из него исчезнет. В масле совсем мало витамина С, в яйце его вообще нет. Даже в тех случаях, когда курам скармливают этот витамин, он в яйцах все равно не появляется. В мясе его тоже трудно найти.

Неожиданный сюрприз в этом отношении преподнесли нам наши старательные, трудолюбивые пчелы! И не только тем, как выяснилось, что мед содержит не меньше аскорбиновой кислоты, чем насыщенные витамином ягоды черной смородины. Это еще не все. Самое поразительное заключается в том, что витамин в меде сохраняется более пятнадцати лет, в то время как из всех других продуктов он постепенно, но неминуемо улетучивается. Так что пчел (которых в последнее время даже научились дрессировать, чтобы они опыляли только определенные виды растений), безусловно, можно считать наиболее удивительными домашними животными (хотя юридически их таковыми почему-то не считают).

Как раз в тот момент, когда я заканчивал эту главу, которую начал с соседской козы, а потом, отвлекшись, перешел к осаде Парижа, а затем и к варке картофеля, ко мне подлетела пчела и, когда я хотел ее отогнать, ужалила в палец. Вот это номер! Такое не случилось со мной со времен моего детства! Я вытащил жало и, наблюдая за тем, как движения бедной пчелки, ползающей по оконному стеклу, становились все более вялыми, решил все же сказать вам следующее (несмотря на то, что палец на глазах распухал все сильнее): берегите пчел — они, безусловно, достойны всяческого нашего уважения...

Глава десятая

ОТ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Каждый из вас наверняка видел гигантский океанский лайнер и дизель-электроход. А вот заглянуть в глаза обыкновенной козе, наверное, мало кому из вас приходилось?

Для этого надо лечь навзничь в траву так, чтобы ничто вам не мешало: одни только сгибающиеся под тяжестью семян травинки склоняются вам на лицо да белые облачка стоят в синем небе над головой... А рядом пасется коза, и до вас доносится смачное похрупывание.

Если ей что-нибудь сказать, даже просто пробурчать сквозь сон, она непременно вам ответит: негромко проблеет просто из вежливости, не открывая рта и не отрываясь от своего занятия...

Когда я был мальчишкой, то имел собственную козу, которую вырастил из маленького козленочка, сам пас и доил ее, когда она стала уже взрослой козой и у нее появились собственные козлята. Перед тем как идти в школу, я всегда с ней возился и частенько запрягал в тележку, которую мы

затем вместе тащили до старого гарнизонного кладбища, где она паслась, а я косил траву.

Я испытывал нечто вроде затаенного трепета перед ней. Несмотря на то что я был гораздо слабее ее, она позволяла себя привязывать и скрести скребницей, и мне всегда казалось, что делает она это из снисходительности ко мне, мол, «кто умнее, тот уступит»...

Да, ее превосходство надо мной было для меня абсолютно бесспорным: она ведь была уже взрослой, имела собственных детей. А я? Что я такое для нее собой представлял? И вообще она казалась мне удивительно сильной, даже таинственной. Когда она пугалась чего-либо, то бросалась бежать и тянула меня десять, двенадцать шагов за собой, а я беспомощно тащился за ней на веревке. Но делала она это редко, да и не нарочно.

Шея ее была такой матерински теплой и гладкой! При этом очень красивой и стройной. Когда я обнимал ее рукой, то шея эта казалась удивительно тонкой; странно даже, что она принадлежала животному значительно больше и тяжелее меня! Часто я при этом поворачивал ее голову к себе и заглядывал в ее большие, широко открытые зеленовато-золотисто-желтые глаза. Они смотрели на меня узкими щелями своих черных зрачков, ведущими в неизведанное. Было в этом неподвижном взгляде что-то жуткое и в то же время завораживающее, наводившее на разные странные мысли. Например, о страшных чертах и маленьких чертенятах из книги сказок, которых, вообще-то говоря, следует бояться, а на самом деле они выглядят такими забавными и веселыми, что охотнее всего сам бы с ними поиграл (правда, не без некоторого затаенного страха).

О, я много бы отдал за то, чтобы узнать, что скрывается за непроницаемым колдовским взглядом моей козы! И что, интересно, она обо мне думает?

Пастушки и подпаски три тысячи лет назад были точно такими же, как и сегодня. И козы тоже. И такой вот козий пастушок в веселой, немудреной старой Греции оста-

вался наедине со своим стадом целыми днями и неделями, бродя с ним по ущельям и редколесью, в любую непогоду с ветрами и грозами; и потаенные мысли, которые ему тогда приходили в голову относительно своих бородатых подопечных, не разъяснялись в те времена на уроках естествознания, как сейчас, никем и ничем не опровергались. Поэтому игрой воображения бородатые козы морды приобретали человеческий облик, и возникали веселые, находчивые, всегда готовые к любым проказам полубоги: рогатые, бородатые, с копытами на ногах — сатиры. И нравом их награждали нахальным и похотливым. В затерянных деревушках античной Греции молодые девицы иной раз просто не в силах были от них отбиться. Приходилось наливать вино в козы поилки, потому что в опьяненном состоянии такой дикий малый становился миролюбивее и сговорчивее. Один такой сатир чуть было не изнасиловал нимфу Сиринкс, которая в момент крайней опасности превратилась в камыш. Ее сладкий, нежный голос до сих пор доносится из поющего камыша.

Когда другая нимфа, по имени Пенелопа, родила такое вот косматое, похожее на ягненка существо, она страшно перепугалась, завернула его в заячьи шкурки и отнесла на Олимп. Но веселые греческие боги были рады позабавиться потешным и занятным малышом и вырастили его у себя, на Олимпе. Это и был Пан, самый знаменитый из всех сатиров.

Они так и остались навсегда пастушьими и деревенскими богами, эти похотливые и озорные малые, в честь их не воздвигали благородных храмов и не создавали мест для паломничества. Нет, этого не было. Но изображения их часто можно было найти на грубых глиняных горшках, изготовленных греческими гончарами. И нельзя сказать, чтобы эти изображения были особенно приличными и изысканными...

И только один из этих полубогов достиг непонятной таинственной известности — это был Пан. Во времена

правления римского императора Тиберия (с 14 по 37 год нашей эры) какие-то мореплаватели, проплывая в Ионическом море мимо острова Наксоса, услышали голос, возвещавший:

— Если попадете в Эпир, то сообщите всем, что великий Пан умер!

Когда же моряки прибыли в Эпир и поведали о том, что слышали, то скалы, деревья и животные принялись рыдать: вся природа безутешно горевала о великом Пане.

Тиберий поручил своим ученым мужам, как повествует Плутарх, разъяснить значение этого таинственного явления. Однако драматические последствия смерти великого Пана так и остались неразгаданной тайной. И спустя почти две тысячи лет, когда все остальные олимпийские боги уже давно исчезли и превратились в сказочных героев, христианская церковь еще долго и безрезультатно билась над разгадкой этой тайны.

Но тот, кто проводит свое время среди безлюдных горных лугов, где только травы да пасущиеся стада, и предаётся там своим мечтам, тот знает, что великий Пан, виновник всем известного «панического ужаса» и изобретатель сладкопевной, вырезанной из тростника «флейты Пана», вовсе не умер. Старый «козий бог» — это олицетворение вольной, необузданной природы. Он будет жить, пока останутся еще безлюдные равнины и глушь, не знающая фабричных труб и машин...

Глава одиннадцатая

СТАНОВЛЕНИЕ СОБАЧЬЕЙ «ЛИЧНОСТИ»

Как и всякий щенок, Шуфтерле, этот веселый, резвый песик, принадлежащий фрау Пардаутц, появился на свет не сразу со всем багажом знаний, положенным ему по его собачьей родословной: с готовым страхом перед лошадиными упряжками, ненавистью к почтальонам и многими другими атрибутами. Его маленькой душонке предстояло еще долгое развитие, прежде чем из беспомощного слепого существа, владеющего только обонянием и осязанием, вырастет самоуверенная четвероногая «личность», с достоинством метящая все углы своими пахучими метками.

Потому что Шуфтерле и на самом деле, подобно всем новорожденным щенятам, в первые дни своей жизни был лишен каких бы то ни было вкусовых ощущений: он соглашался пить из рожка все, что ему предлагали, лишь бы оно было жидким, включая горький чай и рисовый отвар. Даже слуха у этого маленького народца, так уютно копошащегося под теплым брюшком своей матери, еще нет —

все, как один, глухие. Когда их хозяин совсем рядом с ними ударял молотком по железной двери, они и ухом не поводили, не вздрагивали даже! И так до двухнедельного возраста. И тот, кто воображает, что Шуфтерле на десятый день, когда у него прорезались его мутные синие глазки, увидел наконец белый свет, тот глубоко заблуждается. Ничего он не увидел. Можно держать перед самым его носом все, что угодно, — блестящие предметы, зеркало, он не будет провожать их глазами, не проявит к ним ни малейшего интереса. И так примерно до девятнадцати дней. Даже в возрасте одного месяца он видит только то, что движется, а не стоит на месте; и только в два месяца начинает узнавать предметы, находящиеся от него на расстоянии более двадцати метров.

Как видите, новорожденные щенята не очень-то много что умеют. Вот, правда, запахи они способны различать сразу. Потому что щенок, лишенный обоняния, не в состоянии найти материнских сосцов. Более того, такие неполноценные щенята несколько позже, став уже зрячими, начинают заглатывать землю и фекалии вместо мяса. Их приходится искусственно вскармливать.

Однако в первую неделю своей собачьей жизни Шуфтерле обнюхивает только брюхо своей матери и шерсть своих собратьев. Несколько позже его маленький носик начинает интересоваться посторонними запахами, такими, как запах пола вокруг подстилки; лишь достигнув возраста четырех недель, он начинает обнюхивать материнский рот, рты своих братьев и сестер, а через пару дней и руки хозяина.

Помимо умения нюхать, новорожденный щенок, как и всякий новорожденный беби, умеет, разумеется, пить, вернее, сосать. Потому что умение лакать приходит значительно позже, позже даже, чем умение есть.

В возрасте двадцати трех дней от роду Шуфтерле впервые стоит, наострив ушки, возле матери, когда она ест из своей миски. А то, что мама при этом злобно рычит,

на Шуфтерле не производит ни малейшего впечатления. В тридцать дней он уже пробует угоститься из маминой миски, но только одиннадцать дней спустя он научается лакать. А еще через десять начинает злобно отгонять от своей миски других.

Но самым первым делом Шуфтерле, как всякому новорожденному четвероногому, приходится учиться кое-чему более важному — передвижению. Первую неделю он только ползает на животе. Потом он начинает пробовать приподниматься, упираясь то задними, то передними лапами. Достигнув возраста примерно семнадцати дней, он бегаёт уже на четырех ногах, правда еще весьма неуклюже и неуверенно. Через каждые двадцать — тридцать сантиметров его задик заваливается набок. При этом умение бегать на всех четырех зависит, оказывается, отнюдь не только от ног, но и... от смелости. Когда Шуфтерле по достижении тридцатичетырехдневного возраста выносили из дома, где он уже бойко играл и бегал вокруг подстилки, и опускали на землю в незнакомой ему обстановке, выяснялось, что он... разучился ходить, а способен только ползать и жалобно скулить. Ему приходится постепенно преодолевать эту свою заторможенность и заново учиться ходить. Правда, теперь он овладевает этой наукой гораздо быстрее — в течение нескольких дней. Если же в помещение с незнакомыми запахами внести что-то привычное для щенка, например мамину попонку или тапочки хозяина, как тут же выясняется, что он вовсе и не разучился бегать!

А вообще-то собаки значительно позже овладевают искусством передвигаться на всех четырех, чем кошки и кролики.

Если Шуфтерле сегодня, будучи взрослой, солидной собакой, лежит в своей корзине и во сне повизгивает, лает и дергает ногами, то фрау Пардаутц готова поклясться, что ему снится его недавняя погоня за кроликом. Но он ведь и десяти дней от роду уже рычал и лаял во сне даже

тогда, когда еще не умел этого делать наяву. Правда, несколько позже такие озвученные сны наблюдаются чаще всего после каких-то важных событий в жизни щенка, ну, например, после первого посещения соседней комнаты, где его сморило от усталости и он заснул возле печки.

Но многие способности приходят к Шуфтерле сами собой. Так, попытки почесаться сначала кончаются ничем, потому что лапы еще слишком коротки; однако к тридцатидневному возрасту задняя лапа уже достает до уха и ею можно почесаться. Махать хвостом пес умеет уже в возрасте четырнадцати дней, а сидеть — в три недели.

О том же, что на свете существуют и огорчения, Шуфтерле не подозревает почти до трех месяцев. Он самый настоящий невинный дуралей, и к нему абсолютно применима поговорка, что «на ошибках учатся». На материнское злобное рычание он начинает обращать внимание только после того, как она его пару раз основательно цапнет. Когда в собачью «детскую» впервые приносят кошку, та тут же старается удрать. Щенята бегут за ней, однако без малейшего намерения причинить ей зло — они просто хотят познакомиться с ней и поиграть. То, что киска шипит, плюется и выгибает спину, на них не производит ни малейшего впечатления. Они самым невинным образом обнюхивают ее, пока не получают пару ощутимых затрещин. Вот и первый неприятный опыт от знакомства с кошкой! Так что исконная вражда между кошкой и собакой отнюдь не такая уж «исконная», это не врожденное, а благоприобретенное поведение.

Когда мимо дома проводят Пикколо, маленького пони, Шуфтерле восторженно кидается ему навстречу, попадает лошади под ноги, она наступает на него копытом, и несчастный щенок, громко скуля, остается лежать на земле. Мы осторожно осматриваем и ощупываем его лапы, но он даже не вздрагивает. Значит, Шуфтерле совершенно невредим, просто его парализовал испуг. Но зато теперь он уже всю свою жизнь будет избегать лошадей и удирать

при их приближении. Более того, этот его страх перед лошадьми может передаться его братьям и сестрам, а затем, будь он сукой, а не кобелем, эта боязнь могла бы проявиться и в его потомстве.

Подобные вещи щенята запоминают, как правило, страшно быстро. Один мой знакомый развлекался тем, что предлагал своим двухмесячным щенкам понюхать зажженную сигарету. Они с интересом нюхали ее, но затем тут же обиженно убегали. И никакая сила не могла заставить их, даже спустя несколько дней, снова понюхать сигарету. Они совершали комичные прыжки вперед и назад, непрестанно при этом чихая. Даже когда им предлагали незажженную сигарету или протягивали пустую руку, сложив пальцы так, как держат сигарету, они все равно чихали! Вот как быстро, всего лишь после одного-единственного печального опыта, для них образовалась прочная связь: сигарета — страх.

Или такой вот вопрос. Можно ли Шуфтерле, который из-за ошибки в воспитании стал бояться выстрелов, все же приучить к грохочущему ружью и сделать из него порядочную, дельную охотничью собаку? Лупцовкой тут ничего не добьешься, уговорами — тоже. Как прочно, даже в нас, людях, сидит усвоенное с детства чувство страха перед чем-либо и как редко его можно устранить путем разумных доводов, легко продемонстрировать на следующем примере. Какой дикий крик поднимает большинство девочек и женщин при виде самой обыкновенной мышки! Точно так же и наша гадливость к змеям — чувство благоприобретенное, а не врожденное: маленькие дети без малейшей боязни играют со змеями.

Если маленький ребенок в какой-то момент был напуган кроликом, то никакой пользы не принесет ни высмеивание его как «трусички», ни наглядный пример того, как другие дети играют в его присутствии с кроликами, ни то, что ему длительное время не будут показывать кроликов вообще. Ничего это не даст. Самый лучший способ

приучить его перестать бояться кроликов вот какой: проголодавшемуся ребенку во время поглощения вкусного блюда издали нужно показать кролика, притом очень издали, лучше даже из коридора, когда ребенок ест в комнате. На таком расстоянии предмет страха не производит на ребенка столь сильного впечатления, как вблизи. Важно, чтобы он не перестал при этом есть. Желание утолить голод вкусной едой преодолевает, как правило, опасливое чувство перед «злым» зайчишкой. На следующий день при тех же обстоятельствах кролика подносят уже поближе, и так до тех пор, пока чувство страха уступит место явному интересу, и ребенок позволит посадить «зайчика» на стол или даже к себе на колени.

Таким способом можно у ребят, и точно так же у щенят, полностью ликвидировать чувство страха, связанное с каким-то определенным предметом.

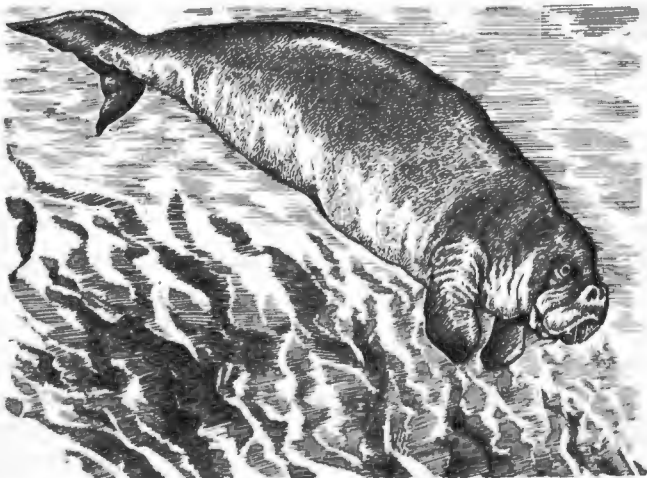
И наоборот, злоба у собак начинает проявляться прежде всего во время еды, в виде защитной реакции. Несколько позже она начнет проявляться и во время игр. Играть со своими собратьями щенки начинают только с двухнедельного возраста. Когда два щенка случайно натыкаются один на другого, то первым делом облизывают взаимно мордочки и затем стараются перелезть один через другого. Всего пару дней спустя они, играя, хватают друг друга зубами за голову. В возрасте четырех недель они нападают уже настойчивее, стараются ухватить братца за загривок и хорошенько потрепать. Затем игра постепенно переходит в серьезные потасовки. Маленьким задирам нет еще и двух месяцев от роду, а они все чаще во время игры впадают в раж, скалят зубы, взъерошивают шерсть на загривке и стараются ухватить «противника» за горло.

Точно так же, как это наблюдается у обезьян и человеческих детенышей, у собачьих деток мода на определенные игры тоже время от времени меняется. В течение восьми дней они будут самозабвенно возиться со старым веником, затем переключатся вдруг на перекачивание и

подбрасывание засохшего конского навоза, а потом ухватаются с двух сторон зубами за пустую миску и будут яростно тащить ее каждый в свою сторону — получается нечто напоминающее «перетягивание каната». Вы, наверное, замечали, что и дети на улице целыми неделями способны играть в «расшибалочку», пока не увлекутся следующей вошедшей в моду игрой — запусканьем змея.

В «турнирных боях», которые у собак так часто переходят в злобные драки, выявляется, кто в своре может претендовать на место вожака и кто кому вообще должен подчиняться. Подобная иерархическая субординация сохраняется на всю собачью жизнь. И если такая вот низкорослая такса, вроде Шуфтерле, в подростковом возрасте содержалась вместе со щенками немецкой овчарки, то юные гиганты, без сомнения, будут признавать в таксе старшего по рангу и более умудренного опытом вожака. Очень потешно наблюдать, как через несколько лет такая вот выросшая громадная овчарка, повстречав на улице коротконого Шуфтерле, приветливо и подобострастно его приветствует, в то время как он не может узнать в этой машине бывшего беспомощного щеночка и удивленно принюхивается.

Но одно совершенно ясно: Шуфтерле отнюдь не только послушный и никем не замечаемый придаток своей хозяйки, фрау Пардаути, сопровождающий ее во время прогулок. О нет! Он и сам по себе маленькая, но значительная «личность», которую в своем кругу уважают или ненавидят, любят или задирают. Это «личность», живущая своей самостоятельной жизнью, полной добра и зла, радостей и разочарований...

Глава двенадцатая

«ОДИССЕЯ» И ОХРАНА ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ

После того как греки взяли Трою, герой древнегреческого эпоса Одиссей, прежде чем попасть домой, еще долго скитался по чужим морям и странам. Но волшебница Цирцея, имеющая обыкновение превращать мужчин в свиней, прониклась к нему симпатией и выдала секрет, как справиться с одним из наиболее опасных испытаний, ждущих его во время трудного и полного самых невероятных приключений пути. Итак:

Тою порой крепкозданный корабль наш, плывя, приближался
К острову страшных Сирен, провожаемый легким попутным
Ветром; но вдруг успокоился ветер, и тишь воцарилась
На море: демон уладил пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парус ненужный свернули, сцепили
С мачты его, уложили на палубу, снова на лавки
Сели и гладкими веслами вспенили тихие воды.
Я же, немедля, медвяного воску укрут изрубивши
В мелкие части мечом, раздавил на могучей ладони

Воск; и мгновенно он сделался мягким; его благосклонно
Гелиос, бог-жизнелюб, лучом разогрел теплоносным.
Уши товарищам воском тогда я заклеил, меня же
Плотной веревкой они по рукам и ногам привязали
К мачте так крепко, что было нельзя мне ничем шевельнуться.
Снова под сильными веслами вспенилась темная влага.

Корабль Одиссея стал приближаться к острову Сирен, красивых молодых дев, сидящих на берегу, но Одиссей хорошо помнил предупреждение волшебницы Цирцеи:

Прежде всего ты увидишь Сирен; неизбежною чарой
Ловят они подходящих к ним близко людей мореходных,
Кто, по незнанию, к тем двум чародейкам приблизясь, их
сладкий
Голос услышит, тому ни жены, ни детей малолетних
В доме своем никогда не утешить желанным возвратом:
Пением сладким Сирены его очаруют, на светлом
Сидя лугу; а на этом лугу человечьих белеет
Много костей, и разбросаны тлеющих кож там лохмотья.

Вот и сейчас, завидя Одиссея, сирены призывно запели:

К нам, Одиссей богоравный, великая слава ахейн,
К нам с кораблем подоиди; сладкопением Сирен насладися,
Здесь ни один не проходит с своим кораблем мореходец,
Сердцеуладного пенья на нашем лугу не послушав;
Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав...
Так нас они сладкопением пленительным звали. Влекомый
Сердцем их слушать, товарищам подал я знак, чтоб немедля
Узы мои развязали; они же с удвоенной силой
Начали гресть; а ко мне подошел Перимед с Эврилохом,
Узами новыми крепче мне руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль наш и более слышать
Мы не могли уж ни гласа, ни пенья Сирен бедоносных,
Верные спутники вынули воск размягченный, которым
Уши я им заклеил, и меня отвязали от мачты!¹...

¹Перевод В. А. Жуковского.

Так 2700 лет назад Гомер описывал в двенадцатой песне своей знаменитой «Одиссеи» соблазнительное пение прекрасных и коварных сирен. Надо сказать, что у побережий многих морей, а также в некоторых больших реках и на самом деле водятся «сирены», несмотря на то что уже римский писатель Плиний, живший в 79 году нашей эры и погибший при извержении Везувия, писал, что не верит ни в каких сирен. Правда, настоящие сирены никоим образом не в состоянии завораживающе петь, а могут лишь сопеть и фыркать. Не обладают они и обворожительно стройным станом — чего нет, того нет. Но, между прочим, уже в нашем столетии один капитан, проплывая в Красном море, обманулся настолько, что принял сирен за купальщиц и подплыл поближе, чтобы получше их рассмотреть.

Заблуждения такого рода вполне объяснимы. Когда эти животные высовываются по плечи из воды, то издали они действительно могут сойти за русалок, потому что ростом они с человека, а у самок к тому же имеются две выпуклые грудные железы, напоминающие женскую грудь. Отсюда и все рассказы моряков. Так что во всем остальном сирены ничего таинственного и завораживающего собой не представляют. Им гораздо больше подходит название «морские коровы». Если исходить из этого названия, то разочарование будет не слишком велико, если представится случай их увидеть.

Однако такого случая не представится. Дело в том, что эти животные хотя и обитают в прибрежной зоне морей и даже в некоторых реках, но держатся они в местах, густо заросших водорослями, которые практически недоступны человеку, даже на лодке. И хотя предки тюленей, китов и дельфинов были когда-то наземными животными, тем не менее держатся эти теплокровные только или почти только на больших глубинах в открытом море. И хотя морским коровам, так же как и этим обитателям морей (в отличие от рыб), приходится время от времени выныри-

вать на поверхность за новой порцией воздуха (потому что они дышат легкими, как и мы с вами), тем не менее уходить на большие глубины им незачем. Являясь мирными травоядными, они значительно медлительнее и пассивнее своих хищных родичей, напоминая поведением именно самых настоящих коров. А поскольку водная среда необходима им только для передвижения и пастбы, а не для дыхания, то им, собственно говоря, безразлично, где именно пастись — в морской соленой воде, или в солоноватой устьев рек, или в пресной речной (в Амазонке и ее притоках).

Однако к воде сирены привязаны значительно сильнее, чем тюлени или морские львы, потому что не в состоянии, как те, подолгу без нее обходиться. Если во время отлива они случайно останутся где-то далеко на суше, то могут погибнуть, потому что их слабые передние ласты и горизонтально расположенный задний плавник непригодны для передвижения по суше. Кроме того, грудная мускулатура сирен вне водной среды не в состоянии обеспечить дыхательные движения такой махине, весящей до трех центнеров и достигающей в длину порой трех метров! Поэтому в таких случаях сирены, подобно китам, обсыхают и гибнут под палящими лучами солнца. Правда, они значительно реже попадают в столь опасную ситуацию, чем киты.

То, что предки этих водных животных много миллионов лет назад обитали на суше, выдают их «руки», которыми такая сирена в состоянии заключить в объятия своего супруга или прижать к себе детеныша. Каждая «рука», похожая на ласты, внутри сохранила кости всех пяти пальцев. Задние же ноги срослись в один общий «плавник», который расположен не вертикально, как у рыб, а горизонтально, как у китов, и не имеет скелета.

Такая «подводная корова» съедает за день 25—30 килограммов морских водорослей, морской травы или пресноводных растений. Кишечник ее имеет в длину двадцать

метров; это необходимо животному, чтобы переварить такую огромную массу зеленых кормов.

В ФАО (отдел при ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, находящийся в Риме) в последнее время стало поступать много заявлений из разных тропических стран с просьбой «снабдить» их морскими коровами. Дело в том, что внутренние озера и реки этих стран стали все сильнее и сильнее зарастать водорослями, мешающими нормальному судоходству и рыбному промыслу. А происходит это по той простой причине, что кто-то, истребив определенный вид животных, нарушил естественное биологическое равновесие в природе. В таких местах и мечтают теперь развести целые стада морских коров, чтобы эти травоядные пожирали подводные заросли.

Водяной гиацинт с его красивыми лиловыми цветками родом из Бразилии. Однако любители развезли его оттуда в разные места тропической зоны земного шара. Некоторые озера из-за этого заросли гиацинтом настолько, что рыба в них гибнет от недостатка кислорода. В США, в штате Луизиана, теперь вынуждены пускать в ход «подводные сенокосилки», чтобы таким образом освободить проход хотя бы для почтовых лодок. На озерах Сирии моторные лодки зачастую не в состоянии пройти и нескольких метров; то и дело приходится поднимать мотор и удалять накрутившиеся на винт растения. В Индии водяной гиацинт блокировал водные магистрали в Ассаме и в Западной Бенгалии. Поверхность водоемов одного из самых красивых птичьих заказников, Баратхпур, близ Агры, очень быстро зарастает.

Чиновник министерства рыбной промышленности из Гайаны заявил, что две морские коровы в состоянии за семнадцать недель полностью очистить от водорослей канал шириной семь метров и длиной 1,6 километра. Казалось бы, остается только заполучить этих животных. Но все упирается в проблему перевозки морских коров. Известно, например, что когда при транспортировке сирен

их клали на спину в нечто напоминающее гамак, то тяжелые внутренности настолько сдавливали легкие, что животные задыхались.

И что мы вообще знаем о сиренах? Об их образе жизни? Постыдно мало! Знаем только, что на морских побережьях и реках Флориды, а также Центральной и Южной Америки они известны под названием «маната», на западном побережье Африки их называют ламантинами, а на берегах огромного Индийского океана, а это значит в Восточной Африке, Австралии, Индии и Индонезии,— дюгонями.

Спокойно и удобно понаблюдать за свободно живущими сиренами можно разве что в городе Майами, в Соединенных Штатах Америки. Тот, кто, находясь во Флориде, захочет набраться терпения и постоять на одном из мостов через реку Майами, сможет увидеть, как из мутной воды время от времени выныривают их крупные головы. Там же удалось выяснить, что взрослые крупные сирены способны находиться под водой до двенадцати, а то и пятнадцати минут, не поднимаясь за новой порцией воздуха.

А вообще-то надо сказать, что за последние сорок лет этих удивительных водных животных во всей Флориде значительно поубавилось. Не назначь правительство за убийство сирены пятьсот долларов штрафа или три месяца тюремного заключения, они давно бы исчезли. В Южной Флориде, в Эверглейдсе, в 1948 году был даже образован специальный национальный парк с целью охраны этих животных. С наступлением похолодания сирены перекочевывают в изумительно прозрачный приток «Blue Spring» («Голубая весна»). Вода в этот приток поступает из теплых источников и сохраняет постоянную температуру не менее 21 °С. Вот там, в городе Оранж-Сити, можно увидеть сирен во всю длину, плавающих на глубине трех метров.

А в обычных зоопарках и аквариумах сирен, как правило, редко увидишь. И не потому, что их так уж трудно со-

держать. В зоопарках Франкфурта-на-Майне и Антверпена, например, они жили годами. Франкфуртская морская корова погибла во время бомбежки, а в старейшем Гамбургском зоопарке у предшественника Гагенбека парочка пресноводных морских коров из Амазонки прожила целых тринадцать лет — с 1912 по 1925 год. Однако для посетителей это не очень-то интересные, скучные животные, постоянно замутняющие воду огромными массами фекалий и лежащие почти весь день без движения. Зато, правда, они неприхотливы и без особых трудностей переходят на другие, отнюдь не растущие в воде корма.

Так, самец морской коровы по кличке Уинстон Черчилль, принадлежащий частному зоопарку во Флориде и весящий восемь центнеров, поглощает ежедневно сорок килограммов картофеля, бананов, салата, помидоров и дынь. А вот лука он терпеть не может. Как он, так и его супруга откликаются на свои клички, подплывают к своему служителю, переворачиваются на спину, чтобы им чесали брюхо, и по команде «дают ласту». Вот только за температурой воды в их бассейне приходится зорко следить: если она опускается ниже пятнадцати—шестнадцати градусов, то дело может плохо кончиться. Однажды самец при таких обстоятельствах получил воспаление легких, и спасти его удалось только тем, что ему вкатили много миллионов единиц пенициллина.

Печальной известности *стеллеровы* коровы, которые вскоре после их открытия исчезли с лица Земли, были истреблены исключительно из-за человеческой глупости и алчности. А между прочим, именно они могли бы сейчас служить продуктивным источником питания для населения островов северных морей, живущего в весьма суровых условиях.

Стеллеровы коровы напоминали скорее слонов, чем коров. Выставленный в Ленинградском зоологическом музее скелет стеллеровой коровы (двухсотлетней давности) имеет в длину 7,5 метра, скелет южноамериканского

манати рядом с нею выглядит как ее детеныш. Этот северный вид морских коров был поистине гигантским: охват груди такой махины составлял более шести метров!

Русский мореплаватель и открыватель новых земель Витус Беринг открыл этих поразительных животных совместно с естествоиспытателем и врачом экспедиции Георгом Вильгельмом Стеллером, уроженцем города Виндегейма во Франконии (ФРГ). Обнаружили их впервые у Командорских островов, расположенных в ста восьмидесяти километрах от побережья Камчатки, в море между Азией и Северной Америкой. Позже они были найдены и возле острова Беринга (длина которого составляет около девяноста километров, а ширина — около двадцати километров), и также у острова Медного, размерами вдвое меньше Беринга.

Георг Стеллер имел тогда достаточно времени для тщательного наблюдения за этими чудо-животными, общую численность которых он определил примерно в 1500–2000 особей; ему, как судовому врачу, пришлось в 1741 году перезимовать там вместе со всей командой, тяжело страдавшей от цинги. Жилось Стеллеру там, мягко говоря, не слишком уютно, потому что даже летом наивысшие температуры в этих местах достигают всего лишь шести градусов в июне и двенадцати градусов в августе.

«По несчастной случайности я получил возможность в течение целых десяти месяцев наблюдать за образом жизни и повадками этих животных, — писал Стеллер в своей книге. — Они каждый день появлялись практически перед самой дверью моего жилища».

Стада морских коров паслись на мелководье, охотнее всего в местах впадения рек. Впереди двигался молодняк, но в момент опасности взрослые окружали его плотным кольцом. Доверчивы они были чрезвычайно. Сверх всякой меры. Человека они подпускали настолько близко, что с берега их можно было потрогать рукой. Даже подраненные, они через какое-то время возвращались назад.

Они только и делали, что паслись; голова их при этом всегда находилась над поверхностью воды, а на нее часто садились чайки. Зимой морские коровы сильно тощали; часто их сдавливало льдами, и они погибали.

Эти северные сирены были не только намного больше и мощнее своих сородичей, и по сей день обитающих в теплых водах. У них был и совсем другой кожный покров. Высушенные куски их кожи хранятся в русских музеях, а также в гамбургском. Кожа стеллеровой коровы была черной, неровной, сморщенной, притом жесткой, без какого-либо шерстного покрова, и сплошь пробуравлена мелкими вертикальными канальцами. Она скорее напоминала кору дерева, чем кожу животного. Один исследователь в Гамбурге несколько лет назад проделал следующий опыт. Он взял кусок этой сухой кожи (толщиной 6—7,5 сантиметра) и вновь размочил ее в воде. И что же? Оказалось, что одеяние северных сирен имеет неожиданное сходство с автомобильными покрышками по части эластичности и сопротивляемости! Такая кожа этим животным была совершенно необходима, иначе они, постоянно швыряемые волнами меж острых скал и льдин, слишком легко могли бы пораниться и погибнуть.

Уже Стеллеру удалось обнаружить, что в коже сирен поселяются какие-то «насекомые». Этих мелких ракообразных и сегодня еще можно найти в высушенных кусках кожи стеллеровых коров. Они сродни рачкам, паразитирующим на коже китов.

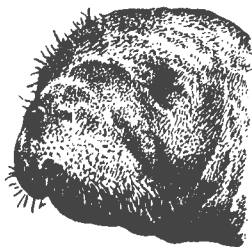
Мясо стеллеровой коровы было прекрасным на вкус. Его трудно было отличить от говядины. Вот что писал о нем Стеллер:

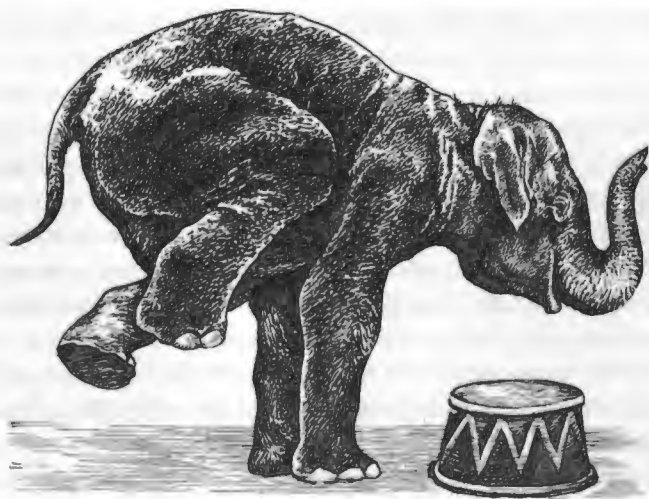
«Кишки, сердце, печенка и почки были жестковаты, и мы их выбрасывали; да мы в них и не нуждались, потому что у нас хватало мяса с избытком. Жир «телят» настолько напоминал свиное сало, что его просто невозможно было от него отличить. Но и у взрослых особей подкожный жировой слой, опоясывающий все тело, был «железистый»,

плотный, блестящий, белый, а если его подержать на солнце, становился желтым, словно масло. Жир этот и на вкус, и на запах превосходен и совершенно несравним с жиром других морских зверей; даже сало наземных четвероногих во многом ему уступает. Помимо того, что оно не портится на солнце и его легко сохранять даже в самые теплые дни, оно и от времени не прогоркает и не начинает дурно пахнуть. Вытопленное, оно очень сладкое и приятное на вкус, так что сало нам всем вполне заменяло сливочное масло. По своему вкусу оно, скорее всего, напоминало миндальное масло, и его можно было класть во все блюда, куда обычно кладут сливочное масло. В лампе оно горело ярко, без запаха и гари».

Подобные соблазнительные описания сыграли плохую службу северным сиренам.

С тех пор уже много воды утекло, и не только стеллерова корова, но и много других видов животных, живших до этого миллионы лет на нашей планете, были нами полностью истреблены и исчезли навсегда. Их больше уже *никогда* не будет. И если сейчас не вмешаются в это дело сознательные и энергичные люди, то в течение нескольких лет за исчезнувшими видами последует и много других замечательных и интересных диких животных, и их уже никто никогда не увидит на Земле, хотя нашим предкам, да и нам с вами, они были еще очень хорошо знакомы...

Глава тринадцатая

СЛОНОВЬЯ НОГА

Бывший директор Дрезденского зоопарка, доктор Инго Крумбигель, рассказывал как-то, что ему однажды совершенно случайно на ногу наступил слон. И что же? Оказывается, это вовсе не так уж страшно: ощущение такое, будто тебе опустили на ногу мешок с зерном.

Я вспомнил об этом, когда вместе с господином Прейсом, служителем слоновника, осматривал его подопечных. Взрослый слон весит добрых тридцать пять—сорок центнеров, а мешок зерна только около центнера. Разница довольно ощутимая, не правда ли?

— И тем не менее наступит, так почувствуешь, — сказал господин Прейс. — Очень даже почувствуешь! Тут у нас одному парню слон нечаянно придавил ногу, так он восемь недель в больнице провалялся!

Как же это понять? То больница, а то мешок с зерном? Тем не менее теоретически объяснить это совсем нетрудно. Слон при ходьбе наступает только на два передних

пальца, снабженных «копытами». Третий «палец» и «ступня» при этом земли не касаются, примерно так же, как это происходит у свиньи: она ведь тоже ходит словно бы «на цыпочках». «Пятка» же у слона похожа на мягкую, эластичную подушку. Слоновья нога круглая и напоминает по форме трамбовку для мостовой. Если попасть под передние «пальцы», то окажешься раздавленным в лепешку. Мягкая же «пятка» слона эластично «обтекает» неровности почвы: на попавшую под нее человеческую ногу ложится не целиком вес слона, а только небольшая его часть. Именно благодаря этим четырем мягким «подушкам» походка у такого колосса поразительно легкая и бесшумная.

Но теория теорией, а мне хотелось самому на практике проверить, как это получается.

Когда мы с господином Прейсом вошли в помещение со слонами, мощная индийская слониха послушно подбежала к нам на зов, словно собачка. Гораздо послушнее, чем любая лошадь на выгоне, подумал я. Ногу поднять? Пожалуйста! Слониха поднимала любую ногу, на которую мы указывали. Но стоило ей заметить, что я пытаюсь подсунуть ей под ногу свою, как она сделалась страшно осторожной и уже не опускала поднятую ногу полностью на землю, держа ее на весу. Никакие уговоры, ни нажимание, ни толкание не помогали: слониха просто не могла понять: чего этим людишкам от нее надо? Она с величайшей готовностью то скатывала, то расправляла хобот, чтобы продемонстрировать свое усердие. Пробовала даже встать на две передние ноги, подняв задние: вот смотрите, пожалуйста, что я умею!

Тем временем, заинтересованные происходящим, к нам подошли оба молодых слоненка ростом уже примерно с меня.

— А вот с этими будьте поосторожнее! — предупредил Прейс.— Они хоть и родились в зоопарке и считаются вроде бы ручными, но я, ей-богу, предпочитаю иметь дело с импортированными, дикими. Ведь этих «малышей» здесь, в условиях зоопарка, воспитывать очень трудно.

Они, как правило, бывают непослушные, дразнят и задирают служителей. Публике это страшно нравится: «Ах, какие прелестные резвые малютки!» Но на самом-то деле выступать в роли игрушки для молодых слонов — занятие не такое уж безопасное и безобидное. Даже в тех случаях, когда они не замышляют ничего дурного. Чтобы внушить уважение к своей персоне, разбушевавшимся слонятам надо дать ремня. Однако когда посетители видят нечто подобное, то среди них всегда оказывается несколько сердобольных, которые находят это «бессердечным», непедagogичным и т. д. Они тут же бегут жаловаться в дирекцию. Поэтому из таких вот «слоновых беби», уже отлично понимающих, сколь слаб против них на самом деле человек, вырастают весьма и весьма малопривятные экземплярики.

— Случались ли у вас какие-нибудь неприятности со слонами?

— Да, однажды мне слон Вастл, вон тот, что в одиночном загоне, там, напротив, расшиб своим бивнем голову до крови. Но это еще ничего. Прежний наш самец имел такую неприятную привычку: с приветливым видом подпускал человека поближе, а потом внезапно кидался в атаку. Наш теперешний хоть не скрывает своих агрессивных намерений!

Служитель подозвал к себе крупного африканского слона, но и тот не пожелал мне как следует наступить на ногу. Стеснялся. Так мне и пришлось уйти домой «неза-топтаным», но я утешал себя тем, что пополнил свой запас знаний новым опытом: оказывается, слон не так-то легко соглашается наступить на человека, разве что случайно. Но и в таком случае он постарается поскорее отдернуть ногу, прежде чем навалится на нее всей тяжестью.

Глава четырнадцатая

МУЗЫКАЛЬНЫ ЛИ ЖИВОТНЫЕ?

Несколькими годами позже я заинтересовался так называемыми «доильными концертами».

«Недалек тот день, когда мои предложения организовать трансляцию «доильных концертов» будут подхвачены и другими странами». Такими словами заканчивается изданная в Галле книга, принадлежащая перу дипломированного специалиста по сельскохозяйственным проблемам — инспектора по разведению домашнего скота. Называется она «Влияние музыки на повышение удоев молока у коров». Автор пытается в ней доказать на основе своих наблюдений, что некоторые, особенно «музыкально одаренные», коровы дают больше молока, если во время доения играть перед ними на скрипке или включать в коровнике патефон. Среди коров, которых он наблюдал в государственном скотоводческом хозяйстве Штровальде, по его словам, была одна, которая отдавала предпочтение пластинкам с ариями Карузо, а на частной ферме Билен

была другая, которой больше всего нравилась ария «О, девушка, девушка!» из оперетты «Фридерика». Но при этом нельзя животным проигрывать несколько раз подряд полюбившееся им музыкальное произведение — это может притупить их восприимчивость и они перестанут внимательно прислушиваться. Вот корова № 9, к примеру, была столь музыкальна, что, заслышав голос Карузо, даже переставала жевать; она поворачивала голову в сторону источника звука и замирала в такой позе до самого окончания музыки. Разумеется, можно было бы возразить, что доярки при музыкальном сопровождении, да еще зная, что несколько заинтересованных лиц наблюдают за их работой, выдаивают коров тщательнее и усерднее обычного. Возможно, и это играет какую-то роль.

«Однако тот, кто хоть раз наблюдал, — пишет инспектор по разведению скота, — как внимательно коровы прислушиваются к музыке и сколь взыскательны они в выборе музыкальных произведений, тот не станет оспаривать утверждение, что на молокоотдачу в данном случае влияет не доярка, а именно сама корова».

Ну, скажем прямо, в то, что коровы в сопровождении оркестра будут давать больше молока, тем более в течение длительного времени, в это я, простите, не верю. Но все же ясно одно: к музыке они далеко не безразличны. Правда, проводя эти опыты, следовало бы в какой-то момент вместо музыки включить резкую трель свистка и посмотреть, будут ли коровы также поворачивать голову на этот звук и прекращать жевать, то есть выяснить таким образом, привлекают ли их просто посторонние, незнакомые звуки или они действительно «музыкальны»?

А вообще-то еще исстари утверждалось, что животные небезразличны к музыке: вот Орфей играл же так чудесно на лире, что умирал этим диких зверей, и даже львы ложились смиренно возле его ног и роняли слезы умиления. А сказочному крысолову удалось заманить длинно-

хвостую рать своей игрой на флейте прямо в реку и утопить; и храбрый портной, попав в клетку к ворчливому медведю, так увлек его игрой на скрипке, что тот сам захотел научиться на ней играть и добровольно согласился засунуть лапы в тиски, чтобы ему укоротили когти... Да мы и по сегодняшний день верим в то, что индийские факиры «усмиряют» и «завораживают» кобр своей игрой на флейте, и те, сделав стойку и распустив капюшон, только покачиваются под музыку из стороны в сторону и не кусаются¹.

Уже у Брема можно прочесть, что в морской бухте Гой, на Оркнейских островах, тюлени, заслышав звуки церковного колокола, удивленно высовывают головы из воды и, подплыв как можно ближе, с застывшим от восторга взглядом внимают зачаровывающим их звукам. Один исследователь, посетивший пингвиний остров в Южной Атлантике, выяснил с помощью граммофона, что «настоящая музыка вызывала у птиц нечто значительно большее, чем простое любопытство».

Так как же — музыкальны животные или нет?

Пение соловья и трели жаворонка, висящего высоко в чистом небе, уже столько раз были воспеты нашими поэтами, что мы не смеем и сомневаться в выдающихся музыкальных способностях этих птиц. Многие люди, знакомые с нашими певчими птицами только по стихам и книжкам, ожидают услышать и в природной обстановке настоящие симфонические концерты и поэтому бывают обычно разочарованы. Если обратить их внимание на песню зяблика, они будут недоуменно пожимать плечами: это чириканье и есть знаменитое пение птиц? И тем не менее кого не тронет за живое нехитрая песня

¹ В то время как ученым уже давно известно, что змеи глухи и ориентируются при помощи тонко улавливаемого ими колебания почвы. Следовательно, никакой музыки они слышать не могут. (Примеч. пер.)

черного дрозда? Только слушать ее надо не на городском бульваре под аккомпанемент скрежета трамваев, для этого надо углубиться в зеленые сумерки уединенной рощи, и вот тут оно застигнет вас врасплох, это нежное пение!

Надо сказать, что приятное мелодичное стрекотание умеют издавать даже самцы цикад. Еще греческий поэт Ксенархос подметил:

Счастливы живут цикады,
Ведь у них немые жены...

Но, однако, никому не придет в голову назвать этих насекомых музыкально одаренными. И что вообще подразумевается под понятием «музыкальный»? Ведь даже в отношении человека это трудноопределимое понятие. Для этого необходимо иметь музыкальную память, то есть уметь запоминать определенные звуки, темп, ритм, тембр, отдельные мелодии и иметь представление о красоте звучания. И вообще испытывать интерес к музыке. Находим ли мы нечто подобное у животных?

Известно, что собаки Моцарта и Вагнера были отнюдь не безразличны к музыкальному творчеству своих хозяев. Правда, моцартовского пса лупили, когда он пытался своим вытьем вмешаться в создание очередного музыкального шедевра. Вагнер же, наоборот, признавал за своей собакой «право на критику». Он даже часто смягчал слишком громкие и возбужденные места в своих произведениях, раздражавшие собаку.

А вот у Бастиана Шмида была ручная лиса, имевшая обыкновение спать днем на коленях своего хозяина. Перед тем как заснуть, она, наподобие маленьких детей, делала глубокий вдох, заканчивающийся звучным протяжным вздохом. Когда хозяин молодого лиса (а это был именно лис, а не лиса) попробовал однажды подражать этому звуку, зверь поднял голову и удивленно на него

установился. Это побудило Шмида повторить звук, лис ответил, и вскоре они уже всюю обменивались такими протяжными подвываниями. Это надоумило хозяина попробовать перевести звук в другую tessitura. К его немалому удивлению, лис тоже перешел в ту же тональность, а час спустя уже усвоил целую октаву.

«Не то чтобы он сразу улавливал правильную высоту каждого отдельного звука; иногда он подвывал на полтона или на целый тон выше, иногда ниже, но интересно, что потом лис сам, один, повторял этот звук до тех пор, пока он не начинал соответствовать тому, что мычал хозяин. Через несколько дней лис начал сам воспроизводить от услышанного тона всю октаву и даже выходить за кварту через октаву. Он умел провить октаву от основного тона и наоборот¹. В общем и целом можно утверждать, что он владел почти двумя октавами, имитировал звуки, напеваемые хозяином, репетировал их про себя, а затем воспроизводил с большой точностью».

Ни одна из других двенадцати лис, содержащихся при доме, подобных способностей не проявляла. Когда же «поющему лису» привели самочку, то с пением было покончено; оно его совершенно перестало интересовать. Но как только самочка улизнула через дырку в сетке загона, лис охотно вернулся к прежним занятиям.

Владелец цирка Саррасани рассказывал, что в дни его юности в цирке выступал «поющий осел», пользовавшийся огромным успехом у зрителей и у него самого. Номер назывался «Ромео, единственный в мире поющий осел». Этот осел умел по команде издавать звуки, составляющие целую музыкальную фразу, чем и смешил публику до упаду.

Орнитолог Кунц еще много лет назад заметил, что если черному дрозду, живущему у него в клетке, проигрывать ре-мажорные и ля-мажорные аккорды, то это

¹ Речь идет о скачках в голосе, о варьировании одной и той же интонации в более высоком или более низком регистре. (*Примеч. пер.*)

вызывает у него радостное, порой даже бурное возбуждение, в то время как на другие аккорды он почти не реагировал. Когда Кунц переходил на соль, мажор и до, мажор, ажиотаж у черного дрозда постепенно пропадал, но зато сразу же вступал сидящий в соседней клетке кенар (словно он только и ждал этой минуты) и сопровождал музыку своими раскатистыми руладами. Заунывные песни черный дрозд сопровождал сентиментальным, тягучим «аккомпанементом». Но стоило зазвучать жизнерадостным, веселым, маршевым мотивам, как он тотчас же оживлялся и начинал форменным образом ликовать, издавая какой-то восторженный писк. Больше всего ему, кажется, нравились вальсы, хотя ни о каком настоящем соблюдении ритма с его стороны не могло быть и речи.

Птицы поют иногда совершенно самозабвенно. Так, горихвостка-чернушка в течение одной минуты может издавать до десяти своих переливчатых трелей. Если птица за тот же промежуток времени пропоет только шесть раз, то у нее остается еще возможность в перерывах между пением погоняться за летающими насекомыми. Но и в этом случае она во время своего пятнадцатичасового «рабочего дня» ухитрится пропеть пять тысяч четыреста раз! Так что эту маленькую пичугу с полным правом можно именовать «выдающейся певицей».

То, что у птиц хорошая, музыкальная память, доказывают нам так называемые «пересмешники», встречающиеся среди пернатых не так уж редко. Это в первую очередь скворец, сорокопут-жулан, красноголовый сорокопут и камышевка болотная — рекордсмены по «передразниванию», то есть подражанию чужим голосам. Настоящие пародисты среди них — это наши волнистые попугайчики и, разумеется, крупные попугаи разных видов.

Доктор Зигрид Кнехт из Вены взяла на себя труд заниматься пением птиц с научной точки зрения. Она проделывала с птицами те же опыты, что раньше с собаками,

рыбами и другими животными. Исследовательница приучила своих канареечных выюрков, волнистых попугайчиков, чижей, щеглов, канареек, коноплянок и клестов к тому, что каждый из них получал свой корм только при звучании определенного тона. Звуки эти производились с помощью камертона или специальных свистков. Вскоре птицы привыкли подскакивать к своей кормушке только при звучании сигналов соответствующей высоты, потому что при всех других сигналах крышка кормушек оказывалась закрытой. В этом нет ничего необычного, потому что каждый, кто содержал когда-нибудь кур, знает, как несложно приучить их прибегать со всех сторон на обычный зов «цып-цып-цып», которым сопровождают их кормление, а голубятники знают, как свистом созвать свое пернатое стадо из небесной вышины.

Некоторые птички выучивали свой «дрессировочный звук» уже с десятой пробы; другие, совсем «глупые», не могли ничего сообразить и после трехсот раз. Услышав похожий звук, но более высокой или низкой тональности, птицы поначалу пытались все же добраться до корма. Но, поняв безнадежность своих попыток, вскоре научились хорошо распознавать «чужие» тона и проявлять к ним полнейшее равнодушие (даже в тех случаях, когда высота производимых звуков постепенно все больше приближалась к их «кормовому»). Были отдельные экземпляры, которые могли отличить терцию, секунду, даже четверть и восьмую тона и даже еще меньшую разницу! Подобная способность птицы распознать нужную высоту тона весьма удивительна, потому что ей при этом приходится сравнивать только что услышанный звук с тем, который она хранит в памяти. А это не так просто.

Следовательно, можно утверждать, что птицы обладают абсолютным слухом. Это значит, что они могут запоминать определенные звучания на более или менее продолжительное время. Такой способностью, как показали опыты, обладают также собаки, рыбы, саламандры и не-

которые другие животные. У большинства же людей, как у музыкальных, так и немusикальных, такая способность утеряна. И только у маленьких детей, с которыми проделывали аналогичные опыты, оказывался абсолютный слух. Некоторые музыкально одаренные взрослые тоже могут его у себя развить.

Утверждалось, что певчие птицы не в состоянии повторить какую-нибудь мелодию в другой тональности, то есть выше или ниже пропетой. В музыке это называется транспонированием. Но Зигрид Кнехт доказала, что это не так. Ведь попугаям разные люди напевают одну и ту же мелодию отнюдь не всегда в одной и той же тональности хотя бы уже потому, что у всех людей разные голоса и нет абсолютного слуха. И тем не менее попугай воспроизводит этот мотив. Кроме того, уже не раз наблюдалось, как птицы начинали музыкальную фразу чересчур высоко, так что самые высокие тона выходили за пределы их голосовых возможностей. И что же? Они тотчас же прерывали пение и начинали сначала в нужной тональности.

И на воле можно наблюдать отдельных синиц, иволгу и других птиц, поющих свою привычную песню в различной тональности. Подтвердить такую способность к транспонированию удалось и опытным путем. Волнистый попугайчик был приучен искать свой корм только при звучании определенной терции. Уже при кварте он оставался равнодушным, потому что ничего не получал. Вскоре птица сообразила, что получает корм только при терциях, независимо от тональности, и перестала обращать внимание на кварты той же тональности. Отсюда следует, что птицы вполне способны транспонировать, что у людей считается признаком «музыкальности». Просто они этим редко пользуются, потому что, в отличие от людей, обладают абсолютным слухом.

Как далеко заходит способность даже самых обычных певчих птиц имитировать чужие голоса, можно просле-

дить на забавном примере с полевыми жаворонками, обитавшими возле шоссе между Кремлингенем и Ведделем, в Брауншвейге. Было это в 1922–1923 годах, когда многие автомобили имели модные в то время клаксоны, издающие протяжный, пронзительный звук. Живущие слева и справа от шоссе жаворонки вскоре начали издавать резкие, пронзительные свисты, абсолютно точно копирующие сигналы автомобильных клаксонов. Но уже в отдаленной на два километра от шоссе деревне Веддель подобное звукоподражание встречалось значительно реже, а после того как резкие звуковые сигналы у автомашин были заменены другими, оно совсем исчезло.

Еще на одном волнистом попугайчике доктор Кнехт проверяла, может ли он распознать свой «кормовой звук», исполненный на других инструментах. Свистки и камертоны были заменены инструментами с другой звуковой окраской, например скрипкой и гармонью. Птица узнавала привычный звук, но лишь в тех случаях, когда его издавал инструмент, почти лишенный обертонов и наиболее приближающийся по звучанию к привычному свистку. Больше всего этому соответствовали звуки концертной флейты или извлекаемые из щипковых инструментов. Звуки, производимые на гармонии и в особенности на виолончели или скрипке, узнавались с трудом, поскольку трение смычка о струны искажало звуковую окраску.

Отдельные мелодии, напеваемые певчими птицами, для нашего уха столь привлекательны, что Моцарт и Бетховен использовали их даже в своих музыкальных произведениях. И в то же время поразительный слух этих животных труднообъясним. Ведь строение слухового аппарата у птиц гораздо примитивнее, чем у человека. Да и части головного мозга, отвечающие за переработку воспринятых ухом слуховых раздражителей, устроены значительно проще, чем у нас. Базилярные волокна, которых в нашем слуховом аппарате двадцать четыре ты-

сячи, действуют наподобие струн, и каждая такая струна колеблется в соответствии с определенным тоном. У птицы же только тысяча двести таких базилярных волокон. И тем не менее нет ни малейших сомнений в том, что птиц и в нашем понятии, безусловно, можно считать музыкальными.

Глава пятнадцатая

КАК ОТ НИХ ИЗБАВИТЬСЯ?

Клопы — это красивой формы и прекрасной расцветки насекомые; но, к сожалению, приятное впечатление от первого знакомства пропадает, как только узнаешь об их дурных повадках...

Доктор Мензе

Между прочим, поближе познакомиться с жизнью и повадками этого маленького красивого насекомого вовсе не так просто. Каждый, кого о нем ни спросишь, начинает возмущенно отрицать, что когда-либо имел с ними дело... А между тем работники дезбюро утверждают, что до победного шествия инсектицидов эти насекомые сидели в каждой третьей квартире большого города. В 1934 году даже в верхней палате лордов дискутировался вопрос о клопах: дело было в том, что по их милости пришлось закрыть на три дня один из самых больших отелей в Лондоне. А епископ Винчестерский рассказывал, например, что святые

отцы, обследуя кварталы бедноты в индустриальных центрах, обнаружили, что в теплые летние ночи по улицам слоняется масса малолетних ребятишек. Будучи опрошенными, малыши заявляли, что на улицу их послали родители, потому что полчища клопов все равно не дадут им уснуть... Когда однажды в Стокгольме планомерно были обследованы три тысячи фургонов для перевозки мебели, то оказалось, что не менее сорока семи процентов из них заражено клопами!

Правда, многое из того, что приписывают этим самым верным и постоянным из наших домашних животных, — злой вымысел. Например, то, что они якобы могут издав далеко «учуять» свою жертву и приползти, с тем чтобы кровожадно на нее наброситься. Когда это перепроверили, оказалось, что голодные клопы способны реагировать на запах человеческого тела лишь на расстоянии, не превышающем двух с половиной сантиметров.

По всей вероятности, они находят нас благодаря своей способности запоминать местность. Клопы ведь обычно следуют одними и теми же проторенными тропами к нашей постели, а иногда даже весьма окольными путями. Просто мы этого не замечаем, потому что нежимся в это время в безмятежных снах. Именно поэтому клопов довольно легко бывает «провести». Достаточно только передвинуть свою кровать в другой угол комнаты (разумеется, очистив ее предварительно от клопов), и тогда может пройти целых три недели, прежде чем они снова отыщут свои охотничьи угодья. Правда, к этому времени они бывают уже настолько изголодавшимися, что несчастной жертве тут уж несдобровать! Голодного клопа невозможно отпугнуть даже включенной на всю ночь лампой, и ни «порошки от насекомых», ни втирания в кожу различных «отпугивающих мазей» не в состоянии усмирить их боевой дух.

Надо сказать, что клопы весьма выносливые ходоки. Ежедневный, вернее, еженочный марш на расстояние

двадцать метров — от места своего поселения под обоими до спящего человека — их несколько не утомляет. Хороший клопиный спринтер может пробежать четыре метра за минуту, в то время как вошка (для сравнения) за то же время проползет не больше тридцати трех сантиметров.

Неправда и то, что клопы способны голодать десятками лет. Если они предварительно досыта напьются крови, то в хорошо натопленной комнате могут просуществовать без еды в лучшем случае тридцать восемь недель. А вот в очень холодных помещениях они впадают в анабиоз и в состоянии спячки действительно способны прожить значительно дольше. Во время вынужденных голодовок клопы почему-то заглатывают воздух, и весь кишечник у них бывает наполнен воздушными пузырьками. Между прочим, такие вот «голодовочные пузырьки» могут служить важной уликой, когда квартиросъемщик судится с хозяином дома, доказывая, что не он «затащил» клопов, а что они были тут старыми, давнишними постояльцами.

Правда ли то, что клопы «сознательно» вползают по стене на потолок, чтобы оттуда упасть на кровать (в тех случаях, когда ножки ее специально поставлены в плоскости с водой), — об этом можно спорить. Иногда действительно наблюдается самый настоящий «клопиный дождь», падающий с потолка и состоящий обычно из недавно вылупившихся из яйца личинок, но приписывать это их особой «хитрости» не приходится. То, что клопы зачастую срываются с потолка, в особенности если внезапно зажечь свет, можно наблюдать и вдали от кровати. Просто их постоянное местожительство находится обычно где-то вблизи постели, и упавших с потолка насекомых бывает легче обнаружить на белом постельном белье, чем на темном ковре или полу. Следовательно, не смывленность или хитрость толкают их на такие головокружительные прыжки. Но одно совершенно верно: если хочешь спокойно спать в помещении, зараженном клопами, то

недостаточно обезопасить себя снизу, поставив ножки кровати в воду, надо и сверху оградить себя от «парашютистов». Один находчивый человек приладил над кроватью каркас, обтянутый оберточной бумагой, края которого были смазаны клеем для мух. Таким образом ему удалось полностью избавиться от нашествия клопов.

Клопы далеко не всегда бывают цвета благородного красного дерева. После выхода из яйца их личинки (которые внешне выглядят совсем как взрослые насекомые, только намного меньше) прозрачно-белые, с темно-красными глазками. Но как только они насосутся нашей крови, то становятся похожими на странствующие красные ягоды. Среди взрослых клопов встречаются удивительно красивые, глянцевого, желтовато-коричневого, точно лакированные особи. А иногда, правда очень редко, восторженному исследователю клопов попадает экземпляр и с ярко-красными ножками. Если свежеслупившихся клопов поместить сразу же на холод, то они становятся иногда огненно-красными и потом очень постепенно и медленно приобретают свою обычную бордовую окраску.

Плодовитая самка клопа откладывает в день по два-три яйца, а за всю жизнь — триста пятьдесят. Эти маленькие белые яички покрыты особой слизью и легко приклеиваются к чему угодно. Если их соскрести, они упадут и будут свободно кататься по полу, но стоит их только смочить водой, как они тут же снова к чему-нибудь приклеиваются. Каждое двадцатое из яичек — пустое, неоплодотворенное. И хотя это обстоятельство волнует нас отнюдь не так остро, как неоплодотворенные куриные яйца, энтомологам все же до сих пор не удалось выяснить причину, от которой это зависит. На каждом клопином яичке сверху маленькая аккуратная крышечка. Когда личинка выкарабкивается наружу, эта крышечка еще некоторое время остается у нее на голове в виде залихватского берета или каскетки, которые прежде носили наши студенты. Эти

клопные студентики гонимы одним только желанием: как можно скорее напиться крови. Одной «заправки» им вполне достаточно, чтобы безбедно дожить до следующей линьки. Третий хитиновый панцирь не растет вместе с клопным телом и поэтому ломается, и его приходится сбрасывать. Такая линька для подросткового клопа — дело отнюдь не простое и не приятное. В какой-то определенный момент он накачивает в себя как можно больше воздуха, выгибает спину, а голову подгибает под себя. Старая кожа ломается по совершенно определенному «шву», и клопик выползает из нее в своем новом, пока еще мягком панцире. При этом ему надо торопиться, пока новая «одежда» еще не застыла и не затвердела. Иногда случается, что с какой-то одной ноги никак не слезает «чулок», и молодой клоп либо становится инвалидом, либо вынужден таскать свою старую одежду повсюду за собой. То, что мы обычно принимаем за «мертвых» клопов, — это, как правило, лишь их пустые оболочки.

Пройдя через пять линек, клоп становится наконец взрослым и половозрелым. На спине у такого клопа можно разглядеть два рудиментарных крыла в виде едва заметных бугорков, абсолютно бесполезных для этого насекомого. Однако верная традициям природа оставила их на память клопу, чтобы не забывал, что когда-то и он, подобно другим насекомым, был способен летать.

Кстати, у наших «постельных» клопов есть много близких родичей, из которых большинство умеют летать, ярко окрашены, не воняют и не сосут крови.

А что касается линек, то для ученых-энтомологов уже не секрет, что именно побуждает клопов менять кожу. Если оторвать клопу голову, он будет спокойно и радостно жить дальше без головы. Более того, безголовый иной раз проживет дольше, чем его братья с головами. Но линять он уже не будет никогда. Почему, интересно? Может быть, для того, чтобы выбраться по всем правилам искусства из собственной шкуры, требуется хоть капля мозгов?

Вовсе нет. Просто рядом с головным мозгом у клопа расположена специальная железа, вырабатывающая «линный» гормон, который через определенные интервалы времени выделяется непосредственно в кровь. Именно этого гормона безголовым и не хватает. Если же безголовому клопу ввести кровь нормального клопа, то он тотчас же начнет сбрасывать свое одеяние. Более того, если молодого клопика, не достигшего еще и первой линьки, накачать кровью взрослого клопа, он буквально на глазах начнет превращаться во взрослого клопа-скороспелку, абсолютно схожего по форме с половозрелой особью. Даже обрубочки крыльев на месте!

А вообще-то должно пройти целых два месяца (летом иногда достаточно и одного), чтобы молодой клопик вырос и мог бы приступить к откладке яиц. Клопиная жизнь длится примерно три четверти года. Если клопу особенно повезет, он может прожить и полтора года, а чтобы эта жизнь могла считаться счастливой, она должна состоять только из двух вещей: сосания крови и сна.

Надо сказать, что такими уж кровожадными наших верных спутников не назовешь — это не комары. Кровь они сосут примерно только раз в десять дней. Но если уж они накачались крови и из плоских, словно бумажка, превратились в шарик, то это означает, что вес их удвоился, а у личинок увеличился даже впятеро! И тем не менее это только сотая часть грамма крови; так что такой «кровопивец» не больно-то много может ее у нас высосать! Как видите, и здесь ничего не сделаешь в одиночку — нужны объединенные усилия.

Один исследователь, самоотверженно предоставивший свою собственную руку ста голодным клопам, зафиксировал после этого у себя учащенное сердцебиение и нарушение зрения. Но это были последствия не потери крови, а вызывающего зуд клопиного яда, который эти маленькие противные вонючки впрыскивают в проколотую ранку. Сам укус практически неощутим, в особенно-

сти во сне, потому что хоботок клопа в пятьсот раз тоньше самой тонкой медицинской иглы для инъекций. Но привыкнуть к клопину яду, в отличие от многих других ядов, по-видимому, абсолютно невозможно. Исследователь, проводивший эти опыты, давал себя кусать клопам сто тысяч раз, и все равно каждый раз на его коже появлялись неприятные красные зудящие волдыри.

И тем не менее есть люди, которые совершенно не замечают клопных укусов. Примерно каждый пятый человек от природы совершенно невосприимчив к клопину яду, а у кроликов и некоторых других млекопитающих никогда не бывает волдырей. Один биолог, находясь в комнате своих знакомых, поймал там в течение часа девятьсот восемьдесят клопов. Четыре человека, постоянно ночевавшие в этой комнате, уверяли, что они и понятия не имели о том, что помещение кишит клопами. И правда — ни малейших следов укусов на них не было обнаружено! Мне кажется, что и сам я тоже принадлежу к этому «клопиноустойчивому» сорту людей. Мне ни разу еще не приходилось обнаружить на себе клопного укуса, несмотря на то что я, вне всякого сомнения, не раз ночевал в квартирах, зараженных ими.

Но убеждение, что это кровожадное племя предпочитает людей со «сладкой» кровью всем остальным и тех, других, не трогает, — это самые обычные «клопные сказки». (Нечто подобное известно о вшах и блохах.) И если в двухспальной постели по утрам только один просыпается искусанным, то это говорит лишь о том, что на второго клопный яд не действует, потому что клопы — все что угодно, но только не привереды. И хотя существуют особые «голубиные» клопы и «свинячьи» клопы, тем не менее наши постельные постояльцы отнюдь не гнушаются голубиной кровью; в случае крайней нужды они могут перекочевать и в воробьиные гнезда, правда без особого удовольствия. Даже ящерицы, лягушки и змеи могут стать жертвами (или донорами) клопов и вынуждены снабжать

их своей холодной кровью, в особенности когда эти холонокровные животные содержатся в теплых помещениях и температура их тела от этого повышается.

Откуда, собственно говоря, появились у нас клопы? Раньше подозревали, что это Индия нас ими «наградила». Но, оказывается, нет. Там они встречаются только в портовых городах, и прежде всего в европейских кварталах. То же самое можно наблюдать и в Японии или на Малайских островах. И вообще создается впечатление, что эти «бордовые конфетти», несмотря на всю свою теплолюбивость, избегают настоящего тропического климата. Это, разумеется, вовсе не означает, что в тропиках нам гарантирован не нарушаемый клопами ночной покой. Просто там другой вид клопов заботится о том, чтобы мы по ночам не скучали!

В Америку клопов заташили лишь в XVI веке; в Швеции они не были известны вплоть до 1807 года, а немецким домашним животным они стали примерно к 1100 году. Так, дочка пфальцского курфюрста, по имени Лизелотта, жена герцога Филиппа Орлеанского, брата Людовика XIV, описывала в своих многочисленных письмах домой обстановку, царящую при тогдашнем французском дворе, притом откровенно и со всеми подробностями. Она сообщала, например, что во дворце Сен-Клу не могла спать от нашествия клопов. И единственным утешением служило ей сознание того, что дочери ее, королеве Сицилии, в своей постели спалось ничуть не лучше.

Но настоящей прародиной клопов были, видимо, страны Средиземноморья, потому что там уже в Древней Греции лекарь Диоскурид давал следующие рекомендации, предохраняющие от укусов змей: «Надо посадить семь клопов на бобовую пищу, а потом проглотить их перед восходом звезд». Однако еще раньше клопы были, по-видимому, паразитами летучих мышей, перешедшими затем на новых обитателей пещер — доисторического человека.

Исследователи, которым необходимо раздобыть побольше клопов, изобрели весьма коварный способ их отлова. Когда такая вот коричнево-бурая колония мирно поселяется где-нибудь на стене, хитроумный охотник растялает возле нее на полу мокрую тряпку и куском твердого картона одним махом сгребает всю компанию со стены на пол. Попад на мокрое, клопы через короткое время становятся почти парализованными. И тогда их можно в спокойствии душевном собирать в банку. Дело в том, что клопы совершенно не выносят сырости. Попад на какую-нибудь сырую поверхность, они начинают ползать на высоко поднятых лапках, словно балансируя «на цыпочках», чтобы, не дай бог, не замочить брюшка! Тот, кто хочет подольше сохранить клопов у себя в лаборатории, должен их аккуратно, пинцетом, брать за ножки, а не поперек туловища: нажатие на брюшко может нанести им непоправимый вред. Нельзя одновременно держать в банке более трехсот особей. Кормят их следующим образом: засовывают в стеклянную трубочку (предусмотрительно обернутую в черную бумагу для затемнения), открытый конец которой прижимают к руке. Через десять — пятнадцать минут клоп насыщается. Тот, кому неохота самому выступать в роли донора, может для этой цели приспособить мышей. На одном мышинном хвосте могут столоваться за один присест сразу сто клопов.

Разумеется, не из всеобъемлющей любви к животным ученые занимаются разведением клопов в лабораторных условиях. Делается это затем, чтобы как можно лучше изучить биологию и образ жизни этих узников и изыскать наиболее эффективные методы борьбы против их братьев, живущих на воле.

Так, удалось, например, выявить, что клопы довольно плохо переносят холод. При -18°C они в течение пяти минут все до одного отправляются к своим клопиным праотцам. Несколько дольше остальных выдерживают холод «подростковые» клопики. Яйца же значительно чув-

ствительнее как к холоду, так и к жаре. Таким образом, есть возможность очищать дома от клопов путем промораживания помещений. Однако внутри помещений температура редко может достичь -18°C , тем более проникнуть при этом во все щели. Но выяснилось, что и жара противопоказана этим вонючкам. Если продержать их при температуре 45°C в течение пятнадцати минут, то они все передохнут. Правда, у нас в стране почему-то редко используют подобную возможность испортить жизнь клопам. Во-первых, для этого надо плотно закрыть комнаты и натопить в доме так, чтоб чертям стало тошно. Кроме того, нужно, чтобы горячий воздух не скапливался под потолком, а равномерно проникал во все закоулки. А для этого необходимы специальные переносные печки со встроенными вентиляторами. Такие «горячие воздушные налеты» на клопов — самый новейший метод борьбы с этими паразитами.

Дальше. Владельцам «клопиных ферм» удалось выявить, что у их шестиногого стада имеется целый ряд естественных врагов в природе. К ним относятся некоторые синицы, книжные ложноскорпионы, но главным образом тараканы. Однако разводить тараканов для борьбы с клопами — это все равно что изгонять беса дьяволом. Да к тому же способ не слишком-то надежный. Вот клещики пузатые, к примеру, хотя и нападают на клопов, но на человека, к сожалению, тоже. В Греции, например, был случай, когда удалось расправиться с клопами при помощи определенного вида пауков. Между прочим, когда нашего обычного паука посадили однажды в банку с двумя клопами, он, ничтоже сумняшеся, тут же их высосал.

Энтомологи, изучающие клопов, долгое время придерживались мнения, что самцов у них бывает больше, чем самок. Но это заблуждение. Просто более подвижные клопину «дамы» ловчее и глубже прячутся в щели, поэтому их и ловят реже. Но если подсчитать свежесвы-

лупившихся клопов, то там на каждую клопину «барышню» приходится по одному бравому клопину «юнцу».

Клопы пробираются практически повсюду, куда только захотят попасть. Даже по оконному стеклу, особенно загрязненному, они с легкостью способны проползти. Если им что-то помешает, они попросту отрываются и падают вниз. Правда, приземляются при этом, как назло, обычно на спину. Поэтому каждый клоп обязан постигнуть нелегкое искусство уметь переворачиваться со спины на брюшко. Для этого существует пять способов (которые один исследователь наблюдал уже двадцать лет назад и подробнейшим образом описал).

О, они неутомимы и бесконечно находчивы, эти насекомые, в своем стремлении проникнуть в наши мирные жилища! И ничего нет позорного в том, что у кого-то в квартире завелись клопы. Я вот сам готов честно признать, что въехал однажды в квартиру, зараженную клопами. Разумеется, все мы очень перепугались, обнаружив подобный сюрприз. Но еще хуже то, что нам пришлось вынести обработку квартиры серным диоксидом, проделав которую заставили хозяина дома. Целую неделю вся квартира воняла этой мерзостью, и полмесяца все мы были вынуждены спать с открытыми окнами, хотя на дворе был уже ноябрь. Кроме того, выцвели некоторые скатерти и покрывала, потускнела обивка мебели. К счастью, на сегодняшний день помимо серного диоксида (которым, кстати, еще Одиссей после своего возвращения выкуривал настырных «женихов») появились гораздо менее едкие и неприятные для нашего носа газы, например этиленовый диоксид и другие. Но что совершенно неоспоримо, так это то, что против клопов следует пользоваться именно этими новейшими средствами (загазовыванием или горячей воздушной атакой), а не допотопными. А смазывание стен небезызвестным колоцинтовым соком или подмешивание его в клейстер для обоев помогает как мерт-

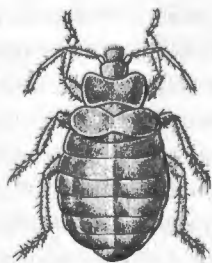
вому припарки: он не отпугивает, не убивает и не привлекает клопов. И вообще все порошки и опрыскивания достигают своей цели только в тех случаях, когда попадают непосредственно на тело клопа. Но кто же способен разыскивать каждого отдельного клопа в его потайном укрытии?

Клопы в квартире — это отнюдь не признак нечистоплотности хозяев. Клопы ведь не ищут грязи: они ищут крови. Поэтому никакая тщательная уборка, мытье полов, вытирание пыли, чистка и натирка мебели им нипочем. А что в кварталах бедноты клопов больше, чем в богатых виллах, объясняется не загрязненностью жилищ, а их ветхостью, обилием щелей в стенах и полу. Но прежде всего это объясняется скученностью, теснотой, тем, что в одной комнате спит сразу помногу людей и клопам, таким образом, предоставлен богатый и удобный выбор жертв. Являясь там постоянной помехой ночного сна, клопы усугубляют развитие многих болезней, и прежде всего туберкулеза.

Являются ли клопы переносчиками инфекционных заболеваний, долгое время еще не было доказано. Сам укус в этом отношении более или менее безопасен, страшнее гораздо микробосодержащие испражнения клопа, которые при расчесывании места укуса могут попасть в ранку.

Никто на свете не может защитить свое жилище от проникновения клопов. Их можно затащить в дом с любыми слесарными и плотницкими инструментами, со строительным материалом, оставшимся после разрушения старых построек, с антикварной мебелью; квартируют они и в мягкой внутренней обивке фургонов для перевозки мебели. Более того, если они голодны, они просто-напросто поднимутся по наружной стене дома и вползут к вам через окно. Однажды уже видели, как клопы, словно канатоходцы, перебирались по телефонным проводам с одного конца двора в другой!

Как видите, действительно нельзя считать позором то, что в вашей квартире вдруг появились клопы. Надо только тотчас же браться со всей серьезностью за их выкуривание. Для этой цели необходимо обратиться в дезбюро, вызвать к себе специалиста с газовым баллоном или печью для прокаливания стен, а не стараться обойтись порошочками и мазилками.

Глава шестнадцатая

«МАРТЫШКИНА ЛЮБОВЬ»

Целых четыре недели детеныш шимпанзе виснет на теле своей матери, вцепившись в ее теплую шерсть и надежно укрывшись от посторонних взглядов. И несмотря на то что мамаша старается придерживать его рукой, малышу приходится изо всех сил цепляться, чтобы не упасть во время ее прыжков. (Известно, что и мы с вами сохранили по сию пору остаток этого обезьяньего искусства: уже пятьдесят лет назад ученым удалось установить, что мы сразу же после рождения способны намертво ухватиться за палку и повиснуть на ней, если ее поднимут кверху!)

На ночь шимпанзе Сюзи укладывается на спину и скрещивает ноги и руки на животе таким образом, что видна лишь одна головка детеныша. Когда Сюзи днем сидит в своем углу, маленькая детская пушистая белая попка тоже опускается на пол, но ручки все равно судорожно держатся за материнскую шерсть.

Потом Сюзи начинает понемногу приучать дочку к самостоятельности — чуть отодвигается в сторону, и той приходится без посторонней поддержки ползти к ней. Но мамаше этого мало. Вскоре она хватает своими длинными черными руками, такими страшными на вид, но в данном случае нежными и осторожными, своего детеныша за его тонюсенькие лапки и заставляет идти впереди себя. Может быть, ей, как и многим человеческим мамашам, не терпится дождаться, когда же малыш самостоятельно встанет на собственные ножки? Во всяком случае, несколькими днями позже она держит его уже только за одну ручку, а он, неловко перебирая ножками, старается поспеть за ней. Картина необычайно трогательная для каждого, кому это удастся увидеть.

А упражнения в ходьбе продолжают. Сюзи сажает своего детеныша посреди клетки, а сама отходит в дальний угол и манит его к себе. Малюсенькому существу ужасно страшно и хочется поскорее уткнуться в материнский «подол». Но проползти такое большое расстояние одному? Нет уж. И детеныш делает то, что делают все детки в подобных случаях: остается сидеть на месте и истошно вопит. Сердце не камень, и Сюзи, не выдержав характера, подбегает к крикуну, берет его на руки и быстро успокаивает. Но час спустя она пробует снова, и материнское терпение берет верх над нерешительностью маленького трусишки.

Какой-нибудь господин Майер, посетитель Франкфуртского зоопарка, стоящий в это время всего в каких-нибудь двух метрах от решетки и наблюдающий эти сценки семейного счастья, даже не подозревает, какая редкостная удача выпала на его долю (притом всего за две марки!). Ведь десяткам охотников, исследователей и ловцов диких животных приходится по целым неделям красться по чащобе девственного леса вслед за человекообразными обезьянами, чтобы получить возможность пристрелить одну из них или накрутить хотя бы пару то-

ропливых метров киноплёнки. Наблюдение же, подобное этому, подтверждающее возможность размножения человекообразных обезьян в неволе и воспитания ими своего потомства, автоматически снимает все возражения, возникающие у отдельных лиц против содержания этих животных в зоопарках.

Лазить детеныш шимпанзе пускается более бесстрашно. Но тут Сюзи держится начеку, не отходит от него и не терпит никакого удалства: как только малыш залезает на высоту полметра, она недолго думая сразу же хватается за него и сажает на пол. Если же вылазки детеныша делаются слишком опасными, шимпанзиха кладет его на спинку, прижимает своими могучими руками к полу и, приблизив к его личику свой огромный рот, явно «страшает». Правда, маленький озорник быстро научается шлепать своими крошечными ручонками по материнскому лицу, хватать мать за нос и уши. Когда он при этом царапает ее своими отросшими коготками, она, невзирая на его отчаянное сопротивление, хватается за ручки и заботливо откусывает ногти один за другим.

Но интереснее всего игра, которой забавляются мать и дитя, когда малышка уже начинает бегать. Детеныш подходит к матери, дотрагивается до нее рукой и пытается убежать. Но шимпанзе протягивает свою длинную руку и успевает в последний момент ухватить беглеца за тонкую, брыкающуюся ножонку. Маленький шалопай до того бывает увлечен этой беготней, что оба смеются до упаду и ни один не согласен первым прекратить эту возню. А я-то думал, что игра в «салочки» или «пятнашки» — человеческое изобретение! Когда жившая у меня в доме «девочка»-шимпанзе Улла готова была часами самозабвенно играть в такую игру, я считал, что этому она научилась у моих ребят.

Посетители зоопарка, в особенности если среди них есть молодые мамы, наблюдая подобные сценки, часто восхищаются: «Ну прямо как у людей!»

Но если хорошенько подумать, то можно ли подобные действия причислять к «человеческим»? Ведь под это понятие подходят только те действия, которые свойственны одному лишь человеку, и никому больше. А такие явления, как перелом ноги, утоление голода, отнюдь не чисто человеческие особенности. Такой особенностью можно считать, к примеру, следующее: совершая какое-то действие, задумываться о его возможных последствиях. Животные же, в данном случае человекообразные обезьяны, хотя и способны действовать разумно, но это только самые первые, скромные зачатки разумной деятельности. И если мамаша-шимпанзе поначалу дает своему детенышу только крошечные кусочки банана, то делает она это не потому, что «знает», что он еще не в состоянии переварить такую пищу. Делает она это чисто инстинктивно, бессознательно.

Любители животных часто обижаются, когда утверждаешь нечто подобное. Но они забывают при этом, что и человек, слава богу, не всегда и не во всем действует по велению рассудка. У нас тоже сохранились инстинкты, и нет ничего глупее считать их чем-то низменным и недостойным человека. Наоборот. Мне кажется, что именно эти древние как мир инстинктивные проявления и украшают по-настоящему нашу жизнь; это то, ради чего и стоит жить: любовь мужчины и женщины, влюбленность, супружеская верность, материнская любовь, дружба, защита семьи или общества, тоска по родине... Мы не потому встречаемся с любимой под черемухой, чтобы в будущем обеспечить себя хозяйкой для приготовления обедов, а потому, что нас тянет к ней неведомая сила. Мы не потому заводим детей и растим их, чтобы не платить налог за бездетность или обеспечить себе поддержку в старости. На это нас тоже толкает внутренняя потребность, и мы испытываем радость и удовлетворение от исполненного долга. А вот когда в эти инстинктивные чувства вмешивается холодный человеческий расчет, когда некий госпо-

дин Шульце к влечению своего сердца примешивает еще и заботу о хорошем приданом — вот тогда они, эти чувства, действительно лишаются всего того благородного, что первоначально было в них заложено. Так что заложенные в нас «животные инстинкты» отнюдь не самое плохое, что в нас есть! И даже в тех случаях, когда они выражаются не в самых изысканных и возвышенных проявлениях, таких, как ненависть, негодование или ревность, то все равно они дороги нам, потому что по крайней мере искренни!

По какому тогда, скажите, праву одна мамаша упрекает другую в том, что та «носится со своим ребенком, как мартышка»?

Когда в Дрезденском зоопарке однажды пришлось временно разлучить самку орангутана с ее детенышем, произошел удивительный случай. Живущий в той же клетке самец, увидев лежащее на полу и кричащее что есть мочи существо, внезапно слез со своего спального балкона, подхватил орущий комок и исчез вместе с ним у себя наверху. При этом он даже не был отцом детеныша, его подвели к самке гораздо позже, и до этого случая он не обращал на малыша ни малейшего внимания. На следующее утро детеныш все еще продолжал висеть на его груди. Каждый раз, когда вернувшаяся в клетку мать пыталась отобрать у самца свое дитя, он злобно скалил зубы. В конце концов служителю пришлось хитростью выманить у него малыша. Но когда тот снова очутился на своем законном месте у матери, самец совершенно перестал им интересоваться. Он просто действовал согласно своей внутренней потребности, призывающей его защищать любого одинокого, осиротевшего детеныша орангутана, потому что в естественных условиях просто не бывает, чтобы мать-орангутан оставила своего детеныша в одиночестве, если она не ранена или не мертва. В описываемом нами случае самец бы и дальше продолжал защищать найденного малыша от любого посягательства, а следовательно, и от родной матери до тех пор, пока тот не умер бы с голоду.

Подобный случай описан неким Брандесом. Там шла речь о детеныше макаки-резус. Сильная и боевая «тетя» отвоевала новорожденного у слабенькой молодой мамыши и не желала возвращать обратно. Она ласкала, тискала и обихаживала малыша до тех пор, пока он спустя двое суток не умер голодной смертью у нее на груди.

Вот такое и называют «мартышкиной любовью»: упиваться собственным удовольствием от удовлетворения материнского инстинкта, тискать и баловать ребенка, не задумываясь о том, как это отразится на самом ребенке. Случается, что и женщины, стремящиеся лишь к удовлетворению своего эгоистичного желания понянчить ребеночка, уподобляются по жестокости этой «тете макаке». Совсем недавно я был невольным свидетелем такой сцены: возмущенная бабушка безапелляционно вступилась за внука, которого мать заслуженно отругала. Она начала в присутствии ребенка упрекать ту в том, что со вторым сынишкой обращаются куда мягче, что его больше любят... Может ли быть что-нибудь бессердечнее, чем сеять в детской душе недоверие к собственной матери, неприязнь к своему братишке с одной лишь целью проявить свой инстинкт защиты детеныша?

Другая женщина до того раскормила свою таксу, что она напоминала скорее ливерную колбасу, чем собаку. Несчастную душил астматический кашель, лестницу она одолевала с колоссальным трудом и с остановками для передыха. Но в ответ на советы поменьше кормить собачку ее хозяйка в течение нескольких лет отвечала одно и то же: «Бедняжка все равно больна, так пусть уж напоследок поест в свое удовольствие». И эта же женщина тут же бежит в Общество охраны животных, когда видит у кого-нибудь голодающего, неухоженного пса. Она, безусловно, возмутилась бы, если бы услышала, что обе собаки страдают в одинаковой степени — да, обе! Потому что хозяева их заботятся о своих питомцах не «по-человечески», а «по-мартышачьи», то есть эгоистично ублажают свои ин-

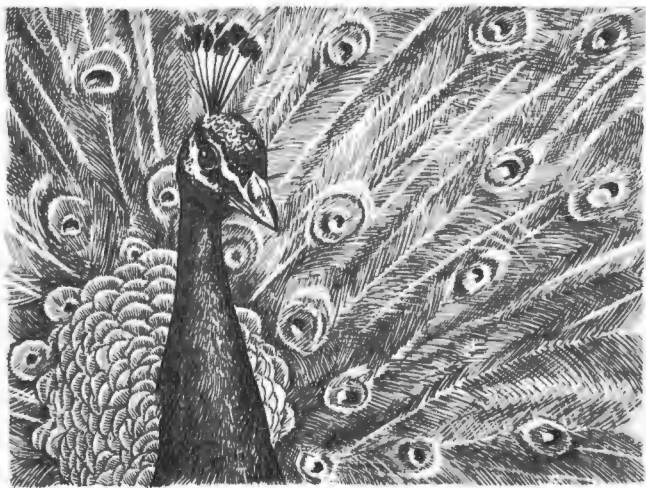
стинкты: одни — материнское желание опекать и ухаживать, другие — свою жадность.

Но «мартышкина любовь» может проявляться и более миролюбиво. Так, павианья мамаша, жившая в зверинце у Дельмонта, не приняла своего новорожденного детеныша, зато весь жар материнского сердца отдала несколько дней спустя слепому еще котенку. Упрямо старалась она уложить его на спину, лапками кверху, и в такой позе носить на руках. И хотя котенок и старался уцепиться за «материнскую» шерсть, тем не менее во время ее лихих прыжков не мог удержаться и падал на землю. Павианиха каждый раз после этого старательно его осматривала со всех сторон: удивительный растяпа этот ребеночек! Позже она напрасно старалась вложить приемышу орехи меж лапок; правда, земляные орехи котенок ел, когда «мамаша» сама удаляла с них шелуху. Зато сырое и вареное мясо обезьяна ни за что не разрешала ему есть, и для того, чтобы накормить им котенка, его приходилось отнимать у «матери». Однажды настоящая кошачья мамаша пришла забрать своего котенка и, схватив его в зубы, побежала с ним прочь. С диким криком обезьяна кинулась с дерева за ней в погоню и наверняка разорвала бы ее на части, не подоспей к этому моменту ее хозяин.

Подобные же ревнивые бои обезьяна устраивала позже с влюбленными котами, приходившими ухаживать за молодой кошечкой. И если павианиха обнаруживала свою «гуляку-дочку» ночью празднующейся по двору, она с визгом и руганью затаскивала ее назад в свою спальную корзинку.

Временное отчуждение между двумя этими животными происходило только в те периоды, когда у кошки появлялись собственные котята. Но затем мир восстанавливался вновь, и оба животных продолжали жить вместе.

Так что приемная мать и приемыш стали пожизненными друзьями, и этой дружбы хватило на всю обезьянью жизнь.

Глава семнадцатая

МОЖЕТ ЛИ ПАВА УМЕРЕТЬ «С ГОРЯ»?

Когда в зоопарке лев или бенгальский тигр пробегутся по снегу, то в газетах тотчас же появляются снимки, зафиксировавшие эту сенсацию. А вот то, что павлины, которые, между прочим, тоже родом с Цейлона и из Индии, живя в наших широтах, даже в холодное время года избегают пользоваться утепленными птичниками и предпочитают сидеть где-нибудь высоко на дереве или на коньке крыши, где их засыпает снегом,— это почему-то никого не удивляет, и никто по этому поводу не поднимает особенной шумихи.

Содержать павлинов у себя дома, во дворе,— это радость для глаз, но никак не для ушей! Недаром старая поговорка гласит: «У павлина перья ангела, голос дьявола, а походка убийцы...»

В некоторых районах Цейлона ночью невозможно уснуть из-за громких воплей многих сотен диких павлинов. Имеются сообщения, авторы которых утверждают, что им случалось видеть в Индии по тысячу двести, а то и по ты-

сячу пятьсот павлинов зараз! Еще удивительнее тот факт, что солдатам во время последней войны удавалось на острове Крит охотиться за павлинами. Этих птиц завезли туда за двадцать лет до этого. И совершенно непонятно, как такие крупные птицы смогли так долго продержаться на острове, где не существует никаких законов об ограничении охоты и где оружие носит каждый кому не лень.

Говорят, что когда на какой-нибудь уединенной полянке в лесу полдюжины павлинов одновременно распускают друг перед другом свои роскошные «веера», то получается зрелище неопишуемой красоты. И ужасно чудно, когда, заподозрив что-нибудь неладное, все разом, как по команде, захлопывают свой «веер», и всего великолепия как не бывало!

С какой целью павлин, собственно говоря, распускает свой сверкающий всеми цветами радуги хвост? Разумеется, чтобы покрасоваться перед павами и произвести на них впечатление. Но поскольку павлин — птица не моногамная, то есть не придерживающаяся единобрачия, и, кроме того, вид, у которого самец не «гоняется» за самками, то он демонстрирует свою красочную приманку даже тогда, когда павы поблизости нет. Подобно тому как табличка на двери кабинета врача привлекает внимание проходящих мимо больных и сулит им излечение от недугов, точно так же великолепный хвост павлина (по Хайнроту) означает нечто вроде: «Здесь празднуют свадьбы!»

Обычно в первую половину дня, до обеда, павлин занимается тем, что, стоя где-нибудь посреди открытой лужайки, распускает хвост и ждет событий, вернее, ждет самочек, которые должны приблизиться к нему, чтобы полюбоваться его красотой. Если самки сидят высоко на дереве, то павлин распускает свой хвост более полого, почти горизонтально, чтобы сидящие в «бельэтаже» и на «балконе» невесты тоже могли разглядеть блестящую приманку.

Самка, плененная роскошью павлиньего хвоста, приближается к брачному партнеру как бы случайно, делая вид,

что вовсе и не замечает его. По дороге она наклоняется то влево, то вправо и небрежно что-то склевывает. Таков этикет брачного поведения у пав. Это небрежное склевывание, по-видимому, страшно возбуждает павлина, потому что в тех случаях, когда поблизости нет пав, он начинает «приставать» к курам, если только они, расхаживая поблизости от него, склевывают с земли зерна. Если же они этого не делают, он не обращает на них ни малейшего внимания.

Когда заинтересованная в брачном партнере самочка-пава подходит поближе, павлин начинает нервно топтаться на месте, хлопать крыльями, а затем... резко поворачивается к партнерше задом. Самка тотчас же обегает вокруг него, чтобы получше спереди разглядеть его невиданное величие. Павлин приветствует ее тем, что энергично потрясает всем своим огромным веером, а затем снова отворачивается. Самка опять обегает вокруг него, а он снова поворачивается к ней спиной. И так до десяти — двенадцати раз, пока самка наконец не присядет; тогда павлин бросается на нее, издав при этом воинственный пронзительный клич. В отличие от кур, спаривания у павлинов происходят столь редко, что некоторые владельцы этих птиц практически никогда этого не замечают.

Казалось бы, что павлины с их маленькой изяшной головкой и метровым громоздким хвостом — птицы довольно неповоротливые и беззащитные. Тем не менее они весьма воинственны, и главным их оружием в бою служат шпоры. Так, в Берлинском зоопарке один павлин решил помериться силами с большим индюком. Когда противник начинал слишком на него наседать, павлин просто перелетал через него на другую сторону. Однако боевитый индюк в конце концов все же победил бы и разделал красавчика под орех, если бы в потасовку вовремя не вмешался слугитель птичьего павильона: ведь разъяренный индюк может и убить!

И по отношению к людям павлин ведет себя отнюдь не застенчиво. Нет, скромным его никак не назовешь. Так,

Вильгельм Буш¹ описывает забавную сценку, происходившую у него под окнами во дворе:

«Утром, в половине шестого, кормят кур, а заодно и красавца павлина с его изящной маленькой короной на голове и оперением, отливающим золотом и драгоценными камнями. Он здесь самый знатный. Клюет он мало и небрежно. А потом вдруг: тр-р-р — и роскошный веер из целой коллекции павлиньих «глаз» уже мерцает под лучами утреннего солнца. А какой танец он исполняет! Весь дрожит, топчется на месте, бьет крыльями! Но все напрасно — старые тетки-куры даже не смотрят в его сторону, знай долбят своими твердыми костяными носами утоптанную глину! Я уверен, что павлины — это наверняка заколдованные олимпийцы; во всяком случае, когда на дворе появляется фрау Брюкнер — маленькая смазливая прачка, — павлин проворно вскакивает ей на спину и по всем правилам искусства хватает клювом за косу. Боюсь, как бы она вскоре не начала откладывать яички! Во всяком случае, кудахтать и трещать без умолку эта доморощенная «мадам Леда»² умеет превосходно!»

Благодаря чванству отдельных римских выскочек павлины уже издревле обрели особую известность. Так, Вителлий и Гелиогабал старались произвести впечатление на своих гостей тем, что подавали к столу большие миски, наполненные одними лишь языками и мозгами этих редких птиц. Когда кутилы нажирались настолько, что больше в них не лезло, они заставляли раба шекотать у себя в горле павлиньим пером, чтобы избавиться от поглощенных блюд и освободить место для новых. Считается, что к 1560 году павлинов в Риме было не меньше, чем перепелов.

¹ Вильгельм Буш — известный немецкий сатирик конца XIX века. (*Примеч. пер.*)

² Имеется в виду известный сюжет древнегреческой мифологии — «Леда, целующаяся с лебедем». (*Примеч. пер.*)

Поэтому в первой средневековой зоологической книге, принадлежащей перу врача Конрада Геснера, умершего в 1565 году в Цюрихе от чумы, можно было уже многое узнать об этих птицах. Так, в ней утверждается, что, если павлин слышит, как кто-то поблизости восторгается его красотой, он тотчас же распускает свой пышный веер. Но, увидя при этом свои безобразные ноги, он «становится грустным и опускает хвост к земле. Если ему случается ночью проснуться, когда в потемках невозможно себя разглядеть, то он кричит от страха, потому что ему кажется, что он потерял где-то свою красоту... Завидя художника, павлин всегда готов ему позировать и стоит совсем неподвижно, чтобы удобнее было рассмотреть его и нарисовать. Своим криком он может напугать змей и прогнать любых других ядовитых животных. Если павлин заметит, что ему дали отравленную пищу, он тотчас же с диким криком начнет разбрасывать когтями ее из лотка в разные стороны...».

В те же времена появились первые белые павлины, бывшие тогда большой редкостью. Считалось, что они происходят из Норвегии. Поскольку самки там во время насиживания постоянно видят перед собой снежные горы, то и из яиц вылупляются белые павлинчики!

Впрочем, именно в этой старинной книге я нашел объяснение существования столь многочисленных «павлиньих островов», таких, как, например, знаменитый потсдамский. В книге рекомендуется разводить павлинов именно на небольших островах, потому что иначе этих ценных птиц могут растащить (многочисленные еще в то время) лисы. Долгое время в Германии свидетельством богатства считалось, когда в доме гостям подавали жаренного павлина, начиненного к тому же редкими еще в те времена сливами. В старой зоологической книге даются точные сведения, как для этой цели следует резать павлина и как готовить. Кожу вместе со всеми перьями и головой полагалось при этом стягивать с тушки, а затем

после жарки снова надевать. Чтобы павлин мог стоять на блюде, в его ноги и шею просовывалась железная проволока. Кроме того, считалось очень элегантно подавать павлина к столу «огнедышащим», для чего ему в горло засовывалась пропитанная камфорой шерсть, которая в нужный момент поджигалась.

Об удивительном событии, участниками которого были павлин и пава, написал в редакцию нашего журнала «Das Tier» читатель Г. Бройкер:

«Тео, так звали павлина, был совсем ручным. Сразу же после своего прибытия (а прислали его в деревянном ящике двухметровой длины) он самостоятельно заявился на кухню, а несколькими днями позже уже каждое утро поднимался по лестнице на второй этаж, важно шествовал через всю квартиру, взлетал на открытое окно и там гарцевал, распустив свой шикарный веер. Но однажды утром его нашли мертвым в саду. Он налетел на провода и сломал себе шею. Единственная имевшаяся на птичьем дворе самочка-пава два дня безутешно просидела возле его трупa. Перед тем как его похоронить, мы выдернули у него все его красивые хвостовые перья и поставили их в вазу. Пава целыми днями бродила по саду, втянув голову в плечи. Но однажды наша дочка поставила вазу с павлиньими перьями на закрытое в эту пору окно. И недаром в старину говорили, что павлиньи перья приносят несчастье. В тот же вечер паву нашли мертвой под окном в саду. По-видимому, она увидела знакомый веер своего друга там, наверху. И по царапинам на стене дома можно было догадаться, что она тщетно пыталась взобраться на окно. Много раз подряд она билась головой о стекло, пока не сломала себе шею».

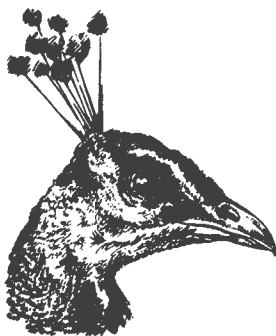
(Хочу добавить, что упоминание о царапинах на стене — деталь весьма важная. Не будь этого, я бы лично не принял всерьез рассказ об этой маленькой драме и не пересказал бы его вам, потому что в противном случае дело выглядело бы так, что несчастная пава, увидев в окне

сверкающий веер своего погибшего жениха, не вынесла переживаний и умерла от несчастной любви...

Но когда нечто подобное говорится о павлинах, птицах полигамных, не придерживающихся единобрачия, то этому верить нельзя. Я, во всяком случае, не поручусь за достоверность подобного сообщения. А вот в то, что пава, увидев в окне знакомый веер, налетела на стекло и разбила себе голову, я поверю гораздо охотнее. Это хоть и менее романтическое, но зато более убедительное объяснение происшедшей трагедии.

Ведь тот, кто действительно серьезно хочет разобраться в поведении животных, тот должен в первую очередь искать наиболее скромные и трезвые объяснения их действий. А чувствительные и фантастические объяснения некоторых загадок нельзя принимать на веру лишь потому, что «так могло быть». Поверить в них можно лишь в том случае, когда все более простые и трезвые объяснения отпадают. Ведь даже самые скромные толкования поступков животных, как правило, бывают и так уже достаточно удивительными! Это я так, между прочим, по поводу царяпин на стене.)

«В прекрасных перьях Тео,— пишет Г. Бройкер,— вскоре завелась моль. Но его красивая маленькая корона из ярких перышек еще сегодня, много лет спустя, украшает мой письменный стол».

Глава восемнадцатая

ЛОШАДИ И ГОРЫ

Было это в один из воскресных дней много лет назад. С только что приобретенной книгой под мышкой я лениво брел вдоль края долины, пока не достиг канатной дороги. Там я сел в вагончик, и меня плавно понесло вверх, на высоту семисот метров, вон из жаркой парилки Больцанской (Боценской) котловины. Крепость «Рукельштейн», только что горделиво и надменно взиравшая со своих высот на меня, жалкого, пропыленного путника, покачиваясь, двинулась мне навстречу, скромно присела и стала уползать вниз, все больше и больше съеживаясь. Через две минуты она превратилась уже в едва заметный игрушечный домик, спустившийся вместе с окрестной деревенькой на дно этого бывшего гигантского моря...

И вскоре я уже удобно расположился под дубом на бывшем берегу этого бывшего моря и разглядывал сияющие снежные вершины, высящиеся на противоположной стороне котловины.

В книжной лавке я раздобыл себе антикварную книжку — Джон Гагенбек «С кочующим народом Индии». Как истинный ценитель подобной литературы, я вскоре зачитался ею и мысленно улетел на берег Ганга, а когда отрывал глаза от книги, то задумчиво созерцал окрестные вершины, сложенные из хаотичного нагромождения доломитов.

Когда я полчаса спустя хватился своей куртки, то ее не оказалось. Ведь только что лежала возле самой моей головы! Вокруг ни души. Но внезапное озарение подсказало мне, кто мог ее стащить. И правда, скрытые от меня кустарником, на зеленом травяном ковре паслись три лошади. А в нескольких шагах от них валялась злополучная куртка.

При моем приближении все произошло именно так, как я и ожидал: молодой жеребец схватил куртку зубами и игриво поскакал с нею прочь. Я — за ним через кустарники альпийских роз и по зарослям горечавки в яркую синюю крапинку... Началась увлекательная игра в «пятнашки». Вернее, увлекательная для жеребца и кобыл, но не для меня. Самый гвоздь заключался в том, чтобы подпустить меня на расстояние десяти метров, даже выронить как бы невзначай куртку, но в последний момент схватить ее зубами и ринуться прочь, да так, чтобы комья влажной земли из-под копыт летели мне прямо в лицо!

Как известно, кто разумнее, тот и уступит (в особенности если у него ноги покороче, да к тому же их вдвое меньше!). Поэтому я снова улегся на старое место и с безразличным видом раскрыл книгу. Вскоре и жеребчик мой потерял интерес к яркой куртке и, пощипывая траву, стал мало-помалу от нее удаляться. В тот момент, когда он исчез за живой изгородью, я, словно индеец, по-пластунски подобрался поближе и затем в несколько огромных прыжков снова овладел своей собственностью. Со стороны это, наверное, выглядело несколько странно.

Но откуда, спросите вы, я догадался, что именно лошадь могла утащить мою одежду? Зачем она ей понадоби-

лась? Извольте, объясню. Это было одно из удивительных совпадений, счастливая случайность, которые порой происходят в нашей жизни: я как раз прочел в книге Гагенбека о трех суматранских пони, которые паслись совместно с индийскими овцами.

«У овец ежегодно появлялись на свет ягнята, и молодой резвился тут же, возле взрослых, совершая свои потешные прыжки. Это почему-то особенно нравилось жеребцам-пони: они стремглав подскакивали к такому белому шерстистому комочку, хватали его зубами за спину и оттаскивали куда-нибудь в сторонку, в то время как овца, испуганно бляя, бежала за ними следом. Один такой жеребчик почему-то обнаруживал явное пристрастие к белым предметам. Он способен был часами развлекаться куском белой бумаги и доводил конюха до полного отчаяния тем, что срывал с веревки выстиранные им рубахи, утаскивал куда-нибудь подальше и там бросал на землю. В один прекрасный день он с самым невинным видом подошел к детской коляске, разрешил молодой мамаше угостить себя сахаром, а визжащему от восторга ребенку позволил себя погладить, но потом... молниеносным движением вырвал подушку из-под головы младенца и был таков. Довольный, он гарцевал с подушкой в зубах по двору, и отнять ее у воришки удалось не без труда. Однако как только владелица коляски водворила подушку на место, он подскочил к ней и похитил ее снова».

Я повнимательнее приглядываюсь к пасущимся рядом ладным лошадам, которые здесь, наверху, сыграли со мной подобную же шутку. Они рыжей масти и, в сущности, довольно низкорослы. Внезапно меня осеняет, почему они кажутся мне столь знакомыми: таких же точно, только с султаном из разноцветных перьев на голове, я видел в прошлом году в цирке, на манеже, в ярком свете прожекторов. Это так называемые хафлинги — маленькие, невзрачные выючные лошаденки, которых знаменитый цирк тогда

впервые демонстрировал вместо обычных арабских скакунов или снежно-белых липиццанских красавцев.

Я ведь сейчас нахожусь как раз на южнотирольской родине этих лошадок, которых отсюда последние десятилетия не только вывозили для показа в цирках, но и расселяли по разным другим горным и даже равнинным областям Центральной Европы.

У этих мелкорослых, чаще всего не превышающих в холке 1,55 метра, лошадок довольно своеобразная история. Родом они из высокогорья, расположенного северо-западнее Больцано (Бочена), где до многих хуторов и деревенок можно добраться только пешком по узким головокружительным горным тропам.

Счастливый случай, который в коннозаводческом деле встречается раз в несколько десятков, а то и сотен лет, свел пятилетнего благородного арабского жеребца Эль Бедави XII с тирольской крестьянской кобылой. От них в 1874 году в Тироле появился на свет прелестный жеребенок рыжей масти с темной полосой вдоль всего хребта. Нарекли его Фоли, и все сегодняшние хафлинги являются потомками этого знаменитого родоначальника. Если проследить родословную ныне здравствующих производителей этой породы лошадей, то легко заметить, что не менее двухсот сорока племенных жеребцов — внуки и правнуки знаменитого Фоли. Два сына этого жеребца выдались особенно удачными. Одного из них, по кличке Хафлинг, за его выдающиеся качества производителя австрийское государство дважды выкупало из частного владения; будучи уже поседевшим, пожилым, двадцатитрехлетним жеребцом, он на конезаводе «Кальванг» в Штейрмарке все еще продолжал производить на свет свое ценное потомство.

Энергичные тирольские конезаводчики пытались впоследствии повторить с помощью других арабских жеребцов скрещивание, оказавшееся столь удачным для Эль Бедави. Но точно так же, как у родителей Моцарта среди

всех их детей появился на свет только один Вольфганг Моцарт, так и среди всех последующих жеребят ни разу больше не удалось получить подобного Фоли.

А уж инбридинг, близкородственное размножение среди хафлингов, распространен настолько, что волосы встают дыбом! И то, что они при этих обстоятельствах все же остаются такими крепкими, здоровыми, с огромным запасом прочности, объясняется исключительно суровыми климатическими условиями их родины, в которых все слабое безжалостно выбраковывается, то есть происходит жесткий естественный отбор. Когда этих лошадей перегоняют на летние пастбища в Альпы, на высоту 2000 метров, дорогу туда зачастую приходится расчищать в глубоком снегу. Так, Ретийские Альпы, относящиеся в большей своей части к Швейцарии, столь неприступны, что пригодны для выпаса лишь со стороны Австрии. Домашний скот там в любую погоду, даже во время штормов, под снежной метелью и градом стоит не защищенный никакими навесами: зачастую рядом с выносливыми лошадками можно найти замерзших под снегом телят и овец. Здесь выживают только сильные и здоровые! Недаром у жеребят-хафлингов такая густая, лохматая шерсть, а материнское молоко они тут, наверху, сосут до полугодовалого возраста.

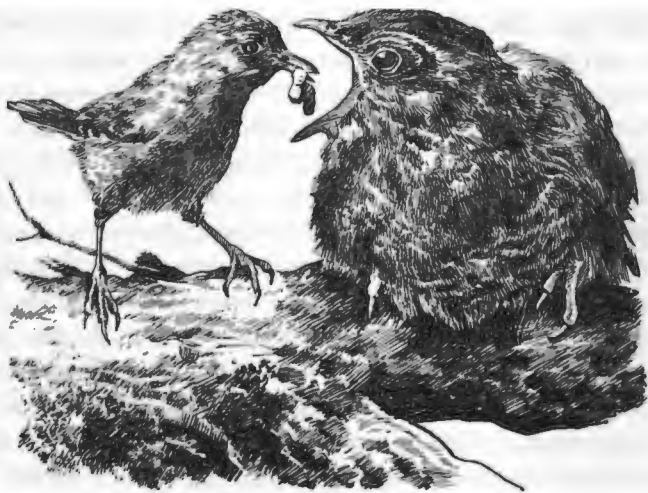
То, что хафлинги называются именно хафлингами, ничем не оправдано. Лет двадцать назад один знаток лошадей так писал об общинной земле Хафлинг (ныне Авеленго): «Там не удалось обнаружить ни малейшего намека на коневодство, более того — там вообще очень мало лошадей».

Но если эти лошадки даже не совсем по праву носят свое название, то, во всяком случае, вполне заслуженно пользуются славой добросовестных альпинистов, которые с тяжелой поклажей, иногда до полутора центнеров, на спине способны карабкаться на высоту до тысячи, а то и двух тысяч метров.

На следующий день я взял у одного местного крестьянина напрокат кобылку этой породы и бодро пустился на ней осматривать Альпы. Порой просто хотелось зажмурить глаза от страха, когда она, ничтоже сумняшеся, топа-ла вниз по невероятно крутым, растресканным или отполированным до блеска скалистым тропам или же в спокойствии душевном опускала свои копыта на самый край головокружительного обрыва...

А ведь лошади, между прочим, степные животные. Тем более удивительно, как инстинктивно-уверенно они ведут себя в условиях высокогорья. Известный исследователь Тибета Фильхнер стал однажды невольным участником подобного «опыта». На обледенелой наклонной плоскости лошадь под ним поскользнулась и упала. Оба они стали сползать в сторону глубокого обрыва, пока Фильхнеру не удалось всадить в лед свой кинжал. Лошадь вцепилась в смертельном испуге зубами в пальто ученого и лежала абсолютно неподвижно, словно бы знала, что от любого движения может снова начать сползать вниз. Она не шелохнулась и тогда, когда Фильхнер стал привязывать к ее уздечке толстую веревку, чтобы, забравшись на безопасное, необледенелое место, подтащить к себе лошадь. Как только он начал тянуть за веревку, лошадь мгновенно вскочила, и, хотя копыта ее то и дело срывались и скользили, она тем не менее благополучно сумела выбраться с коварной обледенелой поверхности.

Глава девятнадцатая

ПОДКИДЫШИ

Кукушку почему-то считают птицей больших крайностей. Одни полагают, что в ней сидит сам черт, другие — что она приносит прямо-таки лучезарное счастье. Даже в роли тайного судебного исполнителя ей приходится иной раз выступать! Ведь посылая кого-нибудь к кукушке, мы имеем в виду отнюдь не небольшую пеструю лесную птицу, а самого дьявола собственной персоной! А если мы пожелаем кому-то, чтобы его «кукушка взяла», то это означает: «чтоб черти сволокли тебя в ад» или «провались в тартарары...»¹.

Но стоит только в лесу закуковать кукушке, как мы уж тут как тут со своими настойчивыми пожеланиями, и давай скорее считать, сколько раз она прокукует, что-

¹Речь идет о простонародных немецких ругательствах, синонимом которых в русском языке служат: «пошел ты ко всем чертям» или «провались ты пропадом». (Примеч. пер.)

бы выведать, сколько же лет нам еще суждено прожить на этом свете. А поскольку мы всегда радеем о собственном благополучии, то заодно потряхиваем последней монеткой в кармане, надеясь, что при помощи этой маленькой хитрости поспособствуем тому, чтобы у нас весь год водились денежки. А вот четыреста лет назад кукушка помогала еще и против блох! В старой книжке о животных можно прочесть следующее: «Когда услышишь ее крик, нужно поскорее правой ногой очертить на земле круг, и тогда ни одна блошка до тебя уже не доберется...»

Но это все вопросы, касающиеся скорее специалистов по народным поверьям, чем любителей природы. Но и нам, зоологам, кукушка до сих пор еще задает немало загадок.

Например: когда кукушки, собственно говоря, спят? Весной, до самой ночи, часов до одиннадцати, можно услышать их переключку, перемежающуюся воплями филинов, а около часу ночи они уже опять на ногах!

Один орнитолог определил, при какой средней освещенности птицы просыпаются и начинают петь. Оказалось, что самый чуткий сон у черных дроздов и зарянок. Они просыпаются при 0,1 люмена (сила света одной свечи на расстоянии 1 метра). Но сразу за ними уже идет кукушка, просыпающаяся при освещенности в один люмен. Вчетверо светлее должно стать, чтобы проснулись иволга и славка-черноголовка. Зяблику для этого требуются двенадцать люменов, зеленушке — сто!

Влюбленный самец кукушки — настойчивый крикун. Он приподнимает свой хвост косо вверх, слегка распускает крылья, надувает зоб и выкрикивает свое «ку-ку» во все стороны иногда по шестьдесят — семьдесят раз подряд. На мелких птиц эти его крики производят странное и озадачивающее на первый взгляд воздействие. Они начинают пикировать на него с высоты, бьют крыльями, носясь вокруг его головы, и стараются долбануть его

клювом. Кукушка не в силах прогнать эту назойливую мелюзгу, сколько бы она ни старалась ухватить своих преследователей, издавая при этом хриплое шипение.

Но стоит только явиться на его зов самке-кукушке, как тут же начинается бешеная погоня, в которой подчас участвует по два-три самца сразу. Кукушечьи обычаи не возбраняют самке осчастливливать нескольких самцов подряд. Единобрачия у этих странных птиц вообще не существует. Иногда какой-нибудь самец прочесывает участок, заселенный четырьмя-пятью самками, и добивается расположения каждой из них, а случается и так, что самка-кукушка посещает попеременно владения двух самцов.

Впрочем, кукушка-самка не издает привычного кукования, предвещающего, сколько лет кому еще предстоит прожить. Так кричат только самцы. Самки же издают лишь торопливое «вик-вик-вик». Тем не менее влюбленного самца-кукушку можно приманить его собственным криком. Разумеется, для этого недостаточно просто прокричать «ку-ку», а следует более естественно подражать их зову. Тогда самцы воображают, что приближаются к ненавистному сопернику.

У мелких же пичуг есть все основания злиться на кукушку. Ведь это именно они, как известно, вынуждены играть роль приемных родителей для их подкидышей — печально известных кукушат. Сто шестьдесят два вида птиц кукушка «облагодетельствует» своими яйцами, начиная с крошечного королька и кончая крупными горлицами и вяхирями. Взрослая кукушка весит примерно столько же, сколько черный дрозд, а это значит около ста граммов. Тем не менее она откладывает яички, не превышающие размером воробыные, а весом три грамма, в то время как черный дрозд и другие птицы той же величины откладывают яйца весом восемь граммов. Тому есть свои причины: ведь кукушка «осчастливляет» ими в первую очередь мелких птиц. А те бывают отнюдь не в восторге от

подобного наглого вторжения и защищают свои гнезда с бешенством и отчаянием. Поэтому кукушка вовсе не жаждет застать хозяев гнезда дома. В жульническом подбрасывании яиц самке отчасти помогают и самцы: они своим криком намеренно отвлекают на себя разгневанных маленьких родителей, непрерывно их атакующих, а самка тем временем крадучись, потихоньку подкладывает свое яйцо в кладки законных владельцев гнезда. По таким же причинам она старается откладывать свои яйца, в отличие от мелких птиц, не по утрам, а в послеобеденные часы, когда представляется наибольшая вероятность застать гнездо пустым.

С откладкой яиц кукушка не поспешает. Ведь ее яйца вовсе не предназначены для равномерного высиживания в одной общей кладке, как это имеет место у всех других птиц. Примерно через каждые два дня она неподвижно замирает на час, а то и на три возле облюбованного ею чужого гнезда. Выбирает подходящий момент, когда оно остается пустым, подлетает к нему, хватая в клюв одно яйцо из кладки, поспешно откладывает на его место свое и улетает с ворованным трофеем в клюве. Яйцо это, как правило, затем съедается. Чтобы проглотить его, кукушке приходится задирать клюв почти вертикально кверху, и если понаблюдать за ней в этот момент, то видно, что заглатывание его для птицы дело отнюдь не легкое и не простое.

Долгое время спорили о том, каким способом удастся кукушке подкладывать яйца в кладки дуплогнездников — птиц, строящих свои гнезда в дуплах деревьев. Ей ведь невозможно туда протиснуться. Однако теперь уже многократными наблюдениями установлено, что кукушка способна, в случае необходимости, отложить свое яйцо на землю, а затем, взяв его в клюв, водворить в дупло.

Иной раз в одном гнезде можно обнаружить сразу два, а то и три и даже четыре кукушечьих яйца. Но принадлежат они всегда разным самкам. В случае если приемные

родители поддадутся на подобный массовый обман, то после того, как вылупятся кукушата, будут разыгрываться настоящие трагедии.

Кукушечьи яйца могут выглядеть весьма различно, и распознать их в кладке приемных родителей способны иной раз только специалисты. И лишь у крапивника, пеночки и лесной завирушки это обстоит иначе: там кукушечье яйцо явственно отличается от основной кладки. Однако крапивники и пеночки слишком малы и слабы, чтобы выдворить чужака из своих глубоких гнезд. А вот почему лесная завирушка разрешает себя обманывать и не протестует против подлога — этого до сих пор выяснить не удалось.

А вообще-то только те виды птиц, которым не приходится иметь дело с кукушкой, бывают простодушны и доверчивы по отношению к чужим яйцам. Именно поэтому так легко удастся подкладывать несушкам гусиные яйца: они охотно соглашаются сидеть даже на гипсовых, а то и просто на картошке; и уже бывали случаи, когда лебеди пытались высиживать пивные бутылки. Что же касается мелких птиц, то те разглядывают и проверяют свои кладки весьма внимательно, хотя и не в состоянии заметить столь тонких деталей в их различии, как человек. По всей вероятности, они не так уж точно знают, как должны выглядеть их собственные яйца, а больше следят за тем, чтобы в кладке все яйца были одинаковыми.

Один орнитолог проделал как-то такой опыт с малиновкой. Он забрал у нее из гнезда незаконченную кладку, а вместо нее этот «зловредный дядька» подложил туда то же самое число яиц славки-завирушки. Когда обманутая малиновка отложила свое следующее яйцо, то обнаружила, что оно отличается от всех остальных в кладке, и, недолго думая, выбросила его из гнезда. И села насиживать чужие яйца славки-завирушки. Следовательно, она приняла собственное яйцо за чужое только потому, что оно по форме и цвету отличалось от всех остальных.

Когда кукушка замечает мелких птиц, занятых постройкой гнезда, ее прямо-таки подмывает приступить к откладке яиц. Она старается поместить свои яйца именно в свежие, только что достроенные гнезда, с неполными еще кладками, потому что яйца в законченных кладках могут оказаться уже сколько-нибудь насиженными, и тогда кукушонок появится на свет позже положенного срока и не успеет вытолкнуть своих «братьев» из гнезда. Поэтому кукушка внимательно следит за намеченной жертвой, чтобы точно знать, близок ли конец постройки гнезда, дабы не пропустить начало откладки яиц. В то время как кукушки обычно держатся очень скрытно и осторожно, они в период размножения становятся весьма беззастенчивыми и в поисках подходящих гнезд залетают даже в сараи и на сеновалы. Способны они подниматься и высоко в горы, когда обитающие там мелкие птицы поздним летом приступают к откладке яиц. Более того, кукушки порой доходят до того, что нарочно разрушают старые гнезда, чтобы заставить их владельцев построить новые...

Небезынтересен следующий вопрос: способна ли кукушка по своему усмотрению откладывать то голубые яички, требующиеся для гнезд горихвостки, то белые с полосками на тупом конце, необходимые для того, чтобы обмануть бдительность камышовой овсянки, а то крапчатые — для малиновки? И хотя жизнь и повадки кукушек достаточно удивительны, но все же не настолько. Просто самка-кукушка, вылупившаяся в свое время из голубого яйца, будет впоследствии и сама откладывать голубые яички и осчастливливать ими гнезда горихвосток, и лишь в том случае, если она не сумеет разыскать достаточное число гнезд горихвосток или почему-либо поведет себя по-глупому, то начнет откладывать свои яйца в другие гнезда, откуда они чаще всего незамедлительно бывают выброшены возмущенными хозяевами и, описав крутую дугу в воздухе, шлепаются на землю...

Итак, выяснилось, что кукушки, внешне выглядящие совсем одинаково, делятся на различные расы, подбрасывающие свои яйца совершенно определенному виду птиц-хозяев. Будь это не так и подбрасывай они свои яйца, например, одним лишь крапивникам, то этим несчастным пришлось бы высиживать одних только кукушат и они скоро бы вымерли окончательно. Поэтому надо считать большим счастьем для мелких певчих птиц, что кукушки не составляют постоянных пар, а предпочитают свободную любовь. Таким образом, у них самцы и самки различных рас настолько перемешиваются, что в одной и той же местности появляются кукушечьи яйца самых разнообразных расцветок и распределяются более или менее равномерно по гнездам различных мелких птиц. Если же в каком-нибудь районе обособятся кукушки, откладывающие специализированные яйца для гнезд тростниковых камышевок, то этим бедным птичкам придется плохо.

Нечто подобное было прослежено на одном из небольших озер. Там в 1919 году тростниковые камышевки вывели десять собственных выводков и четырех кукушат. Спустя год собственных выводков было девять, а кукушат — шесть, в 1922 году у этих птиц оставалось лишь три собственных выводка, зато подкидышей было уже восемь, а в 1925 году выжил всего один выводок тростниковых камышевок, в то время как в семи других гнездах сидели раскормленные кукушата с жадно раскрытыми клювами. Так в какой-нибудь местности определенный вид птиц по вине кукушек может оказаться истребленным. Разумеется, впоследствии это неминуемо приведет к тому, что такая нацеленная на тростниковых камышевок кукушечья раса вымрет и сама. Например, на озере Мюггельзее, близ Берлина, за последние годы совершенно исчезли кукушки, которые прежде осчастливливали своим потомством гнезда малиновок. Остались там только кукушки, «опекающие» гнезда камышевок, в кладках которых и по сию пору находят чужие яйца.

Тем не менее подбрасывание подкидышей — дело не такое уж простое, как полагали прежде. Ведь подсчитывали обычно только число птенцов, выживших в гнездах, а не исчезнувших яиц. На самом-то деле только шестьдесят два процента подкинутых яиц бывают приняты приемными-родителями, а кроме того, еще тридцать процентов от оставшихся портятся во время насиживания. А из вылупившихся кукушат только сорок три процента становятся летными.

Неугодное, подозрительное яйцо птица обычно проклевывает, хватая клювом за край скорлупы и выбрасывает вон из гнезда. Однако проделать это с кукушечьим яйцом не так-то просто, потому что оно предусмотрительно снабжено гораздо более прочной скорлупой, чем равные по размеру яйца других птиц. Наиболее недоверчивыми проявляют себя пеночки: семьдесят семь процентов своих гнезд, занятых кукушечьими яйцами, они просто бросают и строят новые. А вот горихвостки, так те, как правило, никогда не отказываются от подкидышей.

Маленький кукушонок выбирается из яйца за день или два раньше, чем его сводные братья и сестры. И для этого у него есть серьезные причины. Появляется он на свет совершенно голым и с необыкновенно чувствительной кожей. Поэтому маленький крепыш весьма болезненно переносит любое, даже самое незначительное прикосновение. Если в первые четыре дня жизни до кукушонка дотрагиваться пальцем, он будет вести себя так, словно его колют раскаленными иглами. Все, что находится рядом с ним, причиняет ему боль и страдания. Поэтому еще слепой малыш начинает приседать, прижимаясь к самому лотку гнезда, и старается, чтобы находящееся по соседству яйцо или братишка перекатились ему на спину. На спине у кукушонка имеется специальная ложбинка, в которой он с помощью своих обрубочков-крыльев удерживает жертву, затем он с великим трудом подтаскивает ее к краю гнезда, и... вот она уже кубарем летит вниз, задевая

за ветки. В отличие от своих братьев и сестер, отчаянно дрыгающих лапками и крылышками, этот увесистый молодец двигается по гнезду при помощи одной лишь головы. Поступай он иначе, дом его приемных родителей, это рыхлое, непрочное строение, мог бы живо развалиться, в особенности если речь идет о хрупких гнездах малиновки. В течение последующих четырех дней кукушонок оперяется, и своеобразная удивительная «тяга к выбрасыванию» постепенно в нем угасает, но к этому времени вокруг него бывает уже пусто.

«Но в том, что он делает это умышленно, притом именно в первые два-три дня своей жизни, в этом я совершенно не убежден,— писал в прошлом веке орнитолог Науманн,— трудно поверить, чтобы такое маленькое, беспомощное существо могло бы действовать столь сознательно, настойчиво и эгоистично».

Зоолог Хайнрот возражает: с таким же успехом можно оспаривать тот факт, что младенец знает, что ему положено сосать молоко, в то время как ему ведь неизвестно, что для переваривания молока необходимо выделять сычужный фермент, пепсин и соляную кислоту...

Но плохо дело, когда в одно и то же гнездо попало несколько кукушечьих яиц, отложенных разными кукушками! Между вылупившимися из яиц крошечными созданиями тогда разыгрывается жесточайшая борьба не на жизнь, а на смерть. И заканчивается она только после того, как птенцы повыбрасывают друг друга за борт. В лучшем случае в гнезде остается один. Между прочим, кукушонок без разбора выкидывает из гнезда все, что туда положишь,— бумажные шарики и даже теплую покрывку, которой стараются обогреть искусственно выведенных в лабораторных условиях кукушат.

В последующие за этим дни кукушонку остается только одно — попрошайничать. Поначалу он делает это молча — просто широко раскрывает клюв. И это опять-таки очень разумно, потому что его «чужой» крик будет сильно

отличаться от писка других птенцов; возможно еще оставшихся в гнезде. Но как только гнездо опустело, кукушонок становится громогласнее и начинает издавать свой требовательный крик.

Можно сколько угодно ломать себе голову над тем, почему приемные родители терпят, что чужак безжалостно выкидывает из гнезда их собственное потомство. Они ведь вполне могли бы его заклевать насмерть, выкинуть самого или покинуть и обречь этим на голодную смерть. Но ничего подобного им почему-то в голову не приходит. Порой можно увидеть, как птенцы малиновки, жалобно пища, висят в развилке веток под самым гнездом, в то время как самка-малиновка, не обращая на них ни малейшего внимания, удовлетворенно пестует подкидыша. Более того, может случиться, что она унесет в клюве из гнезда свою собственную кладку как посторонний предмет.

Понять подобное можно лишь в том случае, если полностью уяснить себе следующее. Птицы-родители выводят птенцов отнюдь не потому, что испытывают потребность вырастить себе потомство. Делают они это только потому, что сами получают колоссальное удовольствие непосредственно от самого процесса. Точно так же как многие другие животные, да и человек тоже, следуют зову любви не потому, что хотят завести детей, а просто потому, что удовлетворение этой потребности приносит им радость. Инстинктивную потребность «кормить и выхаживать» большущий подкидыш удовлетворяет ничуть не хуже, а то и лучше собственных мелких детей. Бывали случаи, когда содержащихся в неволе кукушат вдруг начинали подкармливать даже подростковые птицы других видов. И эти малютки старательно таскали корм попрошайничающим здоровенным обжорам! Иной раз этим крохотным птичкам приходилось садиться на голову своему питомцу, чтобы суметь засунуть корм в огромный, широко раскрытый клюв. Кроме того, один кукушонок причиняет своим приемным родителям не больше хлопот,

чем собственный выводок из шести или семи голов. И хотя он такой огромный, тем не менее съедает не больше, чем все они, вместе взятые: ведь он отдает меньше тепла, чем мелкие птички. А когда он покидает гнездо, приемным родителям опять же удобнее разыскивать и кормить его одного, чем шесть или семь своих собственных деток, рассеянных по кустарнику.

Конечно, нам представляется чудовищно жестоким, что кукушка хладнокровно убивает своих братьев и сестер. Но совместно с ними ей бы не вырасти. А вот хохлатой кукушке, обитающей в Испании и Африке, не приходится превращаться в убийцу. Она откладывает свои яйца в гнезда ворон и соек, и этим крупным птицам ничего не стоит выкормить кукушонка без особых хлопот вместе со своим выводком. И вообще не все кукушки ведут жизнь паразитов. В Америке, например, есть кукушки, у которых несколько самок собираются вместе и строят совместное гнездо, в котором и выращивают сообща свое потомство. И в то же время в Южной Америке встречаются утки, которые пристраивают свое потомство на кукушечий манер. Такие утки подкладывают свои яйца в гнезда других уток родственного им вида или даже в гнезда хищных птиц. (В подобных случаях вылупившимся из яиц маленьким «кукушечьим» утятам приходится сразу же удиравать со всех ног от приемных родителей, спрыгивать вниз со скалы и пристраиваться к какому-нибудь чужому утиному семейству.)

Даже у шмелей встречаются отдельные виды, которые, подобно кукушкам, проникают в гнезда других старательных и домовитых шмелей, беззаботно питаются накопленными там запасами, а личинок своих оставляют на попечение работниц-шмелей.

Но не всем плоха кукушка. Есть у нее и хорошее. Она, например, заглатывает вредных гусениц, сплошь покрытых ядовитыми ворсинками, которых другие птицы обходят стороной. Ее огромный желудок бывает сплошь набит

этим ворсинками и выглядит так, словно бы имеет изнутри шерстный покров. Так что несмотря на всю свою «безнравственность», кукушки для нас, людей, привыкших рассматривать каждое животное с торгашеской точки зрения — а какой от него прок? — все же представляют некоторую ценность...

Глава двадцатая

ЕСТЬ ЛИ ЖИВОТНЫЕ С «ШЕСТЫМ ЧУВСТВОМ»?

Случилось это весенней ночью три года назад в Северной Канаде. Один мужчина вышел из лагеря набрать воды из ручья, протекавшего всего в каких-нибудь пятидесяти метрах. С тех пор его больше никто не видел.

«Год тому назад охотник за красной дичью решил как-то после обеда отправиться в одиночку в небольшой рейд по близлежащим окрестностям, и только одиннадцать дней спустя его нашел один из двадцати пяти человек, посланных на его поиски. При этом они прочесывали всю округу на расстоянии тридцати километров» — так рассказывает Квоннесин — писатель-индеец, завоевавший, кстати, мировую известность.

Средний человек, по его утверждению, не способен запомнить пройденный им в лесу путь и выбрать нужное направление, чтобы вернуться назад. На этой неспособности и лежит основная вина за потери человеческих жизней в лесах Северной Канады, гораздо большая, чем

выпадает на долю других опасностей и случайностей, не считая, конечно, лесных пожаров. Сплошь и рядом получается так, что кто-то сбившийся с пути начинает описывать самые настоящие круги, натывается в конечном счете на тропу, протоптанную (о, радость!), несомненно, человеком, и попадает — первый раз с огорчением, а в последующие уже с полным отчаянием — к собственному же костру, который только вчера или позавчера покинул... Почти каждый человек, даже бывалые, опытные трапперы, впадает после этого в панику и, будучи не в силах совладать с обычным стремлением заблудившихся вырваться любой ценой из этого заколдованного круга, начинает, словно помешанный, не разбирая дороги, прорываться в каком-либо одном направлении. При этом он, не щадя ни одежды, ни собственной кожи, яростно продирается сквозь кустарник и заросли густого подлеска. Пение птиц начинает звучать для него издевательской насмешкой, и он уже не замечает красоты окружающей природы, ее удивительной гармонии. Человек, этот венец творения, оказывается вдруг самым беспомощным, самым неприспособленным созданием во всем этом прекрасном, величавом лесу...

Почти все заблудившиеся уже спустя пару дней теряют рассудок, перестают реально воспринимать окружающую обстановку: им чудятся то привидения, то огни лагерных костров. Одного старого траппера при подобных обстоятельствах нашли через шестьдесят два дня с помощью самолета. Он был почти голый, совершенно искусанный мошкаррой и предельно истощенный. Оказывается, солнце скрывалось целую неделю за облаками, а к тому времени, когда оно вновь появилось, его рассудок уже настолько помутился, что ему почудилось, что оно восходит и заходит с обратной стороны. Поэтому он упрямо продолжал следовать на север, углубляясь все дальше и дальше в бесконечные дебри. Заблудившихся обычно до самого конца не покидает надежда вырваться из леса —

останки их, как правило, сохраняют позу ползущего человека.

Люди, привычные к лесу, например дровосеки, в случае, если они во время работы отклоняются в сторону от просеки, могут заблудиться не хуже горожан. Егери, инженеры, землемеры, сплавщики леса, как правило, носят при себе компас. И только расстановщикам капканов и золотоискателям, как белым, так и индейцам, присуще умение ориентироваться в незнакомой местности. Однако как утверждает тот же индейский писатель Квоннесин, это отнюдь не врожденная способность. Просто эти люди умеют ориентироваться по незаметным для других знакам самой природы, например, по тому, куда наклонены вершины елей; они никогда не забывают о том, что вода всегда стекает под уклон, что оленьи тропы в марте проложены непременно по южным склонам, что древесная кора всегда толще с северной стороны. Если одно лишь поколение индейцев изъять из их привычной обстановки, эти почти бессознательные способности будут безвозвратно утеряны, как они утеряны и у белых.

Итак, коль скоро его нет у человека, этого врожденного чувства направления, уверенной ориентации на местности, то, может быть, оно свойственно хотя бы животным? Ведь в газетах часто мелькают подобные сообщения. Так, лишь позапрошлой зимой я прочел заметку о том, как молодая кошечка, которую крестьянин по фамилии Кишке, из деревни Аттерваш, продал жителю Губена (расположенного в девятнадцати километрах оттуда), прибежала назад и преспокойно улеглась на свое привычное место за печкой. Из другой заметки явствовало, что в прошлом году еще одна кошка, которую в картонной коробке увезли из Рупольдинга в Карлштейн, в Баварии, спустя четыре дня вернулась назад, на свою «родину». Но наиболее достоверно доказанным можно считать сообщение о трехлетнем кастрированном коте, которого его хозяева из

Кёцшенброда подарили другой семье, проживающей в Дрездене-Лёбтау. Животное увезли на электричке и окольными путями доставили на новое место жительства. Весь путь составил не менее шестнадцати километров. Спустя два дня кот исчез и в тот же вечер появился на старое место, причем прибежал он совсем с другого конца и отнюдь не той дорогой, которой его увозили. Поскольку на нем был надет ошейник с голубым бантом, то путем опроса удалось проследить весь пройденный им путь, составивший одиннадцать километров. Следовательно, кот бежал домой кратчайшей дорогой.

То, что лошади удивительно уверенно находят дорогу назад, общеизвестно. Один немецкий золотоискатель, вернувшийся из Канады, рассказывал, как взял на одной почтовой станции напрокат двух лошадей, за пользование которыми надо было платить по три доллара в день. Прибыв на место назначения, ему надлежало лишь снять с них переметную суму и недоуздок, а потом просто отпустить. Прибыв ровно через два дня на следующую станцию, он снял с лошадей поклажу, разнуздal их, дал им шлепок по заду, и — эгей! — не успел он опомниться, как они уже переплывали назад реку. И потом еще долго раздавался удалявшийся топот их копыт.

На хуторе, стоящем у самой дороги, было совершено ограбление. Украли много продовольствия и одежды. Чтобы увезти украденное имущество, воры похитили у соседнего крестьянина двуколку, а затем бросили пустую повозку у дороги. Хозяин лошади предложил снова запрячь шестнадцатилетнюю кобылу в повозку и отпустить поводья. Лошадь неторопливо протрусила примерно шестнадцать километров по шоссе, а потом свернула на лесную дорожку. Вскоре она остановилась возле землянки. Там и нашли все награбленное. С помощью различных улик удалось впоследствии найти и самих грабителей. Вне всякого сомнения, основная заслуга здесь принадлежит хорошей памяти лошади.

Мне припоминается смешная история, случившаяся со шведским майором, купившим какую-то особенно спокойную и степенную лошадь. Каково же было его недоумение, когда на определенных улицах Стокгольма эта лошадь упрямо останавливалась у каждой второй или третьей двери. Идти дальше она соглашалась только после того, как выходила удивленная горничная и спрашивала, что угодно господину майору... Оказывается, прежде лошадь развозила по этим улицам молоко!

Еще более удивительную историю рассказывали еще до войны об одной гарнизонной лошади из Первого гвардейского уланского полка, стоявшего в Потсдаме. Эту лошадь перевезли по железной дороге из Потсдама в Хиршберг, где она должна была участвовать в маневрах. Внезапно она вырвалась из рук коновода и убежала, и изловить ее не удалось. Спустя пять дней лошадь как ни в чем не бывало уже стояла в своей потсдамской конюшне. Правда, уздечки с набором на ней не оказалось, но седло было цело. Животному, следовательно, пришлось пробежать двести пятьдесят километров по совершенно незнакомой местности, пересекая железнодорожные линии, через несколько больших городов и густозаселенные пригороды Берлина; центр Берлина она миновала, по-видимому, глубокой ночью, когда на улице не было никакого движения.

Что касается лошадей, то похоже, что они действительно следуют иногда по какому-то наитию, руководствуются так называемым «шестым» чувством, которого у нас, людей, нет. Однако это еще не доказано. Возможно ведь, что лошади уже приходилось прежде когда-нибудь бывать в некоторых районах из тех, которые она пересекала, когда бежала домой. Научного подтверждения подобного умения лошадей и кошек ориентироваться в незнакомой местности пока еще не получено. Когда аналогичные опыты проделывались с животными, вся предыдущая жизнь которых была точно известна, результаты иногда получались совершенно озадачивающие.

Вот пчелам, например, в течение всей их жизни в улье приходится исполнять поочередно разные обязанности. На младших пчелках многие недели подряд лежит обязанность возиться с личинками, ухаживать за ними, кормить их, и только под конец своей жизни они становятся «добытчицами», то есть вылетают на сбор пыльцы и нектара. Если молодую пчелу, еще никогда не летавшую на добычу, вынуть из улья и выпустить на некотором отдалении от него, она не найдет дороги обратно, потому что, вылетая первый раз на добычу, пчела сначала продолжительное время летает перед ульем взад и вперед, внимательно его разглядывая. Глаза ее при этом все время направлены в сторону улья. Таким способом в ее мозгу четко запечатлевается внешний вид и местоположение улья. Что это именно так, было уже доказано целым рядом экспериментов. Так что никакое ни «чувство направления», ни исходящие якобы от улья невидимые излучения не приводят пчелу обратно к родному улью, а только хорошая ориентировка в окружающей местности.

Очень красивым опытом удалось также установить, что ориентироваться пчелам помогает и положение солнца. Если пчелу, только что насосавшуюся нектара на цветке, накрыть черным колпаком и продержать в течение двух часов в полной темноте, то она, будучи выпущенной на волю, полетит не прямым ходом к своему улью, а под углом к нужному направлению; угол этот будет точно соответствовать смещению солнца за эти два часа, проведенные пчелой в темноте. Пролетев приблизительно двести метров в неправильном направлении, пчела явно замечает свою ошибку. Она начинает беспорядочно метаться из стороны в сторону в поисках знакомых ей примет и в конце концов натывается на окружающую улей местность, а потом уже находит и сам улей.

Зуек-галстучник, широко распространенная птица песчаных пляжей, заботливо закапывает свои яйца в песок, когда улетает на кормежку. Никакой человеческий глаз не

в состоянии различить среди однообразия песчаной равнины место, куда закопаны яйца зуйка. И тем не менее птица находит его совершенно безошибочно. Объяснение этому тоже искали в каком-то не изученном пока «чувстве направления» или таинственной беспроволочной связи между гнездом и мозгом птицы. Но когда однажды, во время отсутствия зуйка, подняли приметный красный камешек, лежащий в двадцати сантиметрах от гнезда, и отнесли в сторону на несколько метров, птица, вернувшись, начала шарить совершенно не в том месте, а именно в двадцати сантиметрах от этого камня! Значит, и зук-галстучник ориентируется на местности лишь по определенным приметам.

А каким образом африканские пингвины, выращивающие свое потомство на острове, недалеко от Кейптауна, возле южной оконечности Африки, находят свой путь в бескрайних просторах океана? Ведь иногда на этих птиц можно наткнуться в открытом море, в заливе Мадагаскара, отдаленном от этого островка на целых три тысячи шестьсот километров, а то и совсем в другом направлении, недалеко от Южного полярного круга, в четырех тысячах восьмистах километрах от места их гнездовий. А это как-никак равно расстоянию от Гибралтара до Архангельска! И нам, людям, для которых водная стихия представляется лишь бесконечной и бескрайней пустыней, без каких-либо опознавательных знаков, трудно представить себе, как миллионы пингвинов из года в год могут безошибочно находить в ней свой крохотный островок, даже если они на нем родились и выросли. Может быть, они все же обладают каким-то врожденным чувством направления? Во всяком случае, подобное решение этой загадки так и напрашивается само собой. Однако в научных исследованиях всегда следует держаться правила: сначала исключить возможность более простых, прозаических объяснений какой-либо загадки в поведении животных, а уже потом...

Так, например, удалось выяснить за последние годы, что многие животные способны ориентироваться по солнцу и даже более того — по звездам. Свежевылупившиеся черепашки находят дорогу к морю по его голубому отражению на небе.

Орнитолог Тинеманн проделывал следующие опыты с молодыми аистами, выращенными без родителей. Этих птиц отпускали на волю значительно позже, чем взрослые аисты улетали на юг. И, как это ни странно, молодняк без всякой указки со стороны старых, опытных птиц безошибочно направлялся по правильному, обычному пути пролета аистов! И не правда ли, удивительно, что аисты, возвращающиеся аж с Верхнего Нила, точно находят свое старое гнездо на крыше учительского сарая в каком-нибудь затерянном местечке вроде Швестервитца? А то, что другие птицы из года в год возвращаются к месту своего гнездовья под облюбованным ими кустом, хотя этот куст ничем абсолютно не отличается от тысячи других таких же кустов? Тут уж им не может помочь никакое врожденное «влечение». В подобной ситуации им приходится ориентироваться по прошлогодним воспоминаниям после того, как перелетный инстинкт приведет их назад, в знакомую местность.

И вообще я должен сказать, что о способе ориентации у перелетных птиц можно предполагать все, что угодно, но при этом ясно одно: этот вопрос не выяснен до конца. Вот посудите сами.

Взрослых горихвосток, отловленных весной, непосредственно после их возвращения с юга, отправили по железной дороге на четыреста восемьдесят километров к северу. Там их отпустили. И что же? Через некоторое время все они заявили назад, в свой старый сад, несмотря на то что лететь им пришлось в направлении совершенно противоположном тому, куда их должна была вести «врожденная тяга» к перелетам. Орнитологи не раз проделывали подобные опыты и с другими птицами: отла-

вливали их, отсылали за сотни километров в разные стороны света и наблюдали, как они спустя некоторое время снова возвращались в свои старые, привычные места обитания. Похоже, что они все же обладают необъяснимым «шестым чувством», «чувством направления» или «тяги к дому» — как хотите, так и называйте.

И тем не менее в самые последние годы возникли известные сомнения по этому вопросу. Один исследователь вынимал птенцов аиста из гнезда и содержал их почти целый год в той же местности, но в просторной вольере. Аисты вырастали и сами благополучно приступали к размножению. Этих птиц, которым, естественно, никогда в жизни еще не приходилось обозревать свою родину с высоты птичьего полета, отвозили на несколько сотен километров в сторону и там выпускали. Ни один из аистов не вернулся домой! Те из них, которых удалось поймать, обосновались где-то поблизости от места выпуска. Может быть, за время содержания в вольере эти птицы потеряли всякую способность к полету, в особенности к длительному, и потому были не в силах следовать своему «шестому чувству»?

Чтобы проверить это, тот же исследователь отловил большое количество старых скворцов, продержал их год в той же вольере, что и аистов, а затем отправил их туда же, куда отправлял тех. И что же? Более половины старых скворцов можно было спустя некоторое время увидеть на их родине. Следовательно, птицы, в памяти которых запечатлелся вид их родины сверху, нашли дорогу домой. И здесь закрадывается сомнение в том, что птицы, столь удивительным образом находившие дорогу назад, руководствовались при этом особым «чувством дома», таящимся у них в груди. Скорее всего, они, подобно почтовым голубям, совершали свои поисковые круги, пока не натыкались на знакомую местность.

У Свена Гедина был необыкновенно преданный четвероногий друг — большая лохматая собака Таккар, проде-

лавшая вместе с ним все долгое путешествие по Тибету. Когда исследователь наконец спустился из суровой горной страны в теплые, солнечные долины Индии, верное животное внезапно исчезло. Как впоследствии сообщали миссионеры из Поо, собака самостоятельно проделала весь долгий, нескончаемый путь назад, в Тибет, и в один прекрасный день вновь лежала на своем привычном месте перед воротами станции. Но эта собака ведь тоже уже проделала однажды этот путь пешком.

Более удивителен случай, происшедший в Англии в 1927 году. Там свору гончих продали из Камберленда в Суссекс, причем отвезли туда на поезде. Через несколько дней вся свора в полном составе заявила к старому хозяину. Расстояние по прямой составляло четыреста пятьдесят километров, а бежали ведь собаки отнюдь не по прямой!

Другую свору охотничьих собак, прочно запертую в транспортные клетки, переправили через добрую половину Англии на юг. Телеграмма с места назначения подтвердила их благополучное прибытие, а вторая, высланная на следующий день, сообщала, что собаки вырвались из загона и бесследно исчезли. Уже на третий день все пять собак появились в своем старом питомнике, изможденные и изголодавшиеся — кожа до кости! У некоторых подушечки лап оказались стертыми, а одна из сук вскоре умерла.

Оригинальные научные опыты по проверке «чувства дома» у собак проводил и Бастиан Шмид. Он сажал кобеля Максея в корзину и отправлял его на грузовике, петлявшем разными окольными путями, в незнакомую псу местность. Пугливо и недоверчиво озираясь, покидала собака корзину. Но затем она поднимала голову, и взгляд ее скользил по небосклону — туда-сюда, а затем он стал все чаще задерживаться в том направлении, где находилась «родина» собаки. Казалось, что в ней включился какой-то никому не известный механизм. На об-

ступивших ее чужих людей, равно как и на лай соседних дворовых собак, она не обращала ни малейшего внимания. Невольно напрашивалось сравнение с диким животным, ориентирующимся в незнакомых природных условиях — так это выглядело.

Пес сначала беспорядочно кидался в разные стороны, возвращался назад, вновь отбегал и наконец спустя полчаса после выпуска устремился в правильном направлении, ведущем к его незримому дому. Он бежал весьма целенаправленно, но старался огибать встречающиеся на его пути рощи и держался подальше от всяческих средств транспорта. Когда это представлялось возможным, он старался обходить стороной и деревни. Добравшись до ближайшего к его родному городку предместья и выбежав на знакомое шоссе, пес галопом помчался вперед, высоко задрав от радости хвост.

Первый раз ему потребовалось час и тридцать восемь минут для того, чтобы добраться до дому, при повторном опыте — только сорок три минуты.

Так же и сука, выпущенная в совершенно незнакомом ей месте города Мюнхена, за действиями которой наблюдало несколько велосипедистов, нашла дорогу домой, составлявшую восемь с половиной километров, за девяносто три минуты, при повторном опыте — за тридцать семь минут.

Следовательно, животные обладают врожденным умением ориентироваться на местности, которое помогает всем особям одного и того же вида добираться до совершенно определенных местностей. По всей вероятности, существуют еще и сверх того какие-то более узкие, специализированные механизмы, позволяющие отдельным животным (как в случае с кобелем Макселем) находить дорогу к своему дому в маленьком городке.

Заинтересовавшись этим вопросом, я ставил подобные же эксперименты с лошадьми и описал их результаты в своей книге «Мы вовсе не такие». Я работал тогда с ло-

шадьями, знавшими только свою конюшню и выгон, в отличие от обычных верховых и тягловых лошадей, знающих, как правило, все дорожки и стежки по всей окрестности. И мои лошади не были в состоянии найти дорогу к своей конюшне.

Глава двадцать первая

КТО СМЫШЛЕННЕЕ: ВОЛК ИЛИ СОБАКА?

Между прочим, в моем доме жил не один только волк Чингис. Уж не знаю, почему так складывалось — то ли киношники вечно ко мне приставали, то ли сам великий бог Маниту собственной персоной (известный покровитель волков, любивший принять волчье обличье и шастать по лесам) сыграл со мной такую шутку, но за те годы, что мне довелось прожить на свете, у меня перебивалось уже четыре волка; некоторые жили по многу лет, а кое-кто живет и теперь.

Жить вместе с волком — это, конечно, не просто. Это значит на часок пораньше вскакивать с постели, размельчать лошадиные потроха, разрубать здоровенные кости, выметать и поливать клетки, играть в «салочки», гладить и рычать — словом, прежде чем приступить к своей служебной деятельности солидного делового человека, приходится каждый день поиграть в циркового дрессировщика или служителя зоопарка. Но потом уже в течение всего ра-

бочего дня ведешь себя абсолютно степенно, и ничто не напоминает о твоей двойной жизни! Разве что какая-нибудь собака примется с особым интересом обнюхивать твою штанину...

Но любитель животных, содержащий у себя дома (все равно, с какой целью) зверей, никогда не должен ограничиваться лишь получением удовольствия от общения с ними. Ведь если мы сами для себя загадка в этом мире, то еще загадочнее для нас животные. Поэтому все, что нам удастся узнать о них — что думают и чувствуют эти наши братья меньшие, — поможет пролить хоть какой-то свет в кромешной тьме нашего раннего детства и детства всего человеческого рода вообще.

Вот я экспериментировал всегда со своим волком Чингисом, и мне даже удалось установить с ним новый научный рекорд «продолжительности памяти»: волк (без помощи обоняния) находил на другой день зарытое им самим накануне мясо. Но все же его волчья память оказалась короче памяти двух собак: те запоминали на полчаса, даже на целый час, под которой из трех мисок я прячу мясо, Чингис же путал миски уже спустя пятнадцать минут.

Значит, волки глупее своих потомков — собак? Становятся ли животные сообразительнее от одомашнивания? А что, если бы человеческий младенец из каменного века каким-то чудом очутился в современной детской коляске, а потом его стали бы в гимназии пичкать латынью, французским, алгеброй и естествознанием — что бы тогда выяснилось? Оказался бы он глупее своих цивилизованных собратьев? Ведь хорошая память — это отнюдь еще не доказательство ума. У человека, легко запоминающего телефонные номера всех своих знакомых, включая приходящую уборщицу, и надолго сохраняющего их в своей не слишком-то загруженной голове, может тем не менее оказаться гораздо меньше смекалки, чем у каждого из нас. Поэтому давайте попробуем подойти к конкурсу на боль-

шую смекалку — назовем его «Волк против собаки» — с другой меркой. Пока что счет 0 : 1. А теперь посмотрим, кто лучше и быстрее уловит взаимосвязь между вещами и быстрее сориентируется в обстановке.

Я привожу Инку, красивую темную матерую волчицу родом с Аляски, и запираю ее в клетку, стоящую в моем саду. Инка — животное противоречивое: то она приветлива и любезна, а то вдруг набросится на кого-нибудь и хочет его во что бы то ни стало разорвать на части. Меня, правда, она полюбила со второй нашей встречи и, по-видимому, навсегда. Мы, когда встречаемся, приветствуем друг друга обычно очень нежно.

Итак, я запираю темпераментную Инку в клетку, а сам беру шнур, привязываю один его конец снаружи к прутьям клетки, а другой оттягиваю подальше и прикрепляю к нему кусок мяса. Интересно, смекнет ли она, что к чему, и как поступит в такой ситуации? Догадается ли потянуть за шнур, чтобы втащить мясо в клетку? «Что за вопрос!» — воскликнет любой из вас. Но, помилуйте, бывали уже случаи, когда собаки умирали с голоду, но так и не могли додуматься до такого, казалось бы, простого решения подобной задачи.

Но только не Инка! К ней это никак не относится. Я еще завязываю узел, а она уже нетерпеливо скребет лапой, просунув ее меж прутьев клетки; потом она внезапно хватает шнур зубами, подтягивает «добычу» к самой решетке, а затем уже лапой подгребает ее к себе, вовнутрь. Спустя тридцать секунд после начала опыта — хап! И мяса как не бывало.

Пока я прилаживал к клетке пустой шнур, волчица не удостоивала его даже взгляда. Следовательно, она не из озорства и желания поиграть со мной затыгивала его в клетку — нет: ее интересовало исключительно только мясо, привязанное на другом конце. Все снова и снова затыгивает она в клетку следующие приманки, которые я привязываю к шнуру. Но стоит мне захотеть подразнить ее и пред-

ложить ей пустой шнур, как она тут же презрительно отворачивается.

Теперь опыт усложняется. Вместо шнура в клетку вывываются две деревянные планки: одна — пустая, а на наружном конце другой заманчиво нанизан на гвоздь аппетитный кусок мяса. Не раздумывая Инка хватается зубами нужную планку, дергает и тянет за нее и добирается до мяса, несмотря на то что планка то и дело застревает и заклинивается меж прутьев решетки. Не буду долго распространяться на эту тему и скажу коротко: из тридцати четырех опытов Инка в двадцати двух случаях хваталась сразу же за нужную планку. А то, что она иногда обмишуривалась и тянула за пустую — ну, так это же надо знать Инку! С таким бурным темпераментом, суматошным характером это вовсе не удивительно. Она рычит и ругается, и вообще никто, кроме меня, не имеет права вытаскивать пустые планки назад из клетки. А если кто и осмелится, то начинается бешеное состязание — кто перетянет, и человеку редко удается выйти из него победителем. Мы еще только нацепляем мясо на гвоздь, а Инка, вертясь возле самой решетки, уже всеми силами старается вырвать планку у нас из рук. Люди с таким нетерпеливым характером наверняка бы тоже ошибались в выборе нужной планки. Но тем не менее правильные решения явно преобладают над неверными: опыты показали, что волчица примерно в девяноста пяти процентах случаев явно улавливает ситуацию и действует весьма целенаправленно.

А вот как поступит Катя? Моя стройная, грациозная волчица Катя, которой разрешается лежать у меня в комнате, которая, словно воспитанная барышня, едет рядом со мной в трамвае, Катя, которая по отношению к людям, в особенности к детям, — нежный ангелочек, а к собакам и другим волкам — суший дьявол. Как поступит она? Вот уже три четверти года, как она у нас в доме, но держит себя со мной все еще так пугливо и подобострастно,

что можно подумать, что воспитывали ее с помощью побоев...

Катя поначалу не обращает ни малейшего внимания на мои планки с приманкой, несмотря на то что я позаботился о том, чтобы она была голодна и чтобы аппетит у нее был по-настоящему «волчий». Только когда я отхожу от клетки метров на двадцать, она начинает «работать». Иной раз мне приходится даже прятаться в укрытие или вовсе уходить домой и смотреть через полевой бинокль в окно. Ни разу Катя не ухватила за планку зубами, как это делали все другие волки. Она всегда роющими движениями передних лап затягивала ее к себе в клетку. Из пятидесяти четырех опытов Катя в тридцати четырех случаях избирала планку с наживкой. Из трех моих волков она оказалась самой внимательной. Как раз от этого робкого животного я меньше всего ожидал таких результатов. Это еще одно доказательство того, как легко можно ошибиться в оценке того или иного животного, руководствуясь лишь степенью его доверчивости или бойкости.

Липс же, этот трехлетний самец-производитель из Лейпцигского зоопарка, с его чудесными янтарными глазами и мощным лохматым черепом волка-вурдалака, а на самом деле с золотым сердцем добродушного старого морского котика, тот из сорока восьми проб в тридцати случаях делает правильный выбор, а в восемнадцати ошибается. «Работает» он как лапами, так и зубами. Случалось и так, что он стоял передними лапами на планке, а зубами тщетно старался оторвать ее от земли и втащить в клетку. Со стороны это выглядело предельно глупо. Но я не смеялся, потому что вовремя припомнил случай, как и сам однажды старался поднять ветку, на которую наступил ногой.

А теперь на очереди Фурба, ласковая и подхалимистая собачья «дамочка». И что же оказывается? Она побеждает всех моих красивых волков. Сначала Фурба делает вид,

что даже не замечает всех моих приготовлений, несмотря на то что целый день перед этим постилась. Даже в тех случаях, когда разгрузочная диета продлевается на более длительный срок, она все равно садится с самым безразличным видом в угол клетки, и мне приходится разными уловками и уговорами ее подбадривать. Но начинает она всегда неизменно с того, что умильно «служит», исполняет испытанные «танцы» на задних лапах, с помощью которых привыкла выклянчивать подачки у гостей за столом, или садится и, сложив передние лапы вместе, энергично ими машет, что означает: «Дайте, дайте же, пожалуйста, собачке кусочек!» Но я неумолим и не обращаю внимания на ее ужимки. Я даже поворачиваюсь и ухожу. И смотрите-ка, вдруг выясняется, что Фурба прекрасно знает, как это надо делать! Она принимается быстро рыть передними лапами и затаскивает нужную планку в клетку. Работает она только лапами, зубы в ход не пускает, совсем как Катя.

А теперь пусть Вальдман, этот важный и степенный песик, который часто приходит к нам в гости, покажет, на что он способен. Вальдман — такса, причем длинношерстная. То, что память у него лучше волчьей, он уже доказал во время прежних своих посещений. А вот как с «сообразовкой»?

Но на сей раз Вальдман оскорблен. Как же я смею запирать его в клетку? Да еще такую, в которой так отвратительно пахнет волком! И невзирая на урчание голодного желудка, он горестно усаживается в угол, и никакие просьбы, никакая ругань не способны пробить его толстокожее упрямство таксы: нет, не просите, ничего мне от вас не нужно! На приманку он даже не смотрит. Он ее просто не видит! Но когда я отпираю дверцу, он спокойненько обегает вокруг клетки, бросается прямехонько к куску мяса, хватает его зубами и горделиво трусит с ним к дому: и не подумайте даже, что я стану есть его в вашей мерзкой клетке! Вот так.

Ну да. Мы ведь и без тебя, Вальдман, знаем, что этот раунд в конкурсе «Волчья смекалка против собачьей» волки давно проиграли. Недаром на одно неправильное решение у волков приходится 1,81 правильных, а у собак — 2,13.

Глава двадцать вторая

ГАГИ — ОБИТАТЕЛИ СЕВЕРНЫХ МОРЕЙ

В магазинчике напротив ратуши в Копенгагене я увидел однажды одеяла и душегрейки, выглядевшие так, словно бы они изготовлены из тончайшего и мягчайшего меха. Но стоило взять их в руки, и они оказывались совершенно невесомыми, воздушными, как пух. Они и были из пуха — настоящего гагачьего пуха.

Я должен сказать, что есть вещи, названия которых весьма обыденны, о которых мы с легкостью привыкли говорить; упоминаются они постоянно и в различных общеизвестных историях и сказках, а на самом деле мы даже не знаем, как они, собственно говоря, выглядят. Вот взять, к примеру, амбру или мускус. Они всегда фигурируют в числе «арабских» или «персидских» благовоний, однако запах их большинству людей совершенно незнаком. То же относится и к гагачьему пуху. Всем вроде бы известно, что, утопая в перинах из этого пуха, «принцесса на горошине» не могла уснуть, все мы знаем, что это нечто

самое мягчайшее. Но в руках держать его приходилось немногим. Поэтому я, не раздумывая долго, решил тут же приобрести себе кофегрейку — стеганный колпак на гагачьем пуху. Кофейник под ним совершенно не остывает, так что даже опоздавший гость, пришедший самым последним, воображает, будто кофе только что заварен специально к его приходу...

А когда уже становишься обладателем подобной замечательной кофегрейки, то сам собой напрашивается вопрос: а как, собственно говоря, выглядит такая гага? Ведь увидеть живую гагу вовсе не так легко и просто, несмотря на то что в северных областях земного шара их не так уж и мало — наверное, несколько миллионов. Гнездится гага на побережье Англии, а также на островах Зильт, Борнхольм и Фюн и в некоторых других местах.

Однако в зоопарках их редко увидишь. Еще у Брема можно прочесть: «Здесь они регулярно погибают в середине лета, обычно в начале линьки. На размножение в неволе надеяться не приходится».

Но подобный укоренившийся взгляд на многих животных за последнее время совершенно изменился. А изменило его любовное и заботливое отношение к ним работников зоопарков. Так, в довоенном Берлинском зоопарке на пруду, рядом с павильоном Аквариума, годами жили гаги. И не только жили, но и приносили потомство. Правда, им повезло в том смысле, что непосредственно рядом с ними, на втором этаже здания Аквариума, жил в то время самый известный немецкий орнитолог Оскар Хайнрот, который их ежедневно собственноручно кормил. И хотя на воле гаги питаются в основном продуктами моря вроде мидий, морских звезд и мелких крабов, здесь они довольствовались хлебом, печеньем и мелко нарезанной рыбой. Но зато и голова у этих уток через несколько лет совершенно изменила свою форму. Дело в том, что у гаги, как и у всех других морских птиц, над глазами расположены огромные носовые железы, выделения которых предохра-

няют слизистую от раздражения, вызываемого соленой морской водой. При содержании птиц в пресной воде эти носовые железы постепенно уменьшаются в размере и в конце концов становятся совсем незаметными.

Для добывания мидий со дна морского гаги способны заныривать на глубину до ста восьмидесяти метров (по утверждению орнитолога Фейльдена). Но мне кажется, что тут кроется какая-то ошибка, происшедшая из-за недостаточно точного опыта, потому что английский ученый Девар, наблюдавший за их нырянием не менее трехсот раз, утверждает, что под водой гаги оставались, как правило, не больше полуминуты и никогда не заныривали глубже чем на пять метров.

Возле Гренландии гаги столь многочисленны, что на особенно кормных местах буквально покрывают море на многие квадратные километры. Но на ее несчастье, человеку понравился не только прекрасный теплый пух, но и вкусные яйца. Именно поэтому жители многих северных побережий, например некоторых районов Гренландии, устраивают прямо-таки настоящие погромы в гагачьих гнездовых колониях. Однажды за один только год из Южной Гренландии было вывезено свыше двух тысяч килограммов гагачьего пуха; килограмм такого пуха даже далеко на Севере стоит порядочных денег. Приступая к откладке яиц, гага безжалостно выщипывает у себя с брюшка огромную кучу пуха. Чтобы добыть один килограмм этого легчайшего пуха, надо разорить двадцать четыре гнезда. Следовательно, для того чтобы вывезти две тысячи килограммов гагачьего пуха, нужно было обокрасть сто тысяч гаг, лишить их гнезд — естественного утеплителя, а зачастую заодно и яиц!

Покидая на время гнездо, гага заботливо прикрывает кладку своим легчайшим теплым пухом. Счастье еще, что этот так называемый «живой пух», который утки сами у себя выщипывают, стоит значительно дороже пропитанного жиром «мертвого», то есть взятого от застреленных птиц.

Если собрать весь пух с гагачьего гнезда и сжать, то он уместится в кулаке, а если руку снова разжать, он тут же расправится и займет свой прежний объем.

Когда гагу вспугивают с гнезда, она, прежде чем улететь, постарается забрызгать кладку своим дурно пахнущим пометом. Профессор Леден, проживший долгие годы среди эскимосов, рассказывает, что и он, и его провожатые во время сбора пуха из гнезд получали от возмущенных птиц еще и дополнительные заряды подобного сорта на голову. Что касается эскимосов, то те не больно-то из-за этого расстраивались: просто срывали пучок травы и хладнокровно вытирали им себя и добытые яйца. Не отказывались они, между прочим, и от насиженных яиц: с удовольствием варили цыпленка прямо в скорлупе и съедали.

В тех местах, где гагу грабили и убивали столь хищническим и бездумным образом, жители вскоре стали замечать по собственному пустому кошельку, что они губят и теряют свою постоянную статью дохода. Там, где гнездились десятки тысяч гаг, оставались теперь лишь сотни (например, на Шпицбергене). Поэтому в последнее время для этих уток стали создавать искусственные гнездовья, вернее, удобные для этого условия: на прибрежных песках расставляют старые деревянные ящики или кладут на камни доски, на которых птицам удобно размещать свои гнезда. Там, где их опекают подобным образом, гаги становятся иногда почти ручными. Некоторые из них даже не сходят с кладки, когда к ним подходишь вплотную: они лишь прижимают голову к гнезду и слегка распластывают крылья.

Когда места гнездовий расположены далеко от моря, вылупившимся из яиц утятам всегда грозит опасность стать добычей хищных чаек во время своего марафона к спасительной воде. Нередко в подобных случаях озабоченный хозяин участка с гнездами складывает утят в корзину и несет всю эту щебечущую компанию к морю, а следом за ним поспешно ковыляет перепуганная мамаша-гага. Но и

там, в море, утят зачастую настигают большие морские чайки; когда им удастся схватить одного из малышей, они разбивают его о камень и заглатывают со всеми потрохами и перьями. Гаги выработали у себя нечто вроде коллективной обороны против этих дерзких разбойников. Как только большие морские чайки начинают планировать над молодняком, взрослые гаги — как утки, так и селезни — поскорее сбиваются на воде в тесную кучу, пряча меж собой утят так, что их практически становится не видно. Сами же взрослые гаги вытягивают шеи навстречу пикирующему агрессору, шипят, поднимают фонтаны брызг, а иногда вцепляются клювами в оперенье разбойника, да так крепко, что тому стоит немалого труда вырваться и взмыть в воздух.

Относительно верности селезней своим «женам» не поручусь — нет, этого никак утверждать нельзя. Приходилось наблюдать, как один такой селезень в течение сорока минут справлял свадьбу с тремя молодыми уточками подряд. Разумеется, при таких условиях самкам приходится высиживать яйца в гордом одиночестве, без помощи самца. Однако материнская любовь не делает уточек ревнивыми по отношению друг к другу. Часто можно увидеть, как несколько самок совместно обихаживают целую группу утят. Нередко несколько выводков, принадлежащих разным самкам, объединяются вместе и пасутся под присмотром двух-трех «нянь». Так, приходилось видеть трех уток с восемнадцатью утятами. Когда слишком много деток бывает разворовано, осиротевшие мамы стараются примкнуть к чужому семейству. Случалось, что шестерых утят опекало одновременно тринадцать заботливых мамаш! По всей вероятности, подобный способ коллективного выращивания детей и есть единственная возможность вырастить хоть сколько-нибудь потомства, когда поблизости обитает множество хищных чаек.

На одном из островов в Балтийском море в 1906 году приступил к работе новый служитель маяка — Артур То-

ом. Он был страстным любителем птиц. К сожалению, к этому времени все гагачьи колонии на острове и близлежащих рифах были уже полностью разрушены, и гагачьих гнезд там почти не осталось. Служитель маяка решил спасти положение. Вороватых ворон ему удалось отпугнуть натянутыми вокруг гагачьих гнезд яркими разноцветными нитками. Но благодаря этим ниткам гнезда с легкостью находили деревенские ребяташки. Однажды Артур Тоом стал свидетелем такой сцены: маленький мальчишка, обнаружив в гнезде вместо желаемых яиц уже вылупившихся утят, впал в дикое неистовство, схватил камень и разможил головы всему несчастному выводку. В этот момент Тоому стало ясно, что начинать надо не с птиц, а с людей. Он принялся разъяснять и убеждать, и по прошествии тридцати лет, которые он проработал на маяке, ситуация заметно изменилась. Вместо двух гагачьих гнезд, оставшихся к моменту его поступления на службу, их стало уже шестьсот пятьдесят.

Герберт Эке посвятил этому никому не известному служителю маяка, живущему на затерянном в Балтийском море скалистом островке, маленькую книжицу, заслуженно увековечив память об этом достойном человеке.

Гаги — это утки, а никак не «гагачьи гуси», как их некоторые называют за их величину. «Крупная утка еще отнюдь не гусь», — говорит по этому поводу Хайнрот. На фоне невзрачных сереньких самок самцы особенно выделяются своим роскошным, ярким оперением: грудь у них розовая, резко очерченное черное брюшко, белая спинка, нежно-зеленый затылок и переливчатое темносинее оперение лба. Видимо, из-за своей слишком бросающейся в глаза внешности селезни гораздо пугливее уток и при появлении человека поскорее уплывают подальше в море. Самочки же бывают порой весьма доверчивы, а то даже и просто любопытны.

Так, Пауль Рутке рассказывает, что во время своего путешествия по Северному Ледовитому океану они как-то

шли вдоль берега одного скалистого островка. Вскоре они заметили, что целая группа гаг с явным интересом сопровождает их, плывя вдоль самой кромки воды. Сопровождающий эскорт становился все многочисленнее по мере того, как люди шли дальше, все новые и новые любопытные утки присоединялись к «свите», и под конец рядом с ними плыла уже целая стая. То и дело раздавались крики уток, что указывало на возбужденное состояние пернатых. Когда люди устроили привал и уселись на берегу, утки вышли из воды и, переминаясь с ноги на ногу, с совсем близкого расстояния разглядывали удивительных незнакомцев с явным интересом. То, что именно появление людей так заинтересовало и взбудоражило этих птиц, подтвердил и тот факт, что, когда путешественники повернули назад, утки тоже поплыли в обратном направлении.

Ничем, кроме любопытства, подобное поведение объяснить невозможно.

Глава двадцать третья
ПРО БЕЛЫХ МЕДВЕДЕЙ

Представьте себе на минуточку, что вы дрессировщик диких зверей и вам поручено выбрать себе из двадцати четырех молодых белых медведей группу для того, чтобы выступить с нею в цирке. Я не имею в данном случае в виду вашу естественную озабоченность — как бы они на вас не набросились и не растерзали. Сейчас речь пойдет о других трудностях вашего положения, о которых обычно даже не думаешь: как различить двадцать четыре белых медведя меж собой — все белоснежные, у всех черные носы, четыре ноги, два круглых уха...

Между прочим, если вам придется иметь дело с террариумом, в котором живут двадцать четыре белые мыши, то вы окажетесь перед той же проблемой. Надо целыми неделями, даже месяцами ежедневно общаться с этими животными, чтобы научиться различать их по каким-то неуловимым отличительным признакам, каким-то персональным свойствам характера.

А вот директор цирка, по фамилии Клудский, сильно сократил время, необходимое для ознакомления с животными, причем весьма простым и элементарным способом. Он взял малярную кисть на длинной палке и, окуная ее в различную краску, просовывал сквозь прутья решетки и ставил медведям на спину синие, красные, зеленые или желтые кляксы. При этом он отмечал у себя в блокноте: красная спереди — Пауль, желтая сзади — Неро, желтая сбоку — Калигула и т. д. Таким образом, и самим животным легче привыкнуть к своим кличкам.

Вторая сложность появится с наступлением брачного периода, когда молодые медведи подрастут. Приходится он у белых медведей, так же как и у бурых, на май. Тогда в группе дрессированных медведей могут начаться не только кровопролитные бои самцов между собой, но и нападения на своего укротителя; случается, что даже со смертельным исходом. Именно поэтому в каждой группе дрессированных медведей самцы всегда выступают лишь на ролях статистов. Они сидят по краям манежа на своих тумбах и в лучшем случае под конец номера вместе со всеми остальными съезжают вниз с деревянной горки. Не более того. А все сложные номера программы исполняют только медвежьи «барышни». Так что при наступлении брачного периода, когда медведей-самцов держат запертыми в их клетках и к работе на манеже не допускают, номер все равно не срывается, потому что все исполнители главных ролей на месте.

А вот интересно, как у белых медведей с их длинной, густой шерстью вообще узнают, кто из них самец, а кто самка? Для этого есть старый испытанный прием: подростковому медведю протягивают на палке кусок мяса так, чтобы он поднялся на задние лапы. У кого чисто-белый живот, тот «барышня», а у кого на десять сантиметров ниже того места, где у нас пупок, шерсть окрашена мочой и имеет слегка желтоватый цвет, тот «паренек».

Из-за хищнического истребления в прошлом это животное из многих северных полярных областей безвоз-

вратно исчезло. В Антарктике же белых медведей, как известно, нет.

Первой из стран, взявших белого медведя под охрану, был Советский Союз. Позже этому примеру последовали и другие страны, граничащие с северной полярной областью.

Кинорежиссер Лени Рифеншталь рассказывала мне, с какими трудностями ей пришлось столкнуться, когда она около двадцати лет назад снимала в Гренландии фильм «SOS — айсберг». Согласно сценарию в фильме имелся эпизод с белым медведем, а они водились только в самых отдаленных и недоступных районах Гренландии, куда киногруппе было не добраться; да и подкрадываться к этим зверям, чтобы заснять их на киноплёнку, дело отнюдь не простое. Поэтому было решено взять с собой на пароход, зафрахтованный компанией «Метро Голдвин», двух полуручных белых медведей из одного немецкого зоопарка.

Киношники разбили свои палатки в более обжитой части Гренландии, возле стойбища эскимосов. Там они отгородили скалистую бухточку от моря стальной сеткой, возвышавшейся над водой на два метра и обвитой сверху колючей проволокой; внизу сетка была загнута и крепко-накрепко прижата ко дну громадными каменными глыбами. Потом в бухточку погрузили транспортные клетки, подняли задвижки и выпустили обоих медведей на свободу. Они принялись плавать по бухте, попытались вскарабкаться по стальной сетке наверх, но, наткнувшись на колючую проволоку, отказались от своего намерения, нырнули на дно, играючи приподняли головами край сетки, прижатый каменными глыбами, и... очутились на свободе.

Положение стало шекотливым. Будь это дикие медведи, они бы тут же уплыли куда-нибудь подальше, потому что боятся человека. Но зоопарковские медведи давно позабыли страх перед человеком, а от постоянного соседства с нами стали отнюдь не менее агрессивными. В любой момент кто-нибудь из них мог возникнуть в лагере и захотеть забраться в палатку!

Из эскимосов никто уже и понятия не имел, как охотиться на белых медведей, — они их никогда не видели. Кроме одного семидесятилетнего мужчины. Тот сел в свой каяк и, подплыв на нем к медведям, стал отгонять их от берега веслом. Так он и гнал их перед собой не спеша, словно бы пас уток. Известно, что в воде медведи, как правило, не нападают и ведут себя значительно сговорчивее, чем на суше. Старому эскимосу действительно удалось подогнуть медведей к бухте, где они без всякого сопротивления снова поднырнули под сетку тем же способом, каким прежде из-под нее выбрались. Но, к сожалению, вопрос этим не был решен и опасность не миновала, потому что все (включая медведей) теперь знали, как просто и удобно можно выбраться из заточения. Не давали они себя и заманить куском мяса в свои транспортные клетки: каждый раз оставляли одну из задних лап снаружи и быстро отскакивали, как только задвижка начинала опускаться. Старый эскимос посоветовал применить мед. И действительно, именно эта тривиальная медвежья приманка, знакомая нам в основном по детским сказкам, помогла: благодаря меду удалось заманить и запереть обоих медведей в клетки.

Затем их погрузили на пароход, вывезли в открытое море, выпустили там на льдину и отсняли чудесные кадры, освещенные ярким полярным солнцем. Но после этого медведи слезли с льдины в воду и поплыли прямехонько назад, к лагерю киногруппы.

Летчик Удет, виртуозный исполнитель фигур высшего пилотажа, зарабатывавший в то время свой хлеб участием в съемках разных фильмов, пытался задержать беглецов, преграждая им путь на моторной лодке. Но все напрасно: медведи не давали сбить себя с курса. Все же на подступах к берегу кинодеятелям удалось заманить их снова на льдину, бросив туда несколько огромных кусков конины.

Молодого легкомысленного актера уговорили облачиться в эскимосскую одежду и с копьем в руках под-

красться к пожирающим мясо медведям. Ведь киносценарии зачастую предписывают снимать такие головокружительные трюки, которые стоило бы разочек предложить исполнить самим авторам сценария!..

Итак, пока медведи разрывали мясо, новоявленный «эскимос» размахнулся и с близкого расстояния бросил в одного из них копье. И представьте, попал ему в бок! Но, ко всеобщему недоумению, медведь не дал помешать своей трапезе. Он только обернулся, выдернул зубами копье,лизал немного рану и снова принялся за свою еду.

Этим «геройским поступком» и закончились съемки «эпизода с медведями». Удет, будучи прекрасным снайпером, пристрелил обоих зверей на месте. Таково было предписание датского правительства. Оно не разрешило отпустить медведей после съемок на волю, опасаясь, что такие полуручные животные представят слишком большую опасность для эскимосов.

Но самое неприятное ожидало съемочную группу впереди. Каким-то образом в прессу просочилось, что для съемок этого фильма были использованы медведи из зоопарка. И публика вообразила, что их чуть ли не на поводке привели на съемочную площадку и посадили перед кинокамерой. Во время просмотра фильма в Гамбурге в зале каждый раз раздавались взрывы веселого смеха, как только на экране появлялись медведи. А ведь на самом-то деле отснятые эпизоды представляли для их участников немалую опасность.

Мой знакомый датчанин Альвин Педерсен, будучи исследователем Арктики, провел не одну зимовку в суровых условиях Заполярья. Он рассказал мне, как однажды по милости одного белого медведя чуть не утонул. А дело было так. Он как-то раз подкрался по льду поближе к этому огромному зверю и только поднял ружье, чтобы получше прицелиться, как вдруг медведь начал вести себя словно безумный: он прыгал из стороны в сторону, изо всей силы сотрясая лед. И только в тот момент, когда льдина тресну-

ла и начала разламываться, Педерсен понял, чем ему это угрожает! Он очутился по пояс в воде и стал судорожно карабкаться на льдину, затем лег на нее и пополз на четвереньках. Потом ему пришлось совместно со своими собаками проплыть еще некоторое расстояние в ледяной воде, чтобы попасть на твердый припай. Забраться на него было делом отнюдь не легким, потому что края льда все время обламывались и крошились. К счастью, случилось все это недалеко от его палатки, и Педерсену удалось быстро сбросить с себя свою мокрую одежду и залезть в спальный мешок, иначе он на тридцатиградусном морозе наверняка отморозил бы себе руки и ноги.

Как и всем полярным исследователям, Педерсену белые медведи часто досаждали своим любопытством и прожорливостью. Так, не было ни одного склада, ни одного домика, как бы крепко они ни были сколочены и укреплены камнями, которых бы медведи не взломали в поисках съестного.

Между прочим, я раньше считал, что качание головой из стороны в сторону, характерное для белых медведей,— привычка, выработанная в условиях неволи. И мне было весьма интересно узнать от Педерсена, что такая привычка свойственна и живущим на воле белым медведям.

В безлюдной местности медведь не знает врагов и поэтому спит совершенно богатырским, безмятежным сном. Педерсену не раз приходилось будить их окриками. У застреленных летом медведей в желудке находили одну лишь траву. Наши зоопарковские медведи ведь тоже охотно принимают зеленый корм и всякую растительную пищу.

Казалось бы, что именно белым медведям больше всего по вкусу холода, лед и снег, что именно в ледовых условиях они чувствуют себя привольно. Однако выяснилось, что они довольно быстро перестраиваются и приспосабливаются к иному климату. Во многих зоопарках уже замечали, что летом белые медведи купаются с большой

охотой, а зимой заходят в холодную воду редко, а то и вовсе не хотят заходить. Что касается белых медвежат, то они чуть ли не самые теплолюбивые среди всех пород медведей. Объясняется это, по-видимому, тем, что свое потомство медведицы приносят в так называемых «родильных домах» — глубоких снежных берлогах. А снежные стены, как известно, отлично сохраняют тепло: недаром эскимосы в своих иглу, этих снежных домиках, бегают почти нагишом. Так что огромная медведица в состоянии своим теплом хорошо отапливать подобную небольшую берлогу.

Может быть, именно по этой причине белые медведи, в отличие от других медведей, не приносят в неволе потомства? Ведь бурые или гималайские медведи делают это регулярно каждый год. Тем не менее исключения не так уж невероятно редки, как это расписывали газеты, когда в Лондонском зоопарке впервые за всю историю его существования появился на свет белый медвежонок по кличке Брумас. Было это в сороковых годах, и надо сказать, что в то же самое время в Нюрнбергском зоопарке уже воспитывалась двойня белых медвежат, родившихся в неволе. Кстати, лондонская медведица, произведшая на свет медвежонка, и сама тоже происходила из Нюрнбергского зоопарка, где была конфискована после войны и вывезена из Ганновера в Лондон. За короткий отрезок времени, с 1948 по 1951 год, в Нюрнбергском зоопарке увидели свет двадцать четыре белых медвежонка, значительную часть которых моему коллеге доктору Альфреду Зайтцу благополучно удалось вырастить.

Столь успешное «производство белых медвежат в условиях неволи» по-настоящему наладилось там благодаря счастливой случайности самым неожиданным и странным образом. Во время бури повалило дерево, и оно легло через ров, отгораживающий «горку белых медведей» от публики. Один из двух самцов этой группы перебрался по нему наружу, и его пришлось пристрелить. И после этого наладилось спокойное размножение белых медведей, по-

тому что прежде самцы без конца боролись, мешая друг другу во время спаривания.

В давно уже не существующем Штутгартском зоопарке еще в семидесятых годах прошлого века неоднократно скрещивали белого медведя с бурой медведицей. Потомки их не раз экспонировались в том же Лондонском зоопарке.

А Пражскому зоологическому саду удалось вырастить осиротевшего белого медвежонка на коровьем молоке; это был действительно необычный успех! Несколько позже то же самое проделали супруги Фаусты, работающие во Франкфуртском зоопарке.

Белые медведи в зоопарках могут стать иногда опасными благодаря своему умению высоко выпрыгивать из воды, точно так, как это делают, например, тюлени. Плавая во рву, наполненном водой и отгороженном от посетителей каменной балюстрадой, они могут внезапно взвиться кверху и на какое-то мгновение очутиться в опасной близости от обступившей ров публики. Так именно и случилось недавно в Базельском зоопарке, где медведь тяжело ранил перевесившегося через балюстраду ребенка.

У нас, во Франкфуртском зоопарке, полгода назад молодая девушка-самоубийца прыгнула в ров к белым медведям, где они ее и убили.

Тем удивительнее выглядит событие, о котором рассказывает уже упоминавшийся здесь директор цирка и дрессировщик белых медведей Клудский. Случилось это во время его гастролей в Италии. Какой-то итальянец, по профессии парикмахер, заявился к нему в цирк и грозил пожаловаться куда следует, что за животными явно плохой уход, что у кенгуру недостаточно много сена в клетке, что у белых медведей желтая и грязная шкура и тому подобное. В заключение он предложил свои услуги в качестве служителя. Желая избежать скандала, Клудский скрепя сердце согласился, но в шутку ему сказал:

— Ну что ж, берите завтра утром ведро, мыло и щетку и продемонстрируйте на большом белом медведе свои парикмахерские способности!

Как же он был насмерть перепуган, когда рано утром прибежал запыхавшийся конюх и сообщил, что новичок на самом деле залез в отделение к огромным злобным медведям и там «шурует»!

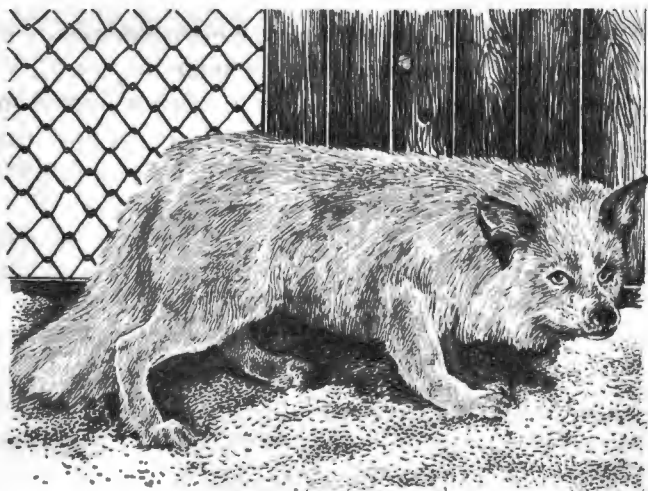
Полцирка собралось вокруг клетки и, не веря глазам своим, наблюдало, как парикмахер, в спокойствии душевном, намыливает и трет щеткой белого медведя. Он и не подумал выйти, несмотря на все увещевания, пока не довел своей работы до конца. Клудский с удовольствием сделал бы из него дрессировщика, но парикмахер наотрез отказался уехать вместе с цирком из своей родной Италии.

По схожим причинам рухнул удивительный план, задуманный знаменитым исследователем Арктики Руалом Амундсеном. Он решил использовать белых медведей вместо ездовых собак. С этой целью он раздобыл у Гагенбека двадцать молодых белых медведей и поручил дрессировщику Ройбену Кастангу выдрессировать их так, чтобы они ходили в упряжке, чего и удалось добиться после девятидневных тренировок. Однако Кастанг ни за что не соглашался принять участие в опасной научно-исследовательской экспедиции на Дальний Север. А поскольку животные кому-нибудь другому, возможно, не стали бы подчиняться, пришлось отказаться от всей затеи и ограничиться показом группы «ездовых медведей» в цирке.

Между прочим, с белыми медведями мы, европейцы, знакомы довольно давно. В 880 году один норвежец в Северной Исландии изловил медведицу с двумя медвежатами, которых прибило к берегу на льдине. Он преподнес медведей в качестве ценного подарка норвежскому королю Геральду Гарфагару, который тоже не поскупился и подарил ему за это небольшое судно, груженное лесом.

В 1056 году епископ Исландии подарил немецкому императору Генриху III живого белого медведя; а в 1250 году арабский летописец сообщает о том, что арабские торговцы, добравшиеся в те времена в поисках пушных товаров до Русского Севера, не раз привозили в Египет огромные белые шкуры.

Глава двадцать четвертая

НОРВЕЖСКАЯ СЕНСАЦИЯ

В апреле 1933 года у норвежского зверовода по фамилии Эвертсон, разводившего у себя на пушной ферме черно-бурых лис, появился на свет оригинальный лисенок, абсолютно не отвечающий мировым стандартам этой породы. Рядом со своими солидными, элегантными серебристо-бурыми родителями он выглядел легкомысленно пестрым: мордочка белая, светлые «сапожки» на всех четырех лапах, белый кончик хвоста и широкое светлое жабо вокруг шеи. Заметив нестандартного лисенка, владелец мог бы, покачав головой, тут же отбраковать его, то есть вынести ему смертный приговор. Ведь все, что не обладает прекрасным черным мехом с белыми кончиками ворсинок, присущим черно-бурым лисам, должно безжалостно выбраковываться. Все равно зимой на очередном пушном аукционе такая шкурка не принесет желаемого барыша: пойдет по цене обычных рыжих лис. А уж для последующего разведения подобные пегие экземпляры и вовсе не пригодны.

Однако господин Эвертсон не стал убивать пестрого уродца, а даровал ему жизнь и даже нарек кличкой Монс. А про себя сказал: «Там, где харчуются сотни лис, и для тебя, бедолаги, уж так и быть, пара рыб найдется».

Надо сказать, что эта «пара рыб» вполне окупилась. Уже несколько недель спустя на ферму явился один из известнейших звероводов Норвегии, некто Кяйер, который, увидев белоносого оригинала, не торгуясь заплатил за него четыреста марок. Это было больше, чем стоила прекрасная «настоящая» черно-бурая лисица, и тем не менее Эвертсон впоследствии еще не раз сокрушался, что отдал его. Ведь Монс стал родоначальником всех платиновых лис на Земле, основателем «платиновой конъюнктуры», бешеной «платиновой спекуляции». Некоторых людей Монс сказочно обогатил, а его дети, наверное, кое-кого и разорили...

Но поначалу Монса «женили» на самой обычной черно-бурой лисице в ее исконном наряде. Его новый владелец исходил из того соображения, что уже не одна порода домашних животных была создана именно таким образом: кому-то захотелось сохранить непохожего на всех остальных уродца, а затем уж от него пошла новая, оригинальная линия. Так, черно-бурых лис с некоторых пор уже можно считать одомашненными животными. Но среди их потомства не раз возникали отклонения от нормы, которые пора бы уже признать за новую породу. И владелец оказался прав: черная супруга Монса осчастливила его основательным количеством деток, и все были в светлых палиновых сюртуках.

Такие же «платиновые» отклонения от нормы возникали уже не раз и в Канаде, и в США, но там они, по-видимому, не нашли себе подходящего «антрепренера». Монс же в Норвегии попал в самую точку и был воспринят с полным восторгом. Дело в том, что в Норвегии в те годы точно из-под земли выросло множество пушных ферм, специализирующихся исключительно на черно-бурых ли-

сах. И доходы, которые эти красивые шкурки приносили вначале на мировом рынке, стали понемногу самым неприятным образом ползти вниз... А этот новый, мерцающий платиновым блеском мех, безусловно, сможет затмить любую американскую, канадскую и русскую конкуренцию!

У Монса появлялись все новые и новые внуки. Начался настоящий «платиновый бум». За каждого детеныша Монса платили по восемь тысяч марок. Когда какой-нибудь зверовод привозил свою черно-бурую лисицу на случку к платиновому самцу, то это удовольствие стоило ни много ни мало три тысячи шестьсот марок!

Уже в ноябре 1939 года на выставке лис в маленьком городе Шиен, близ Осло, было выставлено сто восемьдесят платиновых лис. Пятнадцать самых лучших самцов было продано по пятнадцать тысяч марок за штуку. А на первой Международной выставке платиновых лис, состоявшейся в Осло, Монса чествовали так, как не снилось ни одному лису в мире.

«Перед публикой, обступившей клетки, в которых экспонируются его триста десять потомков,— писала тогда одна газета,— Монс предстал во всем блеске своей славы. Клетка его была высоко приподнята над другими для более удобного обозрения. У ног его в тесных клетках сидели, сжавшись в комок, две обычные черно-бурые лисицы — представители рода, из которого произошел Монс. Сам же он гордо и независимо взирал со своих высот на бесчисленное множество почитателей, шумно восторгавшихся его отливающим платиной, шелковистым прекрасным мехом».

К 1939 году в Норвегии насчитывалось уже 4100 платиновых лис, от которых в 1940 году рассчитывали получить тридцать тысяч лисят, а еще через год каждую норвежскую черно-бурую лисицу мог бы покрыть платиновый самец. Если бы в это время не началась война...

Но это потом. А поначалу «мягкая платина» оборачивалась «твердым золотом». На одной из ведущих лисьих

ферм в провинции Хедмарк оборотный капитал увеличился более чем на миллион марок. Владелица другой фермы, которой «платина» принесла доход в двести шестьдесят тысяч крон, вынуждена была заплатить ровно 114 300 крон в качестве налога с оборота! Какое уж тут значение мог иметь тот факт, что среди платиновых детенышей смертность всегда была несколько выше, чем у обычных черно-бурых лисят, даже в одном и том же помете.

И тем не менее звероводы уже почувствовали какую-то неясную тревогу, слегка омрачавшую этот столь блистательный новый бизнес. Ведь мир хотел иметь самцов платиновых лис, чтобы получить возможность покрывать ими как можно больше черно-бурых самок и получать в результате этого целую кучу платиновых лисят. За самками платиновых лис никто особенно не гонялся.

А как обстояло дело со шкурками? Они-то хоть приносили столько же тысячемарочных купюр, сколько дорогостоящие самцы-производители? Ведь должен же был когда-то настать момент, когда придется продавать меха, а не только живых зверей для разведения! Когда таможня в Хапаранде пустила с аукциона десять шкурок платиновых лис, конфискованных ею при попытке контрабандного провоза, то они пошли по цене в среднем всего лишь в двести пятьдесят марок... В то же время в Нью-Йорке один из шикарных торговых домов по продаже готового платья заплатил на аукционе за наилучший платиновый мех 27 500 марок! Владельцы пушных ферм снова легко вздохнули. Но вскоре стало известно, что на том же пушном аукционе все остальные шкурки платиновых лис пошли в среднем всего лишь по 1500 марок. Ведь такие вот единичные «суперцены» встречаются только в США. Покупатель сам взвинчивает цену елико возможно. Двадцать восемь тысяч марок за одну шкурку — это сенсация, которая пройдет по страницам всех газет, это замечательная реклама для фирмы, которая покупает подобные

«люксовые меха» и пришивает их на свои пальто! А в самом Осло вскоре после этого события можно было купить те же шкурки по триста — четыреста марок...

Но если уж бизнесу не суждено навеки сохраниться, то пусть хоть он *подольше* продержится, подумали норвежские звероводы. Ни одного потомка Монса не выпускать через границу!

Но еще ни одной стране за всю историю человечества не удавалось сохранить для себя монополию на какой-нибудь вид животных и растений. Потому что ведь даже самая небольшая партия контрабанды по ту сторону границы начинает распространяться все дальше и шире. Если уж саженцы каучуконосов, невзирая на угрозу смертной казни, были переправлены через границу внутри чучела крокодила, а коконы шелкопряда не могла удержать в стране даже Китайская стена, то что уж можно было ожидать от Норвегии с ее морскими границами большой протяженности и низкими штрафами за контрабандный вывоз пушнины? Правда, в 1939 году полиция после бешеной погони настигла моторную лодку, в которой везли трех лисиц. Это были самые обычные черно-бурые лисицы, причем все три — самки. Приветливо приняхиваясь, они подошли к самой сетке своих клеток. Но весь секрет заключался в том, что предварительно они были покрыты самцами платиновой породы. Когда это выплыло наружу, норвежское правительство поспешно издало запрет на вывоз любых пушных зверей, включая норок и куниц. Но было уже поздно.

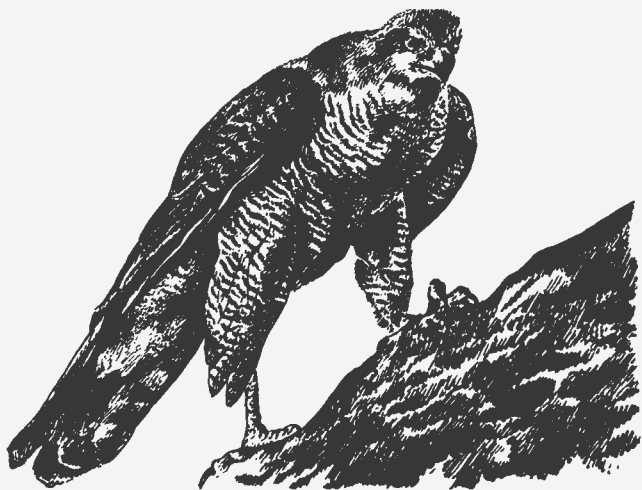
Вскоре всю датскую прессу обошло сенсационное сообщение о том, что на одной из пушных ферм появились на свет четыре платиновых лисенка. Каким образом — об этом владелец умалчивал. В Швеции в скором времени насчитывалось уже несколько сотен платиновых лис, а уже оттуда они самым законным образом переправлялись в другие страны. В Германию они попали таким же образом. Поэтому норвежцы стали призадумываться над тем,

а не стоит ли отказаться от запрета и самим снабжать все остальные страны производителями ценной породы? Может быть, это гораздо выгодней?

Да, какие только превратности судьбы не ожидают таких редких знаменитостей! Вот, по моему скромному мнению, например, селедка в пряном соусе значительно вкусней черной икры. У селедки только тот «недостаток», что она дешевле. А дешевле она потому, что селедок пока еще больше на свете, чем осетров, и что их легче вылавливать. Будь это иначе, в меню самых шикарных ресторанов рядом с омарами и устрицами гордо красовалась бы селедка с картошкой в «мундире».

Так и с платиновыми лисами. Судя по тому, что говорят, разводить их ничуть не сложнее и не дороже, чем черно-бурых лис. В тех же вольерах, в которых сейчас сидят черно-бурые, через год уже могут поселиться светлые платиновые лисички; причем даже состав кормов менять не придется. Следовательно, недалек тот день, когда наши модницы смогут приобрести себе за те же деньги вместо черно-бурого мантио — платиновое. Только вот беда: тем временем в моду вошли уже норки...

Глава двадцать пятая

АСТЕР

Астер был ястреб, точнее говоря, ястреб-тетеревятник, но такой, о котором в Купферхаммере и окрестных хуторах еще долго будут рассказывать, до тех пор пока живы люди, которым самим пришлось пережить его террор и быть очевидцами его дерзких налетов. Когда ребяташки, мастера-щие на лежанке, возле печки, человечков из каштанов, слышали эти рассказы, они до того пугались, что боялись после этого выйти на двор, чтобы добежать до уборной. Повсюду им чудился свист рассекаемого мощным крылом воздуха, в то время как это был всего лишь ветер, скребу-щий голыми ветками берез по крыше старого сарая...

Помню, как в тот раз настойчиво приглашал меня к себе Килиан. И хотя я отнюдь не сомневался в его дружеских ко мне чувствах, тем не менее понимал, что не одним желанием повидаться со мной объяснялось его приглашение. У него наверняка были и другие соображения практического характера.

У Килиана был обширный птичий двор. И вот за последнее время он то и дело стал находить мертвых несушек, лежащих где-нибудь в укромном углу курятника. Я должен был выяснить, в чем тут дело. Но потом все сложилось совсем иначе. У Килиана появились заботы по-серьезнее.

Начались они с того, что Бруно, его помощник, стал приносить изорванных в клочья кур, найденных под одиноко стоящими на поляне деревьями. Килиан вечером, когда все его птичье племя расселось по насестам, провел «перепись населения». И что же он обнаружил? Не хватало целых восемнадцати штук! Восемнадцати его гордых итальянских несушек цвета серой куропатки! Стали подзревать подряд всех на свете: дворовых собак, лису, ежей, куниц, хорьков и даже ворон, пока в один прекрасный день на дворе не раздались оглушительные вопли и отчаянное кудахтанье. Килиан в чем был выскочил из дому и успел заметить лишь тень какой-то хищной птицы, с трудом оторвавшейся от земли с несушкой в когтях и тотчас растворившейся где-то возле опушки леса. Килиан схватил пистолет — единственное имевшееся в доме оружие — и кинулся вслед за разбойником. И он настиг его, как это ни покажется странным! Действительно, там, на высокой коряге, сидело что-то темное. Килиан стал медленно приближаться, тщательно прицелился и выстрелил.

Единственным положительным результатом этого выстрела было то, что ястреб уронил свою добычу, а мы получили возможность поесть на ужин куриного рагу. А еще мы увидели, что на опушке повсюду валяются перья и другие остатки от по меньшей мере дюжины ястребиных трапез. Ну прямо хоть плачь!

Начиная с того дня этот наглец повадился залетать именно во двор фермы, вместо того чтобы довольствоваться курочками, разгуливающими на лугу. Разумеется, петухи Килиана тоже не дремали: они зорко следили за небом, накренив свои головы, чтобы лучше видеть, и на-

чинали истошно орать, как только где-нибудь в вышине показывалась хоть самая незаметная точка. Но ястреб и не собирался пикировать с высоты: он стлался в полете низко над самой землей, всего в каких-нибудь тридцати сантиметрах от земли, где ни одна душа не могла его заметить; затем он совершенно бесшумно появлялся из-за крыши сеновала или кустов бузины, а к тому моменту, когда куры с криком бросались врассыпную, он уже улетал, держа одну из них в когтях...

Тогда Килиан решил купить охотничье ружье. Он часами лежал в засаде. Лежал в засаде и я. Но нельзя забывать, что один час состоит из трех тысяч шестисот секунд, а день, в свою очередь, из четырнадцати часов. И только в одну-единственную из этих пятидесяти тысяч секунд, которую совершенно невозможно определить заранее, разбойник совершает свое нападение. Причем всегда так быстро, что следует считать достижением уже тот факт, что мы один или два раза успели пульнуть ему вслед!

А в курятнике Килиана становилось все более пусто. Заметно это было и по убывающему количеству яиц, которые ежедневно отгружались в город. Но — тысячу чертей! — мы ведь имели дело не с орлом, не с беркутом же каким-нибудь! Трудно даже поверить, что такая не Бог весть какая большая птица — не больше полуметра в длину и с размахом крыльев, не превышающим одного метра, — в состоянии нанести человеку подобный урон!

Килиан отправился к лесничему. У того тоже были куры, да к тому же еще ярко-белые, заметные издали, и тем не менее этот чертов ястреб ни одной-единственной курочки у лесничего еще не стащил.

— А вы уж небось заподозрили, — сказал лесничий расстроенному Килиану, — что ястреб заключил с нами, лесниками, пакт о ненападении, нечто вроде союза против вас, деревенских, так ведь? Напрасно. Просто у этой животины гнездо где-то здесь поблизости от меня. Это у них закон такой: там, где выводится потомство, там не грабят!

У лесничего хватало своих дел по горло. Он как раз был занят тем, что засыпал лесную дорогу шлаком, который привозили на двух баржах по каналу. Ему было недосуг возиться с каким-то ястребом. Но к нему каждый день стали наведываться возмущенные крестьяне с проклятиями и руганью, а некоторые даже с угрозами, что не будут давать ему подвод для нужд лесничества, если он не избавит их от обнаглевшего куриного вора.

Делать нечего — хочешь не хочешь, а пришлось лесничему отправиться на поиски гнезда ястреба. И вскоре он действительно услышал характерную переключку двух ястребов: один кричал «киау, киау», а другой отвечал «ги-ги-гик». Стараясь не показывать виду, что он интересуется семейной перебранкой ястребов, лесничий пошел вдоль просеки в ту сторону, откуда раздавались голоса. Но оказалось, что это всего лишь сойки, которые, черт бы их побрал, научились передразнивать ястребов! Нет, разыскать самих ястребов дело, по-видимому, абсолютно безнадежное — слишком они хитры и осторожны. А вот попытаться найти их гнездо — это еще куда ни шло. Стал искать. Но то и дело его вводили в заблуждение спутанные «мочалки» березы или густые переплетения ремнецветов (омелы), темнеющие в кронах деревьев. Наконец он все же нашел, что искал: вот она, мрачная разбойничья крепость, на краю заброшенной просеки, высоко на сосне, у самого ствола.

На другое утро он еще до восхода солнца прокрадывается к этому месту и, спрятавшись за куст, пристраивает на сук ружье, взяв его на изготовку. О, ему слишком хорошо известно, что у него не будет времени вскинуть ствол, он прекрасно знает, что застрелить старого ястреба — дело очень и очень непростое!

Постепенно солнечный свет начинает пронизывать густое переплетение ветвей и чуть освещает глубокую крепость из хвороста. Сверху она, по-видимому, для маскировки от ворующих яйца ворон прикрыта свежесорван-

ными зелеными ветками. На яйцах сидит ястребиха. Она дремлет, и голова ее покоится на краю гнезда, так что сквозь растопорщенное шейное оперение просвечивает нежный серый пушок. Но, заслышав скрип телеги, проезжающей по просеке, птица сразу же настораживается. Какой-то легкомысленный и ничего не подозревающий зяблик опускается совсем рядом с гнездом на ветку сосны и принимается за свои ликующие песни любви, заливаясь и шелкая. Но насиживающая смерть даже не пошевелинулась: возле крепости всем даруется жизнь.

Потом вдруг самки-ястреба не стало. Она соскользнула с гнезда совершенно бесшумно, лесничий не заметил даже тени улетающей птицы. Десятью минутами позже самец-ястреб откуда-то снизу, как стрела, взметнулся кверху и тоже бесшумно исчез в спасительной крепости.

Лесничего постепенно начинает раздражать досада. Два дня сидит он в укрытии, а толку никакого. И дело тут в конце концов вовсе не в жалобах окрестных крестьян, а просто это уже стало делом его чести — перехитрить этих двух хитрецов там, наверху! За два дня, проведенных под деревом с гнездом, он проследил, что у этих птиц в воздухе имеются тоже совершенно определенные проторенные пути, как у зайцев во ржи. Вон там, между двумя верхушками сосен, они, неслышно прочертив воздух крылом, планируют вниз и летят точно вдоль просеки. Он уже знает, когда примерно супруги сменяют друг друга, и прицеливается теперь не в край гнезда, а несколько подальше, прямо на «взлетную дорожку».

В субботу он наконец является домой с мертвым ястребом. Это тот, что поменьше. Значит, самец.

— Ну, надеюсь, теперь фермеры будут довольны — получают то, чего хотели! Но меня больше не заставишь добровольно сидеть в кустах в бесплодном ожидании!

В воскресенье во время обеда Килиан вскакивает из-за стола: две тарелки с супом падают на пол и разлетаются вдребезги. Но все произошло гораздо быстрее, чем я это

сейчас в состоянии описать. По коридору с диким кудахтаньем неслась курица, одна из самых лучших и крупных несушек, и когда она вскочила в комнату, то все увидели, что на спине у нее, вцепившись когтями, сидит большая коричневато-серая птица, которая, распутив крылья, пытается затормозить эту бешеную скачку. Одной лапой она впиалась в спину курицы, а другой старается за что-нибудь зацепиться и поэтому притаскивает за собой в комнату половик, лежавший у входной двери... Процессию завершает пес Илло, бегущий с остервенелым лаем следом за птицами. Вздуродженный хозяин дома швыряет тарелкой в ястреба, тот отпускает свою жертву, опрометью бросается к окну. Стекло со звоном разбивается, и разбойник был таков...

А бедная старая курица все еще продолжает громко вопить, стоя посреди комнаты. Она разрешает взять себя в руки — не вырывается и не протестует. До самого вечера бедняжка так и не может прийти в себя от пережитого потрясения: куда ее поставишь, там она и стоит как вкопанная, словно неживая.

Карл, который был наполовину зоологом, прочел нам после этого целую лекцию о ястребах, упомянув их латинское название *Astur palumbarius*. Это и послужило поводом окрестить зловредную ястребиную самку Астер, и вскоре уже вся округа знала ее именно под этой кличкой. А ведь дикое животное должно прославиться какими-то уж очень впечатляющими «подвигами», чтобы люди начали выделять его среди прочих сородичей и дали ему собственное имя. Но именно этих-то «подвигов» ястреба день ото дня становилось все больше, и поведение его делалось все наглее. Прямо над самой головой Килиана, в каких-нибудь двух метрах от него, Астер хватала и утаскивала с чердака его голубей. Теперь ястребиха перестала обращать внимание на присутствие кого-либо из нас. Это выглядело, прямо скажем, весьма оскорбительно. Бруно уверял, что это месть за убитого супруга, и все ему верили,

не слушая справедливых возражений Карла, что дерзкий грабеж объясняется совсем другим: птице приходится теперь в одиночку обеспечивать кормом свое потомство.

— От этих забот я ее скоро избавлю,— бормотал себе под нос Бруно.

Он одолжил у одного связиста пару железных «кошек», при помощи которых лазают на телеграфные столбы, взял мешок и дубину и отправился к ястребиному гнезду. А вдруг разъяренная Астер набросится на него, защищая свое потомство? Раздерет ему когтями лицо? Клюнет в глаз? Нет, ничего подобного не произошло; она лишь, крича, улетела прочь. Бруно убил дубинкой трех птенцов, а четвертого захватил с собой. У него созрел план, как с его помощью заполучить старую самку.

Инго, как называли птенца-ястреба, которому было каких-нибудь четырнадцать дней от роду, был еще покрыт белым мягким пухом, хотя на спине уже пробивались серые перья. Бруно соорудил ему гнездо в чулане и ежедневно кормил. Это был прожорливый маленький гаденыш, который поначалу все кидался на спину и старался схватить человеческую руку своими уже сильными лапами, вооруженными крепкими загнутыми когтями.

Недели через четыре, когда Инго уже начал летать, в комнату случайно забежала молоденькая курочка. Но не успела она дойти до стола, как Инго моментально схватил ее и снова сел с умершвленной добычей на свое обычное место. Все было сделано с такой молниеносной быстротой, что никто и опомниться не успел.

Килиан написал мне в город письмо, что, по всей вероятности, ему придется расстаться с фермой. Ведь разведение кур и продажа яиц были основной статьей его дохода на этой скудной, неплодородной песчаной почве, а теперь это дело все больше и больше приходило в упадок. И все из-за проклятого ястреба! Уж он пообещал триста марок за его голову; двое других крестьян от себя еще добавили по пятьдесят марок — получилось четыреста. На по-

стоялом дворе повесили об этом объявление; такое же висит на общинной доске объявлений в деревне — словно бы речь шла о поимке опасного преступника. Но кто? Кто окажется в силах заработать эти деньги? Ведь даже хитроумный расчет Бруно потерпел фиаско: он привязал Инго к колышку в качестве приманки и пристроил вокруг него ловчую сеть. Килиан уж даже и не знал, радоваться ли тому, как терпеливо Бруно часами просиживает с веревкой в руках, спрятавшись за дверями сеновала, или огорчаться, что тот почти перестал работать в поле? Что же касается Астер, то она на второй же день после устройства западни совсем рядом с ловчей сетью схватила и убила молоденькую курочку. На своего отпрыска Инго она не обратила ни малейшего внимания!

А с тем тоже уже стало опасно связываться. В чулан к нему можно было входить, лишь спрятав руки за спину, иначе он мгновенно вцеплялся в них мертвой хваткой. Стоило ему только поймать одну из рук, как он впивался в нее когтями, а если человек пытался освободить себя другой рукой, он хватал и ту второй своей желтой лапой: получалось нечто вроде весьма болезненных наручников. Тогда уж лучше было не шевелиться, потому что острые, как кинжалы, когти могли повредить сухожилия и даже кости. Да, Инго был достойным сыном своей разбойничьей мамы! К счастью, он никогда не бросался в лицо, а только на руки и на ноги (на которых он продырявливал когтями брюки и впивался в голень). Тот, кто входил в комнату с зарезанной курочкой или кроликом, часто не успевал бросить эту добычу ястребу: в мгновение ока он кидался и хватал ее вместе с рукой! Но сам процесс поглощения пищи у ястреба происходил уже неторопливо и степенно.

Когда Инго сидел на своем месте для сна и слышал, как Бруно нарочно скребет пальцами ног внутри ботинка, он тотчас же настораживался и начинал от удивления поворачивать голову таким образом, что, казалось, вот-вот скрутит себе шею.

Что же касается Астер, то она продолжала оставаться какой-то необъяснимой загадкой. Лесничий утверждал, например, что видел своими глазами, как она убила и сожрала даже самку сарыча, которая осмелилась попытаться отбить у нее добычу. Обычной же пищей ястребу служили помимо домашних кур и голубей большей частью дикие животные, начиная с зайцев, кроликов, белок, из птиц — жаворонков, чибисов, сорок, дроздов, неясыти, зябликов, дятлов, вяхирей, большой синицы и обыкновенной овсянки и кончая лесными мышами.

В других местностях случается, что ястребы специализируются в основном по водоплавающим птицам. Но здесь были только искусственные пруды, и обитающие в этом районе ястребы не были приучены к охоте на воде. Поэтому на хороводы жирных уток они не обращали ни малейшего внимания: те для них просто-напросто не существовали. Не будь поблизости домашних кур, то живущих в округе мелких певчих птиц могло бы и не хватить на то, чтобы прокормить этих ненасытных «джентльменов удачи», несмотря на то что они в поисках пищи рыскали порой на расстоянии пяти километров от гнезда. Астер удавалось одолеть даже серую цаплю! Лесничий нашел бранные останки от ее трапезы и видел своими глазами, как эта бесстрашная разбойница нападала на следующую цаплю.

«Если уж она принялась зайцев убивать,— говорили испуганные деревенские мамы,— то, не ровен час, она может ухватить и маленького ребенка? Ведь он немногим больше зайца!»

На следующий день прибежал домой громко вопящий пятилетний мальчишка. Он утверждал, что за ним гналась большая темная птица.

«Господи, да что же это такое! — причитали женщины.— Нашу домашнюю птицу почти всю перетаскало это отродье, разорило совсем, окаянное, а теперь еще и за детей наших взялось!»

Встревоженные матери перестали отпускать своих детишек играть возле леса. Наконец людям стало ясно, почему никак не удается справиться с этой зловещей Астер: она заколдована. В нее вселился бес. Ведь известно, что он умеет перевоплощаться. Вот он и превратился сейчас в ястреба. Принял облик старой Астер! А от подобной адской скотины можно чего угодно ожидать, ведь ясно, что это никакой не ястреб, и силища у него похлеще, чем у орла или даже медведя...

Какой уж тут прок от того, что община увеличила размер премии за голову Астер еще на триста марок, так что теперь она стоила все семьсот? Все равно ничего из этого не получится! Зря только вывешивают подобное на доске объявлений.

Однако кое-кого объявление все же заинтересовало. Это был Леберехт Зидетопф, дачник, приехавший в эти места провести свой летний отпуск. Узнав, что объявлен розыск неуловимой Астер, он принялся насвистывать свою любимую песенку про красотку мельничиху. Он ее насвистывал всегда, когда ему подворачивалось выгодное дельце, когда он нападал на верный след удачного бизнеса. А вы ведь знаете, что для того, чтобы повернуть выгодное дельце, надо иметь только пару хороших идей в голове и уметь комбинировать. И хотя Зидетопф и понятия не имел, как выглядит такой ястреб, и тем более не знал, как его ловят, тем не менее он где-то прочел, что ворон, ястребов и других птиц можно привлечь живым филином, а затем спокойно пристрелить. Живого филина, даже почти ручного, содержал у себя дома чудаковатый любитель птиц, живущий в Котбусе. Не будем жадничать и предложим ему великодушно тридцать марок за прокат филина.

Там, где человеческий глаз не увидел бы ничего, кроме затянутого дымкой горизонта, старая Астер заметила какое-то подозрительное оживление среди воронья — их явно что-то волновало. Астер осторожно подлетела побли-

же. Но когда она увидела сидящее на пеньке удивительное чудище — ушастое, шипящее во все стороны и шелкающее клювом, тут с ее хваленой воровской осторожностью было покончено. Кто знает, что привело ее в такую дикую ярость? Ведь филинов в окрестностях Купферхаммера не было уже десятки лет. Во всяком случае, Астер явно никогда еще не приходилось их видеть. Могла ли она знать, что филин, этот зловещий владыка ночи, способен победить даже таких опасных дневных разбойников, как ястребы? Что он нападает в кромешной тьме на их гнезда, разоряет и пожирает целые ястребиные выводки, да и взрослых птиц способен умертвить и разорвать на части, пользуясь прикрытием темноты?

Но известно ведь, что можно десять поколений цыплят вывести в инкубаторе, и все равно одиннадцатое, когда вырастет, будет точно знать, как подзывать к себе свой выводок, как ухаживать за цыплятами, и станет проявлять по отношению к ним всю полноту материнской любви, которой сами эти птицы были начисто лишены. И точно так же, как любовь, многие животные наследуют в течение целого ряда поколений и ненависть. Во всяком случае, как только Астер увидела хлопающее глазами чудище, она тут же очертя голову кинулась на него. Воронам теперь пришлось поделить свое недовольство между филином и ястребом, но что уж такого особенного они могли бы сделать с этими двумя хищниками?

Астер облетела вокруг коричневатого-черного врага, а тот, привязанный за ногу к колышку, только поворачивал голову, следя за ее полетом. Но как только Астер собралась на него спикировать, из близлежащей засады, замаскированной травой, вырвалась яркая вспышка огня. И вот дерзкий ястреб, который с высоты своего полета мог обозревать озера и горы, все земли, протянувшиеся от Альтфатерфорста до самого Фюрстбишофсвальда, теперь дергался всем телом и беспомощно прыгал по траве. Он схвачен рукой в кожаной перчатке, связан за ноги, и его

ташат, словно курицу, через всю дерёвню... А затем Астер запихивают в проволочную клетку и выставляют для обозрения. Она сидит, эта старая жестокая хищница, и ждет своей участи. Ждет конца. Ее неподвижные ярко-желтые глаза без выражения смотрят на зевак, которые ежедневно собираются вокруг ее клетки, разглядывают и дразнят ее. Тот, кто еще пару дней назад утверждал, что убить ее можно только серебряной пулей, что она неуязвима, сейчас находил, что она в общем-то самая обыкновенная и даже не очень-то крупная птица. Тот, кто еще воскресным вечером не решался пройти по лесной дороге, тот теперь, стоя перед клеткой, выторговывал себе ее тушку, из которой собирался сделать чучело и повесить в пивнушке «Золотая люлька». О, как их можно возненавидеть, этих людей, которые, стоя в зоопарке перед клеткой с гибкой, стройной, урчащей пантерой, мечтают только о меховом манто! Это именно они способны, стоя у постели умирающего, шепотом говорить о дележе наследства.

Вскоре некоторым из зрителей показалось слишком скучным смотреть, как Астер неподвижно сидит на перекладине. Хотелось как-то развлечься. Решили притащить Инго, ее детеныша, и посадить к ней в клетку. Но птицы лишь оглядели друг друга безразличным взглядом и уселись неподвижно одна против другой. Однако полдня спустя обнаружили Астер сидящей на останках Инго и судорожно заглатывающей добычу. Она осталась верна себе и после своего падения!

В нашей удивительной человеческой натуре заложено и то, что мы невольно, не признаваясь себе в этом, преклоняемся перед тиранами. Даже если они мучили и поработали людей, лишали их покоя и благосостояния, мы желаем им, может быть, жестокой, лютой смерти, но не бесчестного, смехотворного конца, под злорадное улюлюканье толпы. Поэтому когда Астер день спустя удрала через отверстие, образовавшееся в оторванной проволочной сетке, я не один порадовался тому, что она не будет

висеть в виде чучела в табачном дыму пивнушки «Золотая люлька».

Улетела ли она в какую-нибудь другую, отдаленную местность или ее, еще обессиленную и с перебитым крылом, сожрал филин, недавно поселившийся в этих местах?

Во всяком случае, ее уже больше никогда здесь не видели.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Глава первая. Подопытное животное — тигр</i>	7
<i>Глава вторая. Осторожно: тигры!</i>	62
<i>Глава третья. Кровавый каучук, или Бизнес на искалеченных индейцах</i>	68
<i>Глава четвертая. Инстинкт или разум?</i>	82
<i>Глава пятая. Как попугай узнает своего хозяина?</i>	92
<i>Глава шестая. Лошадиный дантист</i>	105
<i>Глава седьмая. Черно-белые</i>	117
<i>Глава восьмая. Две родины кошки</i>	123
<i>Глава девятая. «Витаминные фабрики» животных</i>	135
<i>Глава десятая. От Древней Греции до наших дней</i>	146
<i>Глава одиннадцатая. Становление собачьей «личности»</i>	150
<i>Глава двенадцатая. «Одиссея» и охрана природных богатств</i>	157
<i>Глава тринадцатая. Слоновья нога</i>	167
<i>Глава четырнадцатая. Музыкальны ли животные?</i>	170
<i>Глава пятнадцатая. Как от них избавиться?</i>	180
<i>Глава шестнадцатая. «Мартышкина любовь»</i>	193

<i>Глава семнадцатая. Может ли пава умереть «с горя»?</i>	200
<i>Глава восемнадцатая. Лошади и горы</i>	207
<i>Глава девятнадцатая. Подкидыши</i>	213
<i>Глава двадцатая. Есть ли животные с «шестым чувством»?</i>	225
<i>Глава двадцать первая. Кто смышленнее: волк или собака?</i>	237
<i>Глава двадцать вторая. Гаги — обитатели северных морей</i>	244
<i>Глава двадцать третья. Про белых медведей</i>	251
<i>Глава двадцать четвертая. Норвежская сенсация</i>	261
<i>Глава двадцать пятая. Астер</i>	267

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:*

127018, Москва, Суцевский вал, д. 49

Издательство «Дрофа-Плюс»

Телефон редакции: (095) 795-05-43

Оптовое-розничную продажу книг производит

Торговый дом «Школьник» по адресу:

Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1а

(м. «Таганская», радиальная)

Тел.: (095) 912-15-16, 912-70-24, 912-45-76

Магазин «Переплетные птицы»

Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1 (м. «Рижская»)

Тел.: (095) 912-45-76

Гржимек Б.

Г 75 Наши братья меньшие /Пер. с нем. Е. А. Геевской;
Худож. А. В. Ермаков. — М.: Дрофа-Плюс, 2003. — 288 с.:
ил. — (Зеленая серия).

ISBN 5-9555-0074-X

Страшно ли зайти в клетку с группой незнакомых тигров? Что будет, если вам на ногу наступил слон? Как попугай узнает своего хозяина? Имеют ли животные музыкальный слух? Насколько крепка мартышкина любовь? Может ли пава умереть от горя? Найти ответы на эти вопросы помогут ожившие впечатления знаменитого ученого и путешественника Бернгарда Гржимека.

УДК 82-311.8(02)

ББК 84(4Нем)-44я5

РЕДАКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Зеленая серия

**БЕРНГАРД ГРЖИМЕК
НАШИ БРАТЯ МЕНЬШИЕ**

Заведующий редакцией

Е. В. Туинов

Ответственный редактор

Л. В. Лобанова

Художественный редактор

Э. А. Смирнов

Технический редактор

Г. П. Васильева

Компьютерная верстка

Г. П. Васильева

Корректор

Р. В. Низяева

Подписано к печати 10.06.03 г. Формат 84х108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 7000 экз. Заказ № 4310087.

ООО «Дрофа-Плюс»

127018, Москва, Сушевский вал, 49

Изд. лицензия № 061622 от 07.10.98

Издание осуществлено при участии ООО «Дрофа»

127018, Москва, ул. Сушевский вал, 49

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа-Плюс» обращаться по адресу:**

127018, Москва, Сушевский вал, 49

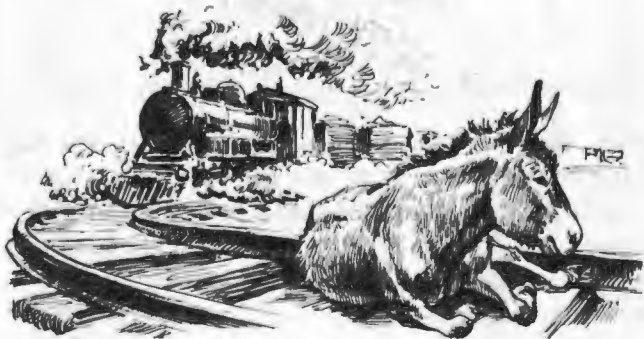
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУИПП «Нижполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

В. Корочанцев

*Голоса животных
и растений*

Ослы. Ослы? Ослы! Если включиться в этот разговор, не вникая в него, то вполне можно подумать, что речь идет о каких-то «растяпах» и вообще нехороших людях. Но было бы неправильно подумать, что в такой уважаемой серии, как ЗЕЛЕНАЯ, пойдет рассказ о людях, тем более нехороших.

Конечно же речь пойдет именно об ослах – животных, ставших очень известными благодаря истории и литературе. Да и не только об ослах, но и о верблюдах, гиенах, крокодилах, пчелах и других африканских животных, а также о богатом мире растений этого огромного континента, который автору как натуралисту невероятно интересен!

Словом, Владимир Алексеевич Корочанцев приглашает вас в Африку – удивительный мир, где духовность присуща и людям, и животным, и растениям, где можно воочию убедиться: гармония человека и природы возможна!

И тем не менее некоторые черты характеров, как у нас, людей, так и у наших собратьев по планете, весьма схожи. Поэтому автор, как человек тактичный, просит считать любое сходство описываемых животных с кем-то из людей случайным и неумышленным...

З Е Л Е Н А Я С Е Р И Я

Жан-Пьер Халле

Китабу о животных

Жан-Пьер Халле родился в Бельгии, но Африка стала его вторым домом. Большую часть жизни он провел в Конго, был принят кровным братом в племена балега, масаев и ватуси, прошел обряды посвящения в воины, что требовало не только смелости, но и чрезвычайной физической выносливости. Халле выучил 17 местных диалектов, собрал самую большую коллекцию африканских артефактов и написал несколько книг. Одна из них называется «Китабу о животных». КИТАБУ на языке суахили означает «книга».

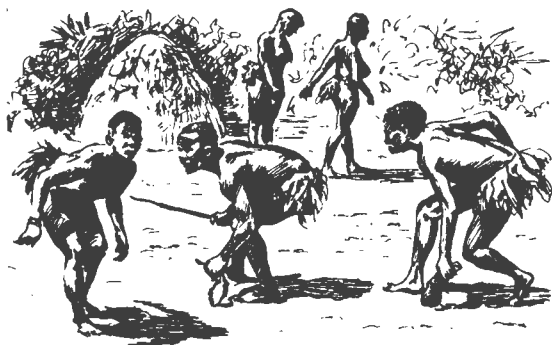
В книгу-китабу вошли рассказы о самых популярных африканских животных. На языке суахили их называют: Чун — истинный царь зверей; Симба — джентльмен-лодырь; Мбого — бдительный воин; Тембо — гражданин с твердыми устоями; Кифару — несостоявшийся преступник; Мамба — бомж с физическими недостатками...

Кто из зверей скрывается под такими хлесткими характеристиками, вы узнаете, прочитав «Китабу о животных»!

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

В. Корочанцев

Африка

...На востоке Мали, южнее излучины реки Нигер, вздымается причудливо изрезанное плато Бандиагара. Среди скал, отсеченных друг от друга глубокими впадинами, в течение веков находят убежище догоны...

«Ранним утром гулко загрели барабаны. Мулоно, почтенные старцы, шестьдесят лет назад мальчишками отмечавшие Сиги, взобравшись на возвышения, на ритуальном языке стали призывать односельчан приступить к празднеству...»

Праздник Сиги — очень подходящий случай для знакомства с догонами. В нем ярко проявляется их быт, обычаи и мировоззрение. И такой случай представился автору...

Владимир Корочанцев много путешествовал по Африке и собрал богатейший материал о жизни разных племен. Так родилась эта книга, в которой, словно в калейдоскопе, собрана причудливая мозаика из обычаев и устоев народов, чьи корни уходят в глубокую древность.

СЕРИЯ «ВОКРУГ СВЕТА»

СБОРНИК

Тигр снегов

*Автобиография Тенцинга,
записанная с его слов Джеймсом Ульманом*

Чарлз ЭВАНС

Неприкосновенная Канченджанга

*Сборник посвящен покорению
альпинистами величайших вершин мира Джомолунгмы
и Канченджанги*

29 мая 1953 года Тенцинг Норгей и Эдмунд Хиллари вступили на высочайшую вершину мира и провели там 15 минут. Тенцинг Норгей — первый в истории Азии человек из простого народа, который завоевал всемирную известность и славу. Он был неграмотным и поэтому историю своей жизни рассказал Джеймсу Ульману, который постарался сохранить во всех подробностях размеренную и неторопливую речь самого знаменитого шерпа.

Чарлз Эванс, выдающийся английский альпинист, врач по профессии, участник успешного восхождения на высочайшую вершину мира Джомолунгму (Эверест) в 1953 г., в своей книге рассказывает о покорении третьей по высоте вершины мира — Канченджанги.

Дж. Корбетт

*Наука
джунглей*

В Индии Джим Корбетт личность легендарная. Большую часть своей жизни он проработал подрядчиком на индийской железной дороге, но прославился как непревзойденный охотник на хищников-людоедов и защитник обездоленных.

С детских лет Корбетт изучал сложную науку джунглей — как отыскать съедобные корни и клубни, какие цветы и плоды могут заменить чай или кофе, кора каких растений спасает от лихорадки и нарывов, как не натереть ногу и избежать солнечного удара, что сделать при укусе змеи или расстройстве желудка... Джим Корбетт рано понял, что джунгли не прощают легкомыслия и невежества. Все это помогло ему выходить победителем из противостояния с жизненными трудностями. Он не дрогнул, встретившись один на один с тиграми-людоедами, на счету которых были десятки и сотни жертв.

В данный сборник вошли повести «Моя Индия», «Наука джунглей», «Храмовый тигр».

Я буду счастлив, если моя книга принесет хоть немного радости и отдохновения нашим сверхзанятым, живущим в вечной спешке и суете горожанам и заодно заставит их призадуматься о своих современниках, живущих рядом с нами на планете Земля, которых, благодаря их скромности, так часто совсем не замечают, — о наших братьях меньших — животных.

Б. Гржимек

ISBN 5-9555-0074-X

9 785955 500744